

УРАЛЬСКИЙ

ледоход

6

1960

Яков Михайлович Свердлов
(1885—1919)

Рисунок В. Васильева.

СЛЕДЫ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ и ФАНТАСТИКА
О ГЕРОЯХ
РАССКАЗЫ БЫВАЛЫХ ЛЮДЕЙ
ЗЕМЛЯКАХ
ЧТЫ СОВРЕМЕННИКОВ
ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ
УРАЛ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА
КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ
СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА

УРАЛЬСКИЙ Следопыт

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

В НОМЕРЕ.

ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ ДЛЯ ОХРАНЫ РОДНОЙ ПРИРОДЫ? ■ ИЗ БЛОКНОТА ЛЮБИТЕЛЯ ПРИРОДЫ. Заметки Николая Хрущева. ■ ХОЗЯЕВА РЕКИ. Записки о следопытских делах красноуфимских школьников. ■ СЕВЕРНЫЙ ОАЗИС. Очерк Ю. Курочкина. ■ НАШ АНДРЕЙ. Воспоминания старого коммуниста Г. А. Порошина. ■ СЛЕЗЫ СИНЬХО. Глава из новой книги писательницы Б. Дижур. ■ У ОБЛОМКОВ АМЕРИКАНСКОГО САМОЛЕТА. Заметки Е. Сакулиной. ■ ПЕРЕВАЛ. «НИЧЕЙНАЯ ЗЕМЛЯ». Короткие рассказы С. Илларионова. ■ НОВОЕ ИМЯ. Рассказ Марка Гроссмана. ■ УРАЛЕЦ НА АРАКСЕ. Из воспоминаний полковника С. Праги о первых годах советской пограничной службы. ■ ЗЕЛЕНЕ ЖЕЛЕЗО. Продолжение повести в рисунках. ■ СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ. ■ ПОХОДЫ СЛЕДОПЫТОВ. ■ УГОЛОК КОЛЛЕКЦИОНЕРА.

6

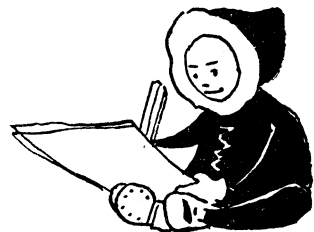
ИЮНЬ

1960

Свердловское Книжное Издательство

ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ ДЛЯ ОХРАНЫ РОДНОЙ ПРИРОДЫ?

Письма из редакции

ЛЮБИТЬ — ЗНАЧИТ БЕРЕЧЬ!

Дорогие друзья — все те, кто считает себя следопытом! Поговорим сегодня о нашем кровном следопытском деле — об охране природы.

Едва ли найдется человек, который осмелится заявить вслух: «Я не люблю природу». В этом, наверное, просто стыдно было бы признаться.

Ведь когда при тебе обижают товарища, то ты — верный, любящий друг — непременно встанешь на его защиту.

Вот так же смело и самоотверженно надо беречь родную природу!

Как боль, нанесенную другу, восприми, когда видишь, как равнодушная (а то и преступная) рука губит, может быть, последний в твоём районе кедровник, пакостит чудесный водоем, уничтожает редкого зверя, истребляет птичью молодь — будущих верных стражей наших полей и лесов!

Пословица говорит, что друзья познаются в беде. Но если ты видишь, что твой друг — природа в беде, спеши ей на выручку!

Давайте докажем, что следопыт — лучший друг природы!

Остановим неразумного мальчишку, разоряющего птичьи гнёзда.

Схватим за руку хищника-браконьера, неразумно истребляющего богатства рек, полей и лесов.

Обратимся с гневным упреком к руководителям предприятий, сливающих в наши озера и реки отходы производства.

Недавно создано Общество содействия охране природы и озеленения населенных пунктов. Будем активными членами его, воинствующими сторонниками разумного отношения к природным богатствам Родины, борцами за умножение их!

Но, чтобы умело беречь, надо знать!

Знать, что и как беречь.

Писатель Н. А. Ловцов пишет «Уральскому следопыту»:

«Мы часто не ведаем, что в природе полезно, а что вредно. В Китае уничтожают воробьев, считая их вредителями. А вот у нас, пожалуй, воробей больше приносит пользы. У меня на памяти случай.

Это произошло лет тридцать назад. Тогда было множество писательских организаций, и все они размещались в доме, где в 1812 году родился А. И. Герцен, — на Тверском бульваре, № 25.

Стояло теплое московское лето. В саду перед домом появилось множество воробьев. С утра до вечера они неистово орали, заводили драки, под застрехами дома пищали птенцы. Воробьиный галдеж был на самом деле невыносим. Один из руководителей писательской организации —

Б. А. Пильняк — вызвал старшего дворника и приказал ему очистить дом и сад от воробьев.

Дворники, вооружившись метлами и палками, прихватив лестницы, стали очищать усадьбу от воробьиных гнезд. Целый день летел на асфальт пух, шлепались насиженные яйца, оставляя кровавые пятна, падали и голые птенцы. Воробьи сразу притихли и, испуганные, рассеялись по сучьям старых тополей. А на другой день переселились на Тверской бульвар.

Прошло недели две, и на наш сад напали громадные зеленые гусеницы. Они с какой-то необычайной жадностью пожирали на деревьях листья. И когда сад был почти голый, приехал Михаил Михайлович Пришвин. Увидев вместо листьев на деревьях только полчища жирных гусениц, в ужасе развел руками.

— Это все новый председатель натворил, воробьев выгнал, — расказал ему кто-то из писателей.

Пришвин тут же направился к Пильняку и с горечью сказал:

— Борис Андреевич, вот не ожидал от писателя такого варварства!

— А кто знал, что воробьи питаются этими горькими гусеницами, — стал оправдываться наш Пильняк.

Он действительно не знал почти ничего о природе, это незнание и погубило наш сад».

Следопыт должен хорошо знать природу родного края, района, в котором он живет. Какие птицы и звери в нем полезны природе и человеку, какие вредны? Какие деревья и растения надо особенно тщательно оберегать? Какие памятники природы нуждаются в заботе человека? Приобретать эти знания и пропагандировать их — первый шаг ревнителя природы.

Было бы неразумно думать, что человек может только любоваться природой и не использовать ее на нужды общества. Да, нам нужен строительный лес для гигантов семилетки, много леса! Нужны мех лесных зверей и рыба наших озер и рек. Щедрая природа страны дарит нам все это в изобилии. Нужно лишь разумно использовать эти дары, по-хозяйски восстанавливать их запасы.

Пройдет сколько-то лет, и нынешние юные следопыты станут взрослыми. Будут среди них и директора заводов, и главные инженеры фабрик, и председатели колхозов...

Не уподобится ли кто из них тем иным нынешним директорам, которые ведут свое хозяйство, задумываясь только о сегодняшнем дне и не заглядывая в завтрашний, не заботясь о судьбе окружающей их предприятия природы?

Для этого надо уже сейчас

УМЕТЬ ЛЮБИТЬ ПРИРОДУ,

УМЕТЬ БЕРЕЧЬ ЕЕ

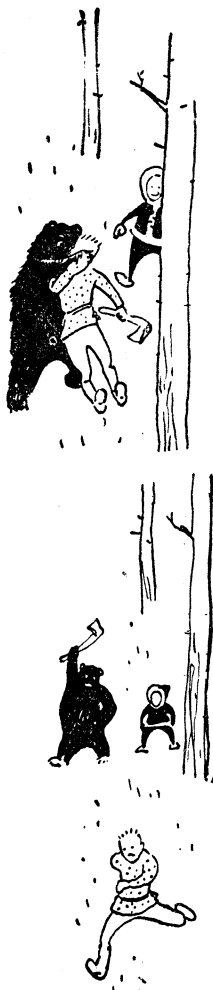
и, значит, ЗНАТЬ, как разумно использовать ее дары, как по-хозяйски восстанавливать природные ресурсы.

Охрана природы у нас становится делом общегосударственным. Ни в одной стране мира нет такого большого количества заповедников и заказников. Еще в первые годы Советской власти великий Ленин подписал декреты об учреждении заповедника и минералогического заповедника в Ильменских горах. Он говорил:

„Дело охраны природы имеет значение не только для Астраханского края, но и для всей республики, и я придаю ему срочное значение“.

Сейчас у нас во многих союзных республиках уже изданы и вступили в силу законы об охране природы, а в других — подготавливаются к утверждению их.

Но, чем ближе к коммунизму, тем больше в нашей стране функции государства переходят к общественности. Примером тому — народная милиция, народные суды, народные инспекции.

И тем более, следует считать общенародным дело охраны природы.

Да, государством создано много заповедников, миллионы рублей отпускаются на их содержание, тысячи научных работников трудятся в них. Сеть их, очевидно, будет увеличиваться и дальше.

Но ведь это не все!

НЕ ПОРА ЛИ СОЗДАТЬ ТЫСЯЧИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗАПОВЕДНИКОВ И НАМ, СЛЕДОПЫТАМ, СТАТЬ ИХ ОРГАНИЗАТОРАМИ?

Почему бы ребятам Ивделя не объявить своим городским заповедником два кедровника, расположенных в черте города? Охранять его от хищнических порубок, от насекомых-вредителей, лечить больные деревья, заботиться о росте новых деревьев?

Заповедник — это не только охранная зона. Это и исследовательская база, где будущие лесоводы, ботаники могут получить первые навыки научной работы в природе.

Почему бы, скажем, ремесленникам Лысьвы не взять под свое наблюдение городской парк, этот настоящий «Северный оазис»? Сколько интересных тайн может открыть юным следопытам науки старинный парк! Сколько пользы могут принести их наблюдения лесоводам других городов Северного Урала!

Почему бы школьникам Нязепетровска не объявить своим заповедником находящуюся в их районе дубраву и сделать ее базой заготовки желудей для закладки новых дубрав в нашем крае?

Ребята села Бардым (в Манчажском районе, Свердловской области)! На холмах около вашего села сохранились участки луговой, каменистой и ковыльной степи, представляющие большой научный интерес. Сохраните их!

«Уральский следопыт» бросает клич:

Ни одного города, ни одного населенного пункта без общественного заповедника!

Это наше кровное следопытское дело!

КАК ПОМОЧЬ ОХРАНЕ ПРИРОДЫ?

С таким вопросом мы обратились к сотруднику научно-исследовательского института озерного и речного рыбного хозяйства

Георгию Петровичу
ПОМЕРАНЦЕВУ

Это было пять лет назад на озере Шарташ. Стоял конец июня. Купальный сезон в разгаре. Сотни отдыхающих усеяли берега озера. Воду бороздили десятки лодок.

И вдруг люди заметили, что у западного берега вода взволновалась. На ее поверхности появились тысячи рыбьих плав-

ников. Рыба массой валила к берегу. Это были карпы — они шли сюда на нерест. Как известно, на озере Шарташ очень мало водной растительности. Только у западного берега она занимает неширокую полосу. Здесь и нерестится карп.

Люди, заметив рыбу, бросились ловить ее. Все лодки вмиг стянулись к западному берегу. Купальщики бросались в воду и пытались ловить карпов руками.

Не прошло и часа, как рыба отошла от места нереста и больше к нему не подходила. А через несколько дней на восточном берегу Шарташа мы наблюдали

такую картину: на прибрежном песке валялась масса засохшей икры, выброшенной прибоем. Рыба, отпугнутая от места нереста, ушла и выметала икру там, где нет растительности. Волны выбросили икру на берег, и она погибла.

Очень пугливы язь и лещ. Даже выстрелы вблизи мест нереста мешают рыбе нереститься.

Думаю, что следопыты могли бы оказать большую помощь в охране нерестилищ ценных видов рыб. Например, патрулировать у водоемов в дни, когда идет нерест, установить столбы с разъясными надписями, гнать и задерживать браконьеров.

БЛОКНОТА ЛЮБИТЕЛЯ ПРИРОДЫ

Каменное невежество

На скалах Чертова Городища, недалеко от Свердловска, уралмашевские туристы с большим трудом высекали заводскую марку «УЗТМ». Выглядит это, конечно, лучше, чем сотни других надписей, типа «Катя и Вася. 1956 год», или продырявленное стрелой сердце. Но портить памятники природы никому не дозволено: знаменитая марка на тысячи лет осталась здесь образцом каменного невежества.

Под водой

Вода Верх-Исетского пруда оказалась аква-лангистам не «первой прозрачности». А хотелось спуститься под воду, где, кроме собственных ног и пальцев вытянутой руки, можно еще что-нибудь видеть. Решили попробовать на озере Песчаном.

Все оказалось хорошо, вода чудесная, далеко видно. Стайки рыбешек проплывают мимо. Чистое песчаное дно. Только когда возле одного из берегов, где находится туристский ла-

герь, увидели на дне кучу консервных банок, всякий мусор, настроение испортилось.

Разве в обязанность туристов не входит следить за чистотой озера?

На смену козам

На дворе большого дома по улице Первомайской № 79 Свердловска за десять лет едва удалось вырастить несколько болезненного вида кустов и небольших деревьев. Почему? Раньше всю вину за порчу зеленых насаждений сваливали на домашних коз. Теперь им на смену пришли школьники — любители хоккея и молодежь из общежития завода коммунального машиностроения. Сами они не садили, не поливали, не ухаживали за посадками, зато ломают их каждый год аккуратно. А среди жильцов, как ни странно, не находится решительных людей для борьбы с двуногими вредителями.

Рогаточки

Нашел старую запись:

— Васька! Скворцы прилетели.

— Э-эх, рогатку бы!

С этого и начинается будущий браконьер и вредитель.

И еще хочется сказать: если вы увидите в весеннее время, что на реке поставлен «запор» — изгородь, мешающая проходу рыбы, — сломайте его. Этим вы очень поможете рыбному хозяйству.

А тем, кто интересуется жизнью рыб, очень советую узнать, какие рыбы водились раньше в местных водоемах, и почему они исчезли.

Доброе дело начали школьники города Сарапула. Осенью

они расчищали протоки из пойменных водоемов для того, чтобы выпустить рыбку молодь в реку. Как было бы хорошо, если бы почин сарапульцев подхватили другие ребята.

КАК ПОМОЧЬ ОХРАНЕ ПРИРОДЫ?

С таким вопросом мы обратились к члену бюро охотничьей секции ДСО «Буревестник»

Интеру Васильевичу
БАБУШКИНУ

У многих сложилось неверное мнение об охотниках, как о людях только уничтожающих все живое и ничего не дающих на-

шей родной природе. Но это далеко не так.

Умный охотник никогда не убьет птицу или зверя, если видит их в бедственном положении, никогда не разорит гнезда и не пройдет безучастно мимо нарушения охотничьего закона. Он всегда помогает животным в тяжелые периоды их жизни. Вспомните некрасовского деда Мазаю — вот настоящий охотник!

Я хочу показать на примере Сысертского охотничьего хозяйства ДСО «Буревестник», как наши охотники охраняют и обогащают природу.

Под хозяйство нам отвели участок площадью более 500 квадратных километров. Здесь — богатые и разнообразные кормовые угодья для зверя и дичи.

Продолжение на стр. 8

Защитник леса

Уничтожайте забой

Давно запрещены законом хищнические способы лова рыбы: мережи, бой острогой, глушение взрывчатыми веществами, отравы, переметы, заездки, саки и т. д. Но жадность еще живет и толкает людей на преступления.

Мы всегда возмущались, когда встречали на реке Серге большие «забой», устроенные браконьерами, и безжалостно разрушали эти сооружения. Называют «забой» сооружением не напрасно: подсчитайте сами, сколько кольев и гибких ветвей зеленых кустарников потребуется, чтобы перегородить плотным плетнем реку в 25—35 метров шириной. Поднимается рыба вверх по течению и натывается на такой забой. Ищет проходы и попадает в установленные там морды. Улов богатый. А рыбы с каждым годом меньше и меньше. Мелочь, которая попадает в морды, просто выбрасывают на берег.

Пока в таких малолюдных местах охранять рыбу некому: нет хозяев. Долг каждого туриста, охотника уничтожать забой на реках, задерживать браконьеров и предупреждать хищничество.

Бесполезная жестокость

И. С. Тургенев в своих заметках о недостатках охотника писал:

«Когда долго ничего не попадает, стреляет по галкам, по маленьким птичкам, по ласточкам — бесполезная жестокость». А в лесу за Втузгородком нам пришлось встретить людей, которые знали, что им ничего не попадет, и пришли нарочно стрелять «мелочь», да еще в глухое, голодное для птиц зимнее время. Ходят и «щелкают» из мелкокалиберных винтовок синиц, дятлов. Взрослые, солидные люди. Мы пробовали стыдить «охотников». «А вы идите своей дорогой. Спрашивать вас не собирались».

Однако, когда к нам подошло еще несколько человек и мы все дали понять, что шутить не намерены, стрелки поспешно ретировались.

На небольшой лесной лужайке мы нашли кустики лекарственного растения и стали собирать их. Где-то рядом послышалось сердитое покашливание и к нам подошел рослый мужчина:

— Здравствуйте! Что собираете?

Мы показали и объяснили, для чего нам нужна эта трава.

— Ну, извините. Лесник я на этом участке. Хожу, смотрю. Народу в лесу много. Кто отдыхать пришел, а кто озорства да воровства ради. Немного таких, но попадают. Вон там, в березнике, сейчас веники нарубленные отобрал. Две березки свалили и, как кролики, обделали. Утром двоих с палками задержал: штук пятнадцать соsenок порубили. На загородку, говорят, надо. Ходят в лес, как в свой чулан: чего захотел, то и взял. Да ведь еще обижаются и ругать начнут! А участок у меня хороший. Сколько тут добра лесного есть! В лесу, кроме деревьев,— и птица, и зверьки, и травы.

Лесник многое рассказал, и чувствовалась в этом простом рассказе настоящая любовь к природе и к своему делу.

Коменданты в роли кошек

Врагами городских ласточек и стрижей всегда были кошки. Последние годы на помощь кошкам пришли коменданты домов. На здании универмага по улице Вайнера в Свердловске несколько десятков лет существовала колония ласточек, до шестидесяти гнезд. Года три назад, когда ремонтировали и мыли окна верхнего этажа, по приказу коменданта сбросили на землю все гнезда. Это было осенью. А весной, когда ласточки построили новые гнезда, операцию повторили. С тех пор птицы оставили колонию навсегда.

Мне известно, что в Прибалтике, в Чехословакии жители не только не уничтожают гнезда ласточек, но, наоборот, подвешивают на карнизах домов искусственные гнезда из цемента или глины. А мы разве не можем сделать то же?

Николай Хрушев.

Взять под свою охрану памятники природы—скалы Семь Братьев и Чертово Городище—решили следопыты Свердловской школы № 72. Летом они организуют постоянный пост в этом районе, будут проводить среди населения беседы о значении природных памятников.

КАКАЯ ОНА, УФА?

Река Уфа, главный приток реки Белой, вытекает из горного озера Уфимского, близ горы Юрмы... Протяженность реки 837 км, площадь бассейна 46 000 кв. км. Река Уфа снабжает Красноуфимск водой, по ней сплавляется лес...

Эти сведения о реке можно прочитать в учебнике географии, справочнике, энциклопедии. «А какова она на самом деле, река, на которой стоит наш город, в которой мы купаемся и удим рыбу?» Этот вопрос заинтересовал ребят следопытского отряда средней школы № 1 города Красноуфимска. Решили познакомиться с родной рекой поближе — прокатиться по ней на лодках, от верховья до устья.

Но следопытский поход — не просто прогулка. Нужна цель. Обратились в горком партии. А там отряду посоветовали исследовать пойму реки Уфы в Артинском, Манчажском и Красноуфимском районах, изучить, как используются пойменные земли для увеличения продуктов животноводства, для повышения урожая овощей.

Вот это уже настоящие следопытские задачи! Одних «специалистов» сколько понадобится для этого: и топографы, и почвоведы, и ботаники, и геологи, и историки.

Много полезного и увлекательного рассказали следопытам о реке краевед Борис Яковлевич Пугачев, бывалый ту-

рист Леонид Павлович Храмов. Под руководством химика-почвовед Евдокимовой ребята учились брать образцы почвы, определять ее структуру, делать анализ. Ботаники изучали растения, топографы овладевали приемами съемки и составления планов, историки знакомились с прошлым района.

Все было готово, кроме... лодок. У школы их нет. Как быть? Кто-то вспомнил, что лодки есть у артели «Швейник», но поломанные, старые — на них далеко не уплывешь.

— А руки у нас для чего? — резонно заметил капитан отряда Саша Деревень. Через два месяца шесть отремонтированных лодок стояли на берегу Уфы.

Пятнадцать дней отряд провел в походе. Следопыты собрали материалы для составления почвенной карты поймы реки по Красноуфимскому, Манчажскому и Артинскому районам. Выяснили, как используются пойменные земли для развития овощеводства, как проводятся мелиоративные работы для улучшения лугов и пастбищ. Ребята выявили более 11 тысяч гектаров пойменных земель, пригодных для посева зерновых, кукурузы, однолетних трав, овощей, под пастбища. Ботаники собрали материал для составления карты лекарственных растений в пойме реки Уфы.

28 декабря 1959 года Красноуфимский горком партии в своем решении записал: «Работа отряда имеет большое народнохозяйственное значение, так как

Топографы Валерий Цурин и Эдуард Кугель на съемке местности.

вскрывает дополнительные резервы для увеличения посевных площадей колхозов и совхозов за счет рационального использования пойменных земель».

КОГДА РЯДОМ ТОВАРИЩИ

Какой туристский поход обходится без приключений и происшествий? И каждый такой случай предоставляет возможность проявить настоящие следопытские качества: смелость, мужество, смелку, чувство товарищества.

Уфа готовила путешественникам немало коварных неожиданностей. То это были перекаты с очень быстрым течением, то подводные камни, то просто коряги и колья. Командирам лодок приходилось быть очень внимательными.

Первая «беда» приключилась на другой день после начала похода. 8-го июня перевернулась лодка капитана отряда Саши Деревень. Виной тому были добрые побуждения Саши. На первом же привале он смастерил мачту и поставил парус, но просчитался. Из-за паруса рулевой не видел, что впереди. Через двадцать минут лодка наскочила на подводный камень и опрокинулась.

Что все промокли — не велика беда. Катастрофа заключалась в том, что карты, документы, продукты оказались в воде. Пришлось сделать внеочередной привал.

Больше всего волновался топограф Валерий Цурин. Сколько трудов вложило его звено в создание топографических карт! И вот все пошло прахом: бумага сморщилась, местами пожелтела, цветные карандашные линии исчезли. Что делать? Тут же возникло коллективное решение: пока не сделаем новые карты — дальше не двинемся. На несколько часов все стали топографами. Историки и почвоведы, геологи и ботаники трудились без отдыха — и карты были восстановлены.

Но не всегда природные условия благоприятствуют животным: в многоснежные зимы и когда образуется твердый наст — косуле трудно добывать корм. Тогда на помощь ей приходит охотник. В разных концах хозяйства стоят кормушки с сеном, или небольшие стожки, специально оставленные для подкормки косули.

Лоси, маралы и косули, когда сбрасывают рога, очень нуждаются в соли. И снова охотник приходит на помощь: приготавливает солонцы — участки земли, пропитанные солью.

Не сладко приходится боровой птице в тяжелые зимние месяцы — есть нечего. Мы высе-

ваем овес и кукурузу на лесных полянах и оставляем на зиму. Такие птичьи столовые охотно посещаются в трудную пору.

Для водоплавающей птицы на берегах озера устроены искусственные гнездовья — кучи хвороста, под которыми удобно скрываться от пернатых хищников. Отдельные участки озера густо заросли метелками канадского риса. Это новое кормовое растение высажено специально для уток.

Зато с хищниками здесь ведется жестокая борьба. Только в прошлом году мы уничтожили семь волков, одну рысь и много пернатых хищников.

В нашем хозяйстве можно встретить и маралов — уроженцев дальневосточной тайги, а сейчас равноправных жителей уральских лесов. Их завезли лет шесть назад.

Думаем скоро завезти к себе бобров: подготовительные работы для этого уже проведены.

Урал — раздольный охотничий край. Среди тысяч охотников немало и юных следопытов, которым по возрасту можно доверить ружье в руки. Мне хочется пожелать им: будьте застрельщиками в организации таких хозяйств — этих «уголков деда Мазая».

Продолжение на стр. 10

Около Михайловского завода случилось дело пострашнее. С утра на небе ни облачка. Припекает солнце. Тихо. Ширина реки в этом месте 150 метров, правый берег крутой, левый — пологий.

Вдруг набежали тучи, налетел ветер. Начался настоящий шторм. Волны — больше метра. Четыре лодки быстро пошли в укрытие, к левому берегу, две — «Розу» и «Венеру» — ветер оторвал от остальных. Они оказались в «открытом море».

Волны захлестывали лодки, у ребят не хватало сил бороться с разбушевавшейся водой. И тут проявились необыкновенная выдержка, смелость и сила Володи Забегалова. Высадив на берег ребят из своей лодки, он пошел на выручку «Розе» и «Венере». Двух девочек из этих лодок он взял к себе на борт. Быстро перевез их на берег, а потом вернулся снова и помог командирам Толе Куличкину и Валерию Цурину привести свои лодки в укрытие.

А в районе Азигулова путешественников догнали земляки-туристы школы № 9. На небе солнышко, а вид у земляков сумрачный. В чем дело? Оказалось, что пробило лодку, продукты все промокли, а деньги потеряли. Ехать еще три дня, а есть нечего.

— Нашего полку прибыло. Берем вас на довольствие, — от имени отряда решил капитан.

В Красноуфимск прибыли все вместе.

НА ЗАЩИТУ ПРИРОДЫ

— Замечательные ребята, — отзывается о следопытах Николай Иванович Дермин, руководитель кружка. — Работали в походе с увлечением и постоянно что-нибудь придумывали. Несколько ночей были холодными. Нашли выход из положения: разжигали вечером большой костер, прогревали землю, а потом, убрав угли и золу, забрасывали теплое место травой и ставили палатку. Хорошо спать на теплой земле!

Сейчас участники прошлогоднего похода кончают школу. Летом одни будут работать, другие собираются продолжать учебу. А в поход готовится новый отряд из учеников восьмых и девярых классов. Уже и капитана выбрали — Сашу Захарова. И поход будет посерьезней, чем в прошлом году.

— Что же мы будем делать нынче? — говорят ребята. — Во-первых, изучим пойму реки ниже Красноуфимска. А второе — природу защищать будем. Поведем борьбу с леспромхозом для его же блага. Тут у нас три задачи.

Чтобы выполнить план, леспромхоз рубит, как говорится, все, что под руку попадет. Начинается сплав древесины — береза и липа тонет. Топляки создают заторы, меняется русло реки. Тут двойная беда — и река страдает, и лес оголяется. Ведь сколько берез и лип могли расти и расти еще десятки лет, а из-за бесхозяйственности людей — лежат на дне Уфы. Это первое.

Второе — где рубится лес? По берегам. Берега оголяются, защитной полосы нет. Река с каждым годом мелеет все больше и больше. А сколько древесного мусора сбрасывается в Уфу! Вода окисляется, рыба гибнет.

В прошлом году мы проплыли по Уфе четыреста километров, а на скольких прибрежных озерах побывали — сейчас и не вспомнишь. И всюду тьма браконьеров: глушат рыбу взрывчаткой, ставят мережи. Пробовали считать таких «рыбаков» — со счета сбились, а представителей рыбнадзора — ни одного. И около нашего города никто рыбу не защищает, а только губят.

Слышали мы, что лет двадцать тому назад наш город был речным портом. Вот и решили летом изучить, какие работы нужно провести, чтобы Уфа от Красноуфимска до Саргая снова стала судоходной. Мы измерим глубину на разных участках, опишем все перекаты, подсчитаем, сколько грунта надо вынуть. Это наша третья задача.

Между прочим, судоходная река нужна прежде всего леспромхозу. Расположен он на берегу, дороги к нему плохие. Тут на помощь и придет река.

Мы приложим все силы, чтобы лес наш больше не редел, чтобы река не мелела, чтобы Красноуфимск снова стал речным портом.

* * *

Следопыты Красноуфимска взяли в свои руки судьбу реки, стали ее настоящими хозяевами — бережливыми, разумными, заботливыми.

Новых успехов вам, друзья-следопыты!

Константинова

ПЕСТРЫЕ ФАКТЫ

Лет двадцать пять назад на Урале появился невиданный здесь до этого зверек с красивой шелковистой шкуркой — ондатра. Штук двести этих зверьков привезли из других стран и выпустили в водоемы Свердловской области. Ондатра быстро размножилась. Тогда местных, рожденных уже на Урале, зверьков стали отлавливать и выпускать в соседние реки и озера. А через двадцать лет ондатра стала одним из самых многочисленных пушных зверьков на Урале, уступая в численности только белке. В 1956 году ондатровых шкурок заготовлено девяносто тысяч штук.

Теперь ондатра прочно заняла первое место в пушных заготовках на Урале.

При сплаве по реке Нице (Ирбитский район Свердловской области) ежегодно теряется часть древесины. «Затонувшего леса, — пишет газета «Коммунар», — хватило бы на строительство моста от Ключей, где начинается сплав, до Ирбита, то есть длиной не менее 25 километров. Только за последние три года дно и берега реки устлали 9500 кубометров древесины, которой достаточно, чтобы построить более 270 многоквартирных домов».

Газета называет и главного виновника безобразия — это директор Ирбитского леспромхоза Кондаков.

Бумажные комбинаты Пермского совнархоза ежедневно сбрасывают в Каму в виде отходов 80 тонн древесного волокна, 200 тонн щелоков и других ценных продуктов.

Из этих «отходов» за год можно получить 360 декалитров этилового спирта, 251 тысячу тонн литейных концентратов, 10,7 тысячи тонн кормовых белковых дрожжей, 30 тысяч тонн бумаги — на общую сумму свыше 100 млн. рублей.

И природу портят и деньги в воду выбрасывают!

В 1959 году в бассейне Тавды работала сейсморазведка. Геологи подымались вверх по рекам на катажах и через каждые четыреста метров бросали заряд взрывчатки. Особенно охотно использовали они глубокие ямы, где обычно скапливается рыба.

Использование речных глубин для сейсморазведки избавляет геологов от необходимости копать глубокие шурфы. Геологи очень тщательно подсчитали экономию средств, которая получается при этом. А подсчитывали они, какой ущерб рыбному хозяйству наносят взрывы? Вероятно, этого не сделал и рыбнадзор Свердловского облисполкома, а следовало бы! Может быть, копать шурфы все же лучше, чем уничтожать рыбу?

КАК ПОМОЧЬ ОХРАНЕ ПРИРОДЫ?

С таким вопросом мы обратились к ученому-лесоводу

Михаилу Филипповичу

ПЕТРОВУ

Я хочу сказать об охране лесов. Очень нужно это дело. Особенно сейчас, когда в тайгу пришла целая армия строителей, создающих там заводы и города, железные дороги и газопроводы. Многие из них в тайге впервые и, к сожалению, не понимают, что эта самая «упрямая тайга» с ее непроходимыми чащобами и трясинами, с завалами и болотами — враг временный. Да, лес мешает строителям заводов. Он мешает

применить технику, мешает доставке стройматериалов. Но зато потом, когда вырастут корпуса заводов и городов, этот же самый лес превратится в лучшего друга. Он мешает ветрам задувать дороги зимой, солнцу — иссушать летом реки, заводской гари и дыму — загрязнять воздух новых городов.

Прежде чем срубить мешающее вам дерево, подумайте, а нельзя ли сохранить его.

Есть у лесов страшный враг — насекомые-паразиты. В 1954—1956 годах на громадных площадях лесов Западной Сибири свирепствовал сибирский шелкопряд.

Полчища зеленых гусениц наводнили тайгу. В первую очередь от них пострадали ценнейшие породы деревьев: кедр и сосна. Гусеницы окукливались, превращались в крупных коричневатого цвета бабочек. Бабочки разлетались широко по тайге, границы очага расширялись, охватили Томскую, Новосибирскую области и Алтайский край. На борьбу с шелкопрядом была брошена авиация: зараженные места опыливались дустом.

Тысячи людей работали в тайге. Особенно отличались школьники старших классов. Они

Продолжение на стр. 14.

Северный ОАЗИС

Прошлым летом в Лысьвенском народном музее, созданном силами общест­венности, мне довелось увидеть старинную фотографию.

Колонна ребят с оркестром во главе торжественно шествует куда-то. С любопытством смотрят на процессию взрослые. Снимок старый, ему, вероятно, лет пятьдесят.

— Это снято в день открытия нашего парка,— пояснил организатор музея старый лысьвенец Михаил Андреевич Сибиряков.— Слыхали о нем? Знаменитый парк! Обязательно посмотрите. Вот ребята проводят вас.

О парке я слышал кое-что и раньше. Видевшие его рассказывали об этом «северном оазисе» с восторгом и восхищением. А по дороге к парку юные помощники заведующего музеем — Ваня и Сережа — усердно, наперебой добавляли к услышанному ранее новые интересные подробности.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ПУСТЫРЯ

В начале нынешнего века на окраине дымной, грязной Лысьвы лежал обширный пустырь. Старший лесничий Лысьвенского округа Александр Владимирович Зануцци, большой любитель леса, давно приглядывался к нему. Обмерял его, что-то чертил, планировал...

Однажды весенним днем, подговорив группу лысьвенских заводских ребят, учеников местных школ и училищ, строем, под звуки добытого где-то оркестра направился вместе с ними на облюбованный лесничим пустырь. Здесь уже ждали их сотни разных саженцев, собранных Александром Владимировичем по окрестным лесам, привезенных откуда-то изда­лека или выращенных из семечек здесь же, в оранжерее. Закипела работа, и к концу этого теплого весеннего воскресного дня пустырь стал неузнаваемым. Стройные ряды лип, березок, лиственниц, пихт, сосенок разбежались по легким склонам горы. Вокруг пустыря выросла оградка.

Покрытая вековой копотью Лысьва словно помолодела от этого зеленого пятна. Небывалое в истории древнего поселка дело свершилось: Лысьва получила парк. Небывалое — так как садить деревья в своих усадьбах лысьвенцы считали баловством (лес-то рядом!), а хозяевам завода на озеленение поселка было, мягко говоря, начинать — прибыли это принести не могло.

Так появился этот парк, ставший примечательностью и гордостью Лысьвы. Деревца подросли, образовали тенистые аллеи, где с удовольствием резвилась детвора, отдыхали утомленные от «огневой работы» мастера, по воскресень-

Лесовод Зануцци.

ям сюда приходили семьями, компаниями, звенела музыка, неслись песни...

ОПАЛЬНАЯ ДОСКА

А вот и парк. Недалеко от входа — чугунная литая доска. На ней надпись: «Парк сей создан по мысли и заботами старшего лесничего Лысьвенского округа, ученого-лесовода Александра Вла-

Идут на открытие парка.

димировича Зануцци, служившего с 15 ноября 1902 года по 7 марта 1913 года».

У доски тоже своя история. Она не раз бывала в опале. Долго стояла она, не возбуждая ничьего особого внимания: посетители парка, проходя мимо нее, возможно, не раз поминали добрым словом человека, оставившего о себе такую хорошую память, бывшего организатором такого благородного дела.

Но вот однажды на доску поступила жалоба. Какой-то сверхбдительный поборник истины заявил, что поскольку лесничий был на службе у графов Шуваловых, его следует считать буржуйским прихвостнем, а доску — убрать. Как будто в то время кто-нибудь мог в Лысьве служить не у графов Шуваловых, в чьих руках находился завод, а, скажем, в управлении совхозов.

Однако доску сняли. Многие не согласились с этим. Начались дискуссии, в итоге которых через какое-то время доску решили установить вновь. Но она... исчезла. Только через полгода нашлась она и утвердилась на старом месте.

И очень хорошо, что утвердилась: почему не помянуть добрым словом имя человека, сделавшего хорошее дело. А об отношениях же между хозяевами завода и лесничим можно судить по одному факту: говорят, что в результате этих отношений Зануцци покончил жизнь самоубийством. А вот старые рабочие помнят его по-хорошему.

СЕВЕРНЫЙ ОАЗИС

Снаружи парк как парк. Но войдя в него, видишь, что он не совсем обычен, и это все время чувствуешь. Стройность и строгость его планировки — это еще не главное.

Хотя — как это красиво: вот стройная липовая аллея, вот высаженные в шахматном порядке ели, вот уголок лиственниц... Там семейка пихт, сколочек соснового бора, содружество кудрявых березок... Тополь, осина, черемуха, рябина... А вот и менее обычные вещи: яблонька, клен ясенелистный, неизвестный в здешних лесах боярышник. Вон машет пушистыми пучками иголок темно-зеленый кедр. Уютную беседку со всех сторон заткал своими побегами хмель. А что это там — неужели дуб, бо-

Уголок парка.

гатырь южно- и среднерусских лесов? Ведь область его распространения значительно южнее! Да, это он. И не один — их тут несколько.

ЗА НОВЫЕ ОАЗИСЫ

Все обитатели окрестных лесов собраны здесь в содружестве с «гостями», жителями далеких отсюда мест. Начинает проявляться то чувство необычности, охватывающее при входе в парк. Ученый-лесовод решил показать приходящему сюда: вот что растет в наших лесах, а вот что еще может расти — на радость и на пользу людям. Хорош дуб? Кто будет спорить — конечно, хорош! Так давайте же будем растить его в наших лесах, видите — он может расти у нас!

Час или два мы проходили по парку — и не хотелось уходить из него, так он хорош и красив, так умно и дальновидно задуман.

— А сколько видов деревьев высажено здесь? Какие?

Мои спутники сначала удивленно, а потом смущенно переглянулись. Они этого не знали.

— А кто знает?

Смущение юных краеведов нарастало. Пожалуй, говорят они, никто в Лысьве не знает.

— Какова площадь парка? Кто и как его изучал? Каково значение парка в лесоисследовательском отношении? Остались ли после Зануцци его рабочие дневники, проекты, записи наблюдений над парком? Где они?

Увы! Десять вопросов и ни одного ответа!

Сейчас «Северный оазис» эксплуатирует как парк культуры и отдыха городской отдел культуры. Может быть, что-нибудь скажут там?

Мы пришли в отдел культуры. На нас посмотрели с нескрываемым удивлением, даже проверили документы — зачем это понадобились такие сведения, которые здесь, в отделе, ровным счетом никого никогда не интересовали. Мы спросили директора парка. Он сослался на свое недавнее пребывание на этом посту и промолчал. Мы спрашивали в сельхозотделе горсовета, в горкомхозе, в отделе благоустройства, озеленения... Нас отсылали от одного к другому, с одного телефона на другой, от зава к заму, от пома к врию, но, увы, — никто из них ничего вразумительного сказать не мог. Да, есть парк. Хороший парк. Удобен для отдыха. А остальное — не знаем.

Даже в лесхозе, где собрались наиболее квалифицированные специалисты по лесу, парком никто не заинтересовался.

А как жаль! Ведь это — богатейшая исследовательская и пропагандистская база. Вот где изучать жизнь представителей наших лесов, вот где наблюдать за возможностью акклиматизации в наших краях южных гостей. Вот где, наконец, можно прививать молодежи любовь к «зеленому другу», растить энтузиастов лесоразведения, будущих профессоров леса! Вот где пропагандировать озеленение наших городов!

А старик Зануцци, как видно, заботился не только о создании парка. Можно не

Памятная доска в парке.

ссылаться на воспоминания тех, кто остался в живых из участников закладки парка, это видно и так. Выйдя из парка, взгляните с пригорка на Лысьву. Тут и там вы увидите островки зелени — старых (увы, только старых!) деревьев. Подойдите к одному из них поближе, и убедитесь, что деревьям этим столько же лет, сколько и парку. Старый лесничий посеял не только семена деревьев в местном парке, он посеял также семена любви к лесу у многих из своих юных друзей. Они и садили деревья у своих домов.

Зануцци умер. Парк остался жить. Но

энтузиастов леса, подобных Зануцци, в Лысьве оказалось мало. Деревьев здесь больше почти не садили. Даже сейчас, когда каждому городу, в том числе и Лысьве, отпускаются огромные средства на озеленение, когда в одном городе сейчас уже не один, а добрый десяток специалистов-лесовиков, зелени в разросшейся Лысьве очень и очень мало.

В книжке о городе, выпущенной год-два назад, мне встретились два снимка на одной странице. На одном — покосившиеся, дряхлые хибары старого поселка и перед ними — ряд мощных густых тополей. На другом — красивый шестиэтажный дом новой Лысьвы и перед ним — голое место. Подпись гласит: «На месте, где стояли полуразвалившиеся дома, сооружено благоустроенное жилое здание».

Это, конечно, хорошо. Но где же деревья? Срубить их сумели, а посадить нет. Снимки и подпись — укор строителям, да и не только строителям.

Хорошо, что молодежь новой Лысьвы решила взять дело озеленения в свои руки. Лет десять назад на месте старого кладбища комсомольцы заложили парк имени двадцатилетия ВЛКСМ, нынче состоится его открытие. Большой парк создают около своего предприятия молодые рабочие Турбогенераторного завода. «Северный оазис» не будет одинок!

Ю. Курочкин.

первыми обнаруживали места скопления вредителей, сообщали о них лесной охране, уничтожали гусениц, по вечерам разводили костры, на огонь которых слета-

лись бабочки. Больших трудов стоило преградить дорогу шелкопряду, спасти от него тайгу.

Нашествие этого вредителя может повториться, и поэтому нужно

очень зорко наблюдать за лесом. Не проходите мимо такого «пустышка», как скопление зеленых гусениц: он может очень дорого обойтись нашему лесному хозяйству.

КАК ПОМОЧЬ ОХРАНЕ ПРИРОДЫ?

С таким вопросом мы обратились к егерю

Николаю Моисеевичу

ЕРОШЕНКО

Охраной природы мне приходится заниматься по долгу службы. Весной я охраняю гнездовья птиц, слежу за соблюдением правил и сроков охоты, летом кошу сено, устраиваю солонцы и подкормочные площадки для лосей и зайцев. Осенью помогаю бобрам в заготовке кормов. Зимой

провожу учет и подкормку соболей. Круглый год борюсь с хищниками и браконьерами. Я думаю, что отвечу на вопрос «Уральского следопыта», если расскажу о помощи, которую мне оказывают мои юные друзья — ребята из Ивделя и поселка Лиственичного.

Ничто не укрывается от их зорких глаз. То они сообщают, что на реке Пыновке бобры повалили несколько осин, но деревья зависли, не упали в реку и теперь недоступны бобрам. Мы вместе

идем на Пыновку и валим деревья, куда нужно.

То найдут гнездо ястреба-теревятника, страшного врага бортовой дичи, то принесут тушку ондатры, погибшей по неизвестной причине.

А браконьерам совсем плохо приходится: когда на страже закона стоит не только егерь, а еще десятки людей, которые все видят и все знают, тогда хищнику в лесу проходу нет.

Окончание на стр. 23.

ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Июньским вечером над Центральным стадионом поднимается голубое полотнище с эмблемой мира и дружбы — голубем мира. Вслед за ним над всеми стадионами, площадями и парками области, в Свердловске и Тагиле, в Талице и Гарях, заалет восходом кумач праздничного оформления. Это праздник молодежи, праздник счастья, молодости, красоты и силы. Праздник героев труда, праздник молодых строителей коммунизма.

Девиз праздника: семилетку — в пять! На кратких торжественных митингах, которые бурной стремительной волной понесутся по области, молодежь будет рапортовать о трудовых победах, о новых заводах, домнах, станах, воздвигнутых руками молодежи.

Для многих этот день будет и самым памятным в жизни: лучших юношей и девушек комсомол примет в свои ряды. Лучшие комсомольцы будут приняты в ряды партии.

25 июня в 6 часов вечера перед Центральным стадионом Свердловска появят-

ся колонны молодежи. Праздник откроют маршем молодости физкультурники. Будут поединки сильнейших спортсменов, выступления лучших артистов на эстраде.

А вечером море молодежи заплетет смехом, музыкой и песнями на улицах и площадях больших и маленьких городов, в деревнях и селах.

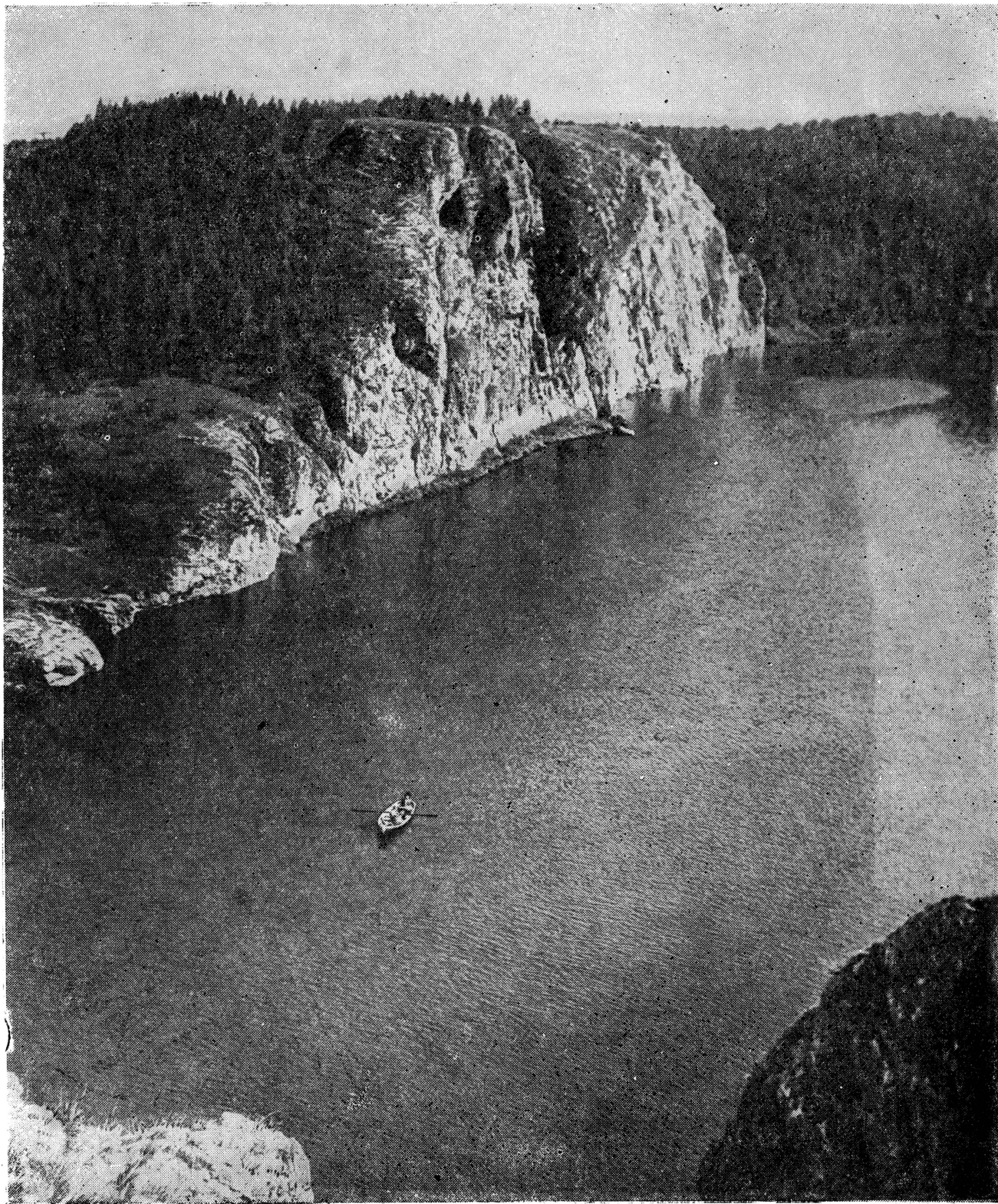
26 июня с утра праздник вспыхнет с новой силой. В этот день болельщиков и зрителей не будет. Каждый сможет попробовать свои силы в многоборье ГТО или на эстрадных площадках. А в 4 часа на Центральном стадионе грянет мощный многотысячный хор песнями молодости, мира и счастья.

Молодой человек! Это твой праздник и ему ты должен отдать свои трудовые успехи. Молодой человек! Твое место в праздничных колоннах, на беговых дорожках стадиона, на эстрадных площадках, в хоре друзей, в хороводе товарищей!

Мы празднуем трудовые победы семилетки, успехи коммунистического строительства, торжество идей коммунизма!

Г. Томилов

Река Каменка.

Удён ПО УРАЛУ

Камень Ермак
на реке Чусовой

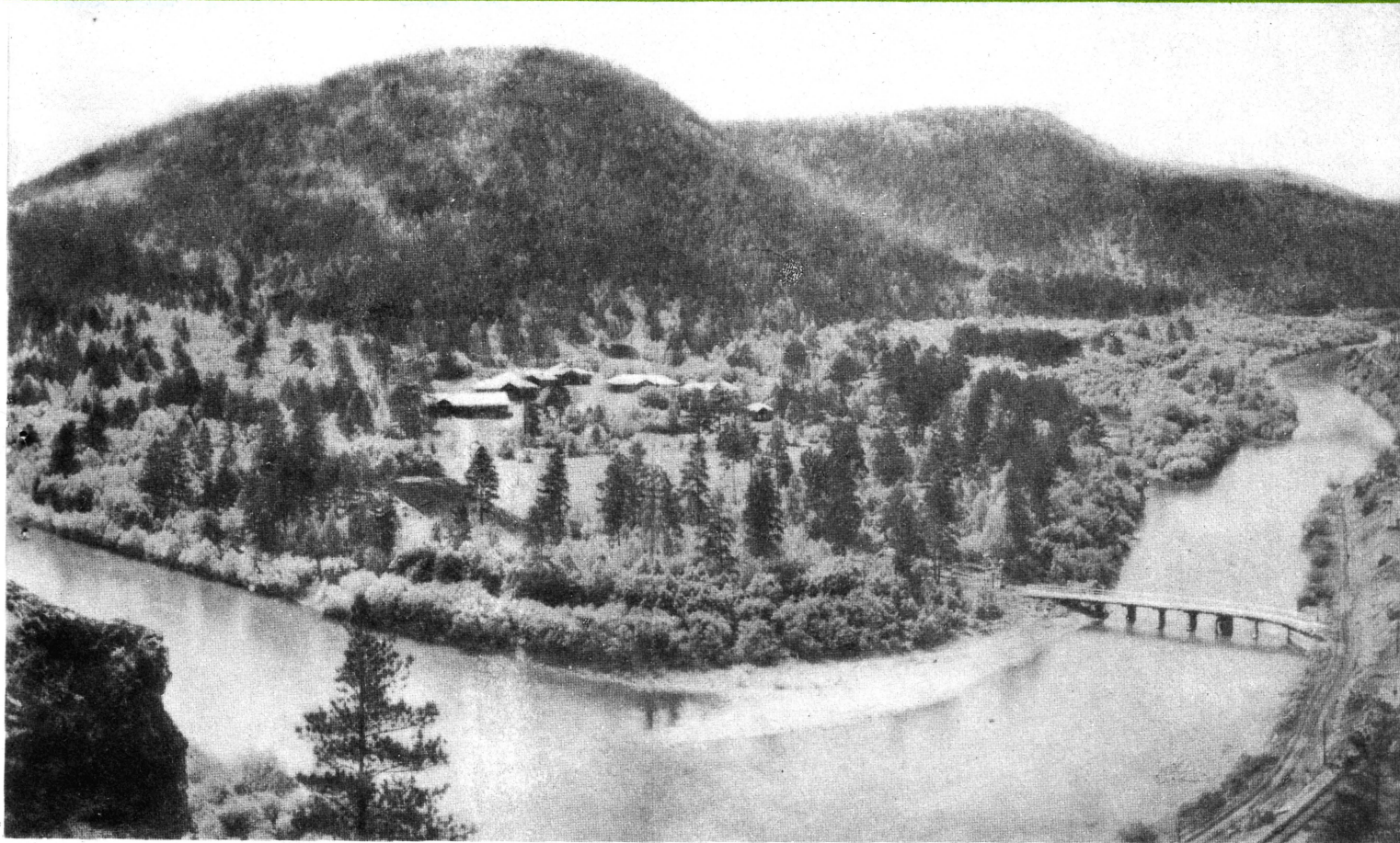

Скалы на горе Паленая близ станции Нейво-Рудянка

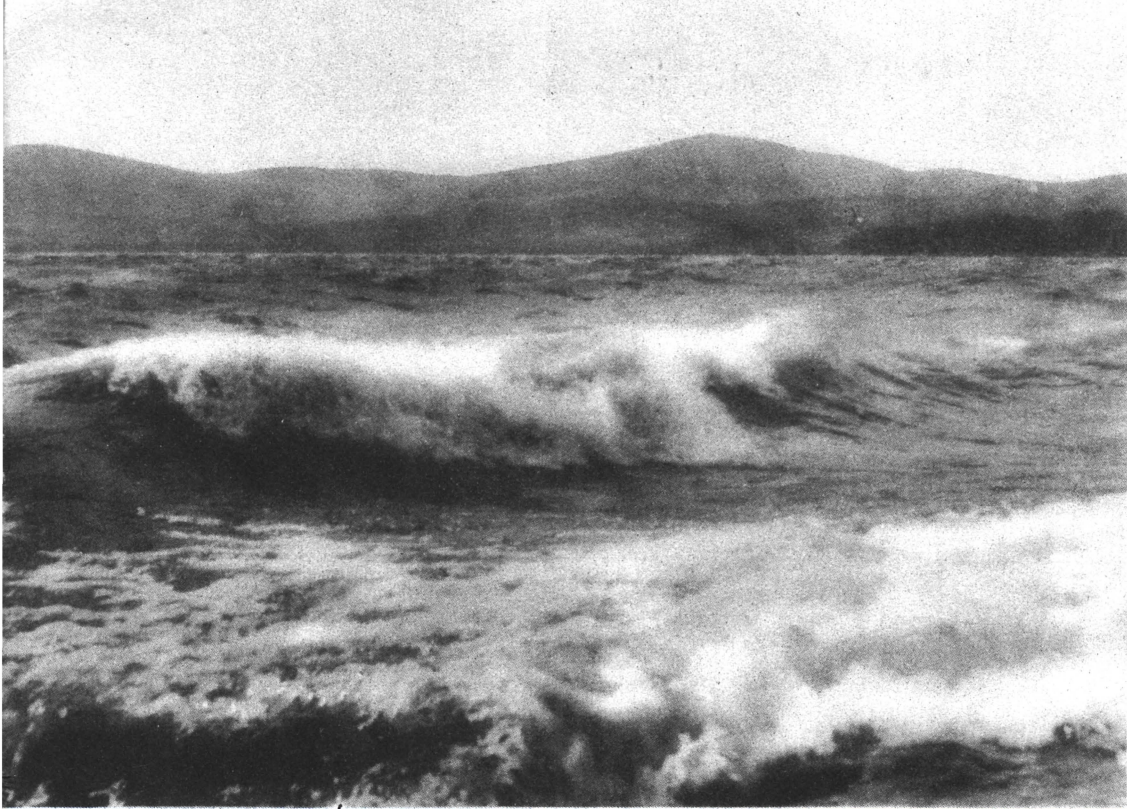

Панорама Большого Таганая

Река Юрюзань в районе ст. Вязовая

Озеро Тургойак

„Чёртовы ворота“
на вершине Юрмы

ПЕСНЯ О КАЧКАНАРЕ

Стройки семилетки, над которыми шефствует комсомол,— ныне самые поэтические места для литературной молодежи. Не бывает дня, чтобы их не навести поэты и прозаики. Особенно большой популярностью пользуется Качканар— о нем мы не раз писали на страницах журнала.

Сейчас многие поэты пытаются создать массовую песню о Качканаре. Упорно работает над такой песней и уральский поэт Николай Мережников. Вот несколько строк-заготовок из его поэтического блокнота:

Обжитой город тесен.
И путевки зовут
В край несозданных песен
И нетронутых руд.
Нет завиднее чести,
Чем идти вперед.
Крылья вырастить песне
И руду разбудить.

В горах над плотиной заплещется море.
Огнями тайгу озарит комбинат,
Добытая слава тропинку проторит
К бойцам качканарских бригад...

Работа продолжается. Молодежь ждет новую песню Николая Мережникова. Она ждет песен и других поэтов.

Какой, по-вашему, должна быть песня о Качканаре? Напишите об этом «Следопыту».

А. Походов

ПЕРВАЯ НА УРАЛЕ

Это было на девятом году Советской власти в небольшом селе Петрокаменское, недалеко от Нижнего Тагила. Крестьяне, услышав из газет о ленинском плане электрификации России, решили построить свою гидроэлектростанцию.

— Осветим дома, а потом сообща купим моторы и будем молотить хлеба, сортировать зерно.

Гидроэлектростанцию стали строить на паях.

В первые же дни столкнулись с трудностями, не было материала. Бедняки написали письмо всесоюзному старосте Михаилу Ивановичу Калинин. Они просили его помочь «построить первую электростанцию на Урале, чтобы легче было жить». Михаил Иванович не замедлил ответить. Он обещал не только помогать строительству, но и просил крестьян принять его в члены-пайщики. Через пять лет межколхозная гидростанция дала ток. Ей присвоили имя Ильича, а под окном поставили на пьедестале его бюст. Осветились дома колхозников, клубы, фермы, амбары.

С тех пор прошло 28 лет. Уже давно в Петрокаменский район пришел промышленный ток с огромных станций Урала, а энергия маленькой ГЭС включена в общую линию. Но петрокаменцы не забывают свою гидростанцию, заботятся о ней. В прошлом году из-за гнилости свай плотину прорвало, создалась угроза выхода ее из строя. И снова, как много лет тому

назад, жители Петрокаменского и близлежащих сел и деревень дружно вышли на работу. В течение нескольких месяцев плотина и створы были построены заново.

Многие ветераны— первые строители и рабочие этой электростанции живут в Петрокаменском. Только в прошлом году ушли на пенсию плотинный мастер Павел Яковлевич Крылаев, мастер Николай Семенович Шведкин. А первый монтер станции коммунист Михаил Григорьевич Смольников и сегодня работает старшим дежурным машинного зала.

В. Егармин.

Помещение Петрокаменской гидроэлектростанции.

О друзьях-товарищах

НАШ

ВОТ ЭТО ЗДОРОВО!

Мне исполнилось 75 лет. Мы ровесники с Яковом Михайловичем Свердловым. А в 1905 году я был совсем молодым двадцатилетним парнем. Работал электриком на Екатеринбургской электростанции «Луч». Как многие мои сверстники, очень интересовался политикой. Жадно поглощал политическую литературу, старался не пропустить ни одного собрания, митинга, массовой демонстрации.

Я, как и многие молодые рабочие ребята, поначалу не очень разбирался в политических течениях внутри рабочего класса. Для всех нас ясно было одно: с царскими властями, с буржуями-эксплуататорами надо драться всеми средствами. Мы искали возможности, искали пути для того, чтобы пустить в действие наши неистраченные силы, наш революционный запал.

И такая возможность, наконец, появилась.

В конце сентября или в начале октября 1905 года на Митькиной горе (ныне застроенная территория — в районе поселка «Красная звезда») нам привелось послушать выступление большевистского оратора, приехавшего к нам в Екатеринбург по заданию ЦК РСДРП.

Собралось больше ста человек. Все народ местный и, в общем-то, известный. Незнаком мне был только один молодой человек с большой черной шевелюрой, резкими чертами лица, в пенсне, одетый в серый костюм. Он сидел на камне и о

4 июня исполнилось 75 лет со дня рождения Якова Михайловича Свердлова — одного из виднейших деятелей Коммунистической партии и Советского государства. Годы первой русской революции Я. М. Свердлов провел на Урале.

Интересны подробности событий этого времени в воспоминаниях старого екатеринбургского рабочего коммуниста Григория Александровича Порошина. Он персональный пенсионер, за активное участие в революционных событиях 1905—1907 годов награжден орденом Ленина.

АНДРЕЙ

чем-то разговаривал с молодежью. Я к незнакомцу не подошел, так как считал, что он слишком молод, для того, чтобы быть оратором, да еще известным.

Когда же слово для доклада представили товарищу Андрею, к моему удивлению, молодой человек поднялся на каменья и начал говорить.

А говорил он о том, что главная задача рабочего класса — уничтожение царизма, а выполнить ее можно только вооруженной рукой, для чего необходимо готовиться к восстанию и создавать боевые дружины.

Это было то, о чем думали и мечтали мы, рабочие. И едва Андрей кончил, как из толпы раздался восторженный возглас: «Вот это здорово!». Мы все обступили оратора, засыпали его вопросами о том, как организовать боевую дружину, где добыть оружие.

Революционно настроенная рабочая молодежь охотно вступала в боевую дружину, вступил в нее и я.

Это была моя первая встреча со Свердловым.

КАК СТАРИКИ ДИНАМИТ ПРОСПАЛИ

19 октября 1905 года вооруженные черносотенцы напали на большевистский митинг, созванный на Кафедральной площади в самом центре Екатеринбурга. Правда, до руководителей митинга погромщикам добраться не удалось, но бока они нашему брату намяли изрядно.

Ясно стало, что вооружение наших

дружинников недостаточно, для того чтобы противостоять черной сотне. У нас было несколько десятков устаревших револьверов да самодельные бомбы-бертолетки. Шум и дым от этих бомб был большой, а практически они были почти безвредные.

Нужно было доставать оружие по-серьезнее. В частности — взрывчатку.

Где ее взять?

Надоумил нас Федич — Федор Федорович Сыромолотов — начальник большевистской боевой дружины. Федич служил смотрителем на Медном руднике (теперь

Этот юный нижегородский гимназист — уже член революционных кружков. Через год, шестнадцати лет от роду, он вступит в Российскую социал-демократическую партию — партию, которой он был верен до последней минуты своей яркой жизни.

город Верхняя Пышма). Он нам и предложил взять динамит с рудничного склада.

Мы съездили посмотреть, что за склад. Оказалось, стоит он примерно в двух верстах от рудника, на вырубке в лесу, соединен с конторой телефоном. Караулят склад поочередно трое стариков.

17 декабря мы, четверо дружинников, поздно вечером отправились на операцию. Подводу нам дал знакомый крестьянин. Не доезжая немного до склада, вырубил тонкое деревце и, прикрепив к нему крючок, оборвали телефонные провода.

Подошли к сторожке, прислушались. За ее стенами раздавался богатырский храп. Мы стариков беспокоить не стали и направились к складу. Быстро пропилили в дверях отверстие и вытащили восемь полторапудовых ящиков динамита, коробку с запалами и моток бикфордова шнура.

Груз этот кружным путем привезли в город и спрятали по квартирам. Последний ящик привезли ко мне на дом в поселок Верх-Исетского завода.

Утром старики-сторожа прочухались и подняли тревогу. Пока добежали до конторы, пока дали знать в Екатеринбург, (а мы, возвращаясь с операции, основательно, в нескольких местах, оборвали связь рудника с городом), пока полиция собиралась нас ловить, все следы были уничтожены: на наше счастье пошел густой снег.

Наши трофеи пригодились не только нам, екатеринбургским боевикам.

Мы поделились динамитом и с южноуральскими боевиками. Несколько килограммов послали в Одессу.

БОГОМОЛКА ЮЛЯ И КОНФЕТКИ С ОСОБОЙ НАЧИНКОЙ

В январе 1906 года в Екатеринбурге начались массовые аресты. «Замели» и меня. Я при аресте назвал вымышленной фамилией — Борисовым. Старался запутать власти, чтобы избежать немедленного обыска. А вы ведь помните, что последний ящик с динамитом я привез к себе на квартиру? Да и литературы дома было немало.

Мой расчет оказался правильным: мать моя, сообразив, что сына посадили, успела надежно запрятать и взрывчатку, и нелегальные книжки. Когда один из судейских чиновников все же опознал меня и наш дом был обыскан, жандармы ничего уличающего не нашли.

Скрепя сердце, властям пришлось меня выпустить на поруки.

Едва я выбрался на свободу, подоспело новое дело. На этот раз нужно было организовать побег из тюрьмы нескольких политических заключенных. Я помогал в этом молодому большевику Мише Герцману.

Поначалу дело шло довольно гладко. Перво-наперво надо было переправить в тюрьму оружие и взрывчатку, с помощью которой можно было взорвать тюремную стену, так называемый «баркас», который отделял двор тюрьмы от Ивановского кладбища. Побег мы собирались совершить во время прогулки заключенных.

Как же перехитрить тюремщиков?

Долго думали и прикидывали. Наконец сообразили. Доступ к арестантам мы могли получить через... тюремную церковь.

В нее допускались все желающие. Молящиеся из числа людей свободных располагались внизу, арестанты же находились на хорах (балконе). По окончании богослужения молящиеся, направляясь из церкви, на какое-то очень короткое время оказывались рядом с арестантами, спустившимися с хоров.

Вот на использовании этого мгновения и был построен весь наш расчет. Он оправдался. Скрывшаяся под видом усердной богомолки Юля Горшкова сумела, выходя из церкви, перебросить через решетку нашим товарищам два револьвера и две пироксилиновые шашки.

Динамит мы переправили другим способом: нарезали его на небольшие дольки и завернули в обертки от конфет. Получилось у нас такой карамели фунта два. Насыпали конфетки с оригинальной начинкой в кулек с настоящими конфетами и послали вместе с продуктовой передачей. Наша посылка не вызвала никаких подозрений и была благополучно доставлена адресатам.

Побег сорвался нечаянно. С территории Ивановского кладбища я перебросил в тюремный двор записку, по неосторожности даже не зашифровав ее. На нашу беду, записку подобрали не заключенные, а один из надзирателей.

Меня снова посадили. На этот раз выкрутиться мне не удалось. В течение очень короткого времени я был трижды осужден... за нелегальное хранение оружия, за участие в организации одного, а потом и другого побега из тюрьмы. Каждый суд увеличивал мне срок наказания, и в результате я оказался обладателем приговора по совокупности к 10 годам каторги.

«НИКОЛАЕВСКИЕ РОТЫ»

Каторгу я начал отбывать в так называемых «Николаевских ротах», расположенных недалеко от поселка Нижняя Тура. Славилась она своим жестоким режимом и зверством тюремщиков.

Били там политических страшно, выдумывая нелепые поводы для расправы. К примеру, идет прием новой партии заключенных. На одного из них набрасы-

вается тюремный чин: «Длинные волосы носишь, социалист!» И начиналось избивание кулаками, прикладами, ногами. Другого, со стриженной головой, также били, приговаривая: «Знает, чертов сын, что у нас за длинные волосы бьют, вот и остригся!» Избитых бросали в карцеры с цементным полом, а на пол наливали ледяной воды.

На первой же прогулке в тюремном дворе я увидел Якова Михайловича Свердлова, которого знал по Екатеринбург.

Вскоре Свердлов поднял тюрьму на протест против произвола тюремщиков. Решено было пустить в ход самое сильное в наших руках оружие — голодовку. Но ведь сама по себе голодовка одиночных политических заключенных никакого влияния на тюремщиков оказать не могла. Другое дело, если бы на борьбу поднялась вся тюрьма и, самое главное, если бы о голодовке знали наши товарищи на воле, общественность, газеты.

Для успеха дела очень важно было

Редкое фото, обнаруженное в архивах Казанского полицейского управления. Семнадцатилетний Яков Свердлов — уже опытный подпольщик. За его плечами — руководство демонстрациями и марксистскими кружками сормовских рабочих, слежка и аресты полиции. Он без колебаний избрал свой путь — путь борца за большую человеческую правду.

1905 год. Яков Михайлович руководит революционными выступлениями уральских рабочих. Многогранная, кипучая деятельность: организация Совета рабочих депутатов, школы агитаторов, митинги. «Товарищ Андрей» — ласково называли его уральцы. Ему в ту пору было всего двадцать лет.

наладить связь внутри тюрьмы, а главное — с внешним миром.

Яков Михайлович блестяще справился с задачей. Весть о наших планах проникла в общие камеры и на волю при помощи двух «почтальонов». Одним из них был тюремный... поп.

Далекий от революционных идей, поп был смертельно обижен на свое церковное начальство, лишившее его доходного прихода и загнавшее в такую дыру, как Николаевская тюрьма. Поп пил горькую, не прочь был «насолить» начальству и передавал в общие камеры записки «Андрея».

Тюремного надзирателя Кожина интесовали только деньги. Больших сумм у нас не было, но это не смутило скрягу. Буквально за гроши он согласился быть нашим «почтальоном».

ГОЛОДАЕМ, НО НЕ СДАЕМСЯ!

Подготовившись таким образом, мы вызвали начальника тюрьмы. Подозревая неладное, он, чтобы устрашить нас, явился с целой сворой надзирателей и конвоиров. Поочередно открывались двери одиночек, и каждого из нас этот главный палач грозно спрашивал, в чем дело.

Мы все в один голос требовали вызова прокурора.

Дошла очередь и до Свердлова. Начальник тюрьмы вошел в его камеру и пробыл там довольно долго. О чем говорил с ним Свердлов, нам не было слышно, но едва за тюремщиком закрылась дверь, как Яков Михайлович крикнул: «Я объявляю голодовку!»

Это было сигналом для нас. Дня через два к нашей голодовке присоединились политзаключенные, сидевшие в общих камерах, всего около трехсот человек.

Тюремщики всеми мерами стремились сорвать голодовку. К нам, в одиночки, вносили горячие обеды. Запах еды раздражал, есть хотелось мучительно, но никто из нас не отступил. Как только обед вносили, мы вскакивали с коек и выбрасывали кушанье в парашу.

Нас перевели на карцерное положение — лишили прогулок, отобрали книги, письменные принадлежности и постели. Но и этими мерами не удалось нас сломить. Пришлось «разгружать» Николаевку. Одним из первых был отправлен в екатеринбургскую тюрьму и я. Мы были так истощены, что со станции в екатеринбургскую тюрьму нас везли на подводе.

Узнав от нас о событиях в Николаевке, заволновались политзаключенные в екатеринбургской и пермской тюрьмах. Находившиеся на воле большевики выпустили специальную листовку. К голодовке вскоре присоединились заключенные пермской тюрьмы.

Тюремщикам пришлось уступить. Режим в Николаевских ротах был ослаблен.

ТЮРЬМА ПОЕТ

В 1907 году к нам в екатеринбургскую тюрьму был переведен и Яков Михайлович Свердлов. Так же, как в Николаевских ротах, он стал во главе политических заключенных.

О деятельности Свердлова в екатеринбургской тюрьме, об организованной им здесь политической учебе заключенных хорошо и детально известно. Мне запомнился эпизод, по-моему, до сих пор не известный читателям. А он характеризует Свердлова-вожака, не изменявшего себе нигде и никогда.

В 1907 году у нас, в камерах полити-

ческих, появились смертники. Первой жертвой столыпинского террора в екатеринбургской тюрьме стал молодой большевик Миша Пермикин. Мы с ним сидели вдвоем в маленькой камере-одиночке.

Обычно приговор исполнялся через 20 дней после его вынесения. Этот срок прошел, и мы надеялись, что смертную казнь Мише заменили пожизненной каторгой.

Но вот однажды ночью, когда мы уже спали, дверь камеры распахнулась. На пороге блеснули штыки вооруженного винтовками караула. Раздалась команда: «Пермикин, выходи!» Стало ясно: Мишу ведут на казнь. Мы вскочили.

Миша волновался, но взял себя в руки и, сняв с себя кожаные подкандалники, предохранявшие ноги от соприкосновения с железом, протянул их мне и сказал: «Возьми, тебе понадобятся, а мне они теперь ни к чему. Прощай». Тут жандармы вытолкнули Мишу из камеры.

Едва дверь закрылась, я подскочил к ней и крикнул в глазок: «Пермикина Мишу взяли!».

И почти немедленно раздался мощный голос Свердлова, сидевшего через камеру от нас. Он запел: «Вы жертвою пали в борьбе роковой». Через несколько минут пела вся тюрьма.

Мощный хор перепугал тюремное начальство. Забегали надзиратели, был вызван усиленный караул. По камерам открыли огонь. Но все мы продолжали петь.

Тюрьма волновалась всю ночь. Наутро политические объявили голодовку протеста против расстрелов.

Это несколько страничек из насыщенной событиями, кипучей жизни Якова Михайловича Свердлова, моего учителя и товарища. Но и это немного, как мне кажется, подтверждает слова Владимира Ильича Ленина о человеке, «который, постоянно участвуя в борьбе, никогда не отрывался от масс... и умел, несмотря на ту оторванность от жизни, на которую осуждали революционера преследования,— умел выработать в себе не только любимого рабочими вождя... но и организатора передовых пролетариев».

КАК ПОМОЧЬ ОХРАНЕ ПРИРОДЫ?

С таким вопросом мы обратились к писателю

Борису Степановичу
РЯБИНИНУ

Очень и очень многим могут помочь следопыты этому важному делу.

Прежде всего — своим личным отношением к природе. Пусть следопыт не загубит ни одного деревца, не убьет понапрасну ни одного зверька или пичужку, — сам не делает и другим не позволит сделать в своем присутствии.

Все начинается с малого. Увидел, что кто-то малюет на камне свою фамилию, — останови, пристыди. Так культурный человек не должен поступать. Заметил, что, покидая привал, туристы намусорили, нагрязнили: там консервные банки, тут рваная бумага, смятые газеты.

Заставь собрать все и закопать. Костер — потушить. Это, так сказать, минимум того, что могут и должны делать следопыты и вообще любители природы.

Надо, чтобы следопыты вошли в общество охраны природы, влив в него свежую струю, энергию, жажду действия. Отделение этого общества уже создано в Свердловске, однако оно безмолвствует, дел его не видно и не слышно.

И второе. Охрана природы начинается... с квартиры. Да, я не оговорился. С квартиры. У медиков есть выражение: лечить нужно не болезнь, а больного. Поэтому нужно повсеместно и повседневно прививать любовь к природе, к животному миру. Это и начинается с квартиры. Пусть каждый еще с раннего детства полюбит цветок в квартире, собаку. Пусть он полюбит, чтоб над его окнами щебетали птицы, а

перед окнами приветливо кивали ветвями зеленые деревья. Полюбив это, он полюбит и всю прекрасную и разнообразную родную природу, дающую нам здоровье и наслаждение жизнью.

Во многих школах у нас есть юннатские кружки, живые уголки. Но, увы, далеко не все там ладно. Мне признавался учитель биологии: начинаются каникулы — и животные брошены, забыты. После каникул нередко в клетках лишь сухие мумии — убил голод. Такое отношение вряд ли воспитывает любовь к природе, и уж, конечно, не имеет ничего общего с охраной природы.

Следопыты тоже должны биться за это.

Дела много. Но если все мы, старые и малые, дружно возьмемся за работу, гора сдвинется с места.

«Ф

онарь земли» — так называется новая книга уральской писательницы Беллы Дижур, хорошо знакомой читателю по произведениям «Стеклянная река», «Зеленая лаборатория», «Путешественники-невидимки» и многим другим.

Новая книга посвящена сокровищам уральских недр и людям, которые разведывают их в этой семилетке: геологам, геофизикам, буровикам. «Слезы Синьхо» — глава из этой книги.

ГДЕ ВОДА?

Беспокойное дело — мысли о воде! Особенно в зной, когда каждый глоток раскаленного воздуха обжигает внутренности.

Я человек тренированный — случилось не раз бывать в безводных степях и обходиться небольшим количеством воды. Но то лето, о котором хочу рассказать, было особенное.

Давно закончился весенний праздник цветов, праздник птиц и кузнечиков.

Именно праздник! Иначе и не назовешь степную весну. Чудо, как она хороша! Едва растает снег, пригреет солнышко, а травы уже тут как тут. Цветов сколько! Золотые лютики. Яркие пионы, синие ирисы. И даже тюльпаны, самые настоящие тюльпаны, как цветочные короли, возвышаются над соседями.

Но увь! Все это длится очень недолго. Уже в июне наступает нестерпимая жара. Спасаясь от зноя, уползают в свои норки и погружаются в спячку черепахи. Высыхают сочные травы. Увядают яркие ирисы и тюльпаны. Им на смену поднимаются невзрачные цветочки серовато-желтых оттенков, словно с рождения обожженные солнцем.

А в то лето степь совсем выгорела. Только белые ковыли качались на ветру, да кое-где пронеслось перекасти-поле.

В бледно-голубом небе высоко и неторопливо летали степные орлы. Взглянешь вверх — ни одного белого пятнышка. Никакой надежды на дождь.

Термометр показывает пятьдесят градусов... А запас воды в геологическом отряде, где мне довелось быть, кончается. Мутная, тепловатая, она давно уже стала противной. И все же мы делим ее небольшими порциями. Ведь все лужицы, все колдобины на дорогах, где скоплась вода весенних дождей, даже озера, — все, все пересохло.

СЛЕЗЫ

Вот и ходишь по степи, мечтая о глотке свежей воды. Подставить бы стакан под прозрачную струю из крана. Стакан весь запотеет... Рукам приятно держать этот живой прохладный хрусталь... И пить, пить, не отрываясь...

Или наклониться к ручейку... Он такой веселый, бойкий, мчится где-то в тени, меж камнями... Сделаешь ладони лодочкой...

Все это чудесно. Но воды нет и в помине... Отыщешь гладкий плоский камешек и положишь под язык. Он прохладный, и кажется, будто чуть-чуть утолил жажду...

На землю смотреть страшно. Иссохшая, морщинистая, она словно постарела. Хочет пить!

Километрах в пяти от нашего лагеря находится новый совхоз. Его организовали молодые москвичи, ленинградцы, уральцы, приехавшие сюда поднимать степную целину. Они распахали и посеяли большие поля. Построили поселок. Вырыли два колодца. Но и в них за это лето вода пересохла. Понятно, что у молодых целинников, как и у нас, настроение плохое.

И вот в эти-то дни к нам в геологическую партию приехал Иван Никифорович. Светловолосый, светлобровый, маленький. Широкая парусиновая куртка вздувалась на нем, словно парус, а белые парусиновые же туфли давно потеряли свой естественный цвет, покрывшись бурыми и желтыми пятнами.

Разговаривал Иван Никифорович вежливым, тихим голосом. Скромнейший, тишайший человек! О таких говорят: «Воды не замутит». Кстати, и профессия у него с водой связана: Иван Никифорович гидрогеолог.

— Воду будете искать? — посмеивались ребята из отряда. — Где она? Где? Дайте нам хоть по глотку!

Иван Никифорович застенчиво улыбался.

СИНЬХО

ПОИСКИ В СЕМИЛЕТКЕ ПОИСКИ В СЕ

БЕЛЛА ДИЖУР

Рисунки Ю. Ефимова

— Не сразу, друзья! Ведь и вы находите руду не сразу. Воду так же, как самую драгоценную руду, надо искать.

Чтобы понять, где все это происходило, взгляните на географическую карту. Найдите на ней Уральский хребет и его южное продолжение, Мугоджары. Направьтесь на восток от Урала, и вам попадется Казахская складчатая страна, или, как ее иначе называют, хребты Сары-Арки.

Степная равнина, расположенная между этими горами, называется Тургайской. На севере она сливается с Западно-Сибирской низменностью. На юге ее обрамляет цепочка солончатых озер. Это огромная территория в семьсот километров шириною и четыреста километров длиной. Над ней сияет горячее казахстанское солнце. Ее обдувают знойные ветры. Сухая полынная степь...

Где же Иван Никифорович рассчитывает найти воду?

Может быть, он думает прорыть каналы от Иртыша и Тобола? Но ведь до этих рек далеко, не меньше ста километров?

— Строители предложили такой проект, — отвечал Иван Никифорович.

Но он придерживается другой точки зрения. Воду надо искать под землей. Да! Да! Под землей. Пресную, прохладную... Он убежден, что ее здесь много и что ее обязательно найдут. И тогда не нужны будут каналы. Всюду в степи появятся колодцы. Они напоят колхозы и совхозы, хлебные посевы и животных. Вокруг новых степных городов вырастут тенистые парки и фруктовые сады...

Нас всех заразила убежденность Ивана Никифоровича. В свободные вечера мы толковали о подземных водах.

Иван Никифорович вспомнил о древ-

них греках. Они считали эту воду священной и верили, что она осталась от бывшего когда-то потопа. Иногда добрые боги, говорили греки, выводят на поверхность прозрачную струю. Так образуется ключ, источник. Они строили храмы над источниками, приносили жертвы, бросали в источник серебряные монеты.

Мы, шутя, погоревали, что в Тургайской степи не нашлось такого «доброего подземного бога», чтоб подвел к нашему лагерю прохладный ключ. Уж мы бы не пожалели серебряной мелочи!

А один молодой геолог из нашего отряда рассказал сказку, которую слышал в детстве от своего деда-казаха, о красавице Синьхо.

У Синьхо были синие, как озера, глаза. И был у нее жених. Однажды на войне убили жениха. Девушка безутешно плакала, бродя по степи. Слезы ее падали на землю, сливались в ручейки и уходили вглубь, образуя там целые подземные реки, синие, как глаза Синьхо, свежие и чистые, как ее любовь.

— Неужели есть такая сказка? — обрадовался Иван Никифорович. — Это прекрасно! Значит, народ верит в то, что под сухой степью хранится вода. Мое дело только найти ее...

ДРЕВНИЕ ДОЛИНЫ

Каждое утро Иван Никифорович забирал свои измерительные приборы и

уходил на целый день в степь. Иногда он не возвращался и к ночи. Мы не волновались, знали, что человек он бесстрашный и неприхотливый. Короткую летнюю ночь проспит на голой земле, положив под голову походную сумку.

Что же заставило Ивана Никифоровича так упорно верить, что поиски его не напрасны?

Ответ на этот вопрос мы найдем, заглянув в его сумку, где хранятся карты, чертежи, схемы.

Но в сумке Ивана Никифоровича хранились особые карты — геологические. На них, словно рукой великана, снят с земли ее поверхностный слой, и обнаружено все, что скрыто от наших глаз. Опытный взгляд обнаружит здесь признаки железных руд и меди, угля и ценных минералов.

Но Ивана Никифоровича интересует только одно сокровище — вода.

Он рассматривает свои карты с увлечением, как подросток картинки в приключенческой книге. Впрочем, на чертежах, схемах и картах он, действительно, видит приключения. Только не вымышленных героев, а самой воды.

Он представляет себе Тургайскую степь, какой она была сотни миллионов лет тому назад. Древнейшее море покрывало ее. Теперь от того моря на большой глубине остались только слои мела да песка. А в этих песках кое-где сохранилась вода. Но не она интересует Ивана Никифоровича. Ведь она соленая...

Новое море, которое пришло в более поздний период, тоже оставило следы: плотные песчаные слои, а среди них — огромные сероватые, как будто чешуйчатые камни, прорезанные трещинами. Трещины в камнях могут быть заполненными водой...

Но и эта вода не привлекает внимания Ивана Никифоровича, хотя сами по себе камни очень интересны. Их называют диатомиты —

по имени диатомовых водорослей, из которых они образовались.

— Как так: камни из водорослей? — удивятся те, кто никогда об этом не слышал. Водоросли, о которых мы говорим, особенные. Они устроены совсем иначе, чем все знакомые нам растения. Каждое растение состоит из одной-единственной клеточки. Рассмотреть ее можно только в микроскоп. Если вам удастся когда-нибудь увидеть диатомовую водоросль, то вы ее уже никогда не забудете. Клеточка одета в оболочку очень красивой формы. То это звездочка, то стрелочка, многоугольник, лодочка. А на поверхности есть еще рисунок. Он состоит из бугорков, наростов, точек.

Водоросли эти очень древнего происхождения. Они жили еще в те времена, когда на земле не было ни одного из ныне существующих растений, жили в морях. А погибая, роняли свои нарядные оболочки на дно. Здесь их скопилось великое множество. Миллионы лет лежали они, не портились, не гнили. Дело в том, что оболочки эти пропитаны очень прочными солями — кремниевыми.

Постепенно море мелело. Пески, глины ложились сверх диатомовых скоплений. Сдавливали их. И остатки бывших водорослей в конце концов превратились в каменную горную породу.

Иван Никифорович не обратил и на них особого внимания: они тоже лишены пресной воды.

С наибольшим волнением размышляет он о недавнем прошлом Тургайских степей. Конечно, это «недавнее» тоже отделено от наших дней, хотя и не сотнями, но десятками миллионов лет.

Но Иван Никифорович говорит о нем так, будто вырос на берегах озер или в лесах того времени. Он утверждает, что тогда на Урале было так же жарко, как теперь на Кавказе. Деревья росли такие, каких теперь ни в одном уральском лесу не встретишь: болотные кипарисы, секвойи, может быть, даже магнолии и лавры.

Там, где теперь раскинулась безводная степь, было много озер, текли полноводные реки. Некоторые ученые предполагают, что реки того далекого времени текли не с юга на север, как теперь Тобол или Убаган, а с востока на запад.

В СЕМИЛЕТКЕ ПОИСКИ В СЕМИЛЕТКЕ ПОИСКИ В СЕМИЛЕТКЕ ПОИС

Но в природе все непрерывно изменяется.

Прошли еще миллионы лет. Исчезли кипарисы и секвойи. Климат стал суше, суровее. Реки изменили свое направление.

Вот эти-то долины, заполненные сейчас песками, как раз и волнуют воображение Ивана Никифоровича. Давно уже изучает он строение Тургайских степей. Вместе с геофизиками и геологами он составлял геологические карты этой местности. Он знает каждую ложбинку, не только лежащую на поверхности, но и спрятанную под покровом почвы.

Судя по всему, в долинах этих древних рек должна скапливаться вода весенних и осенних дождей, тающий снег, потоки, бегущие с Уральских гор и с возвышенностей Казахстана.

Иван Никифорович убежден, что под землей есть настоящие фабрики воды. В этих подземных водоемах вода непрерывно обновляется. Старая уходит, свежая притекает. Идет постоянная работа по ее накоплению.

И происходит это скорее всего в долинах древних рек, заполненных песками.

Отыскать эти места — вот какую задачу взял на себя Иван Никифорович.

Вода нужна всем. Больше сотни новых совхозов появилось за последние годы в степях. Фермы, огороды, новые фабрики — все жаждут воды.

Еще в старину в Казахстане говорили: «Вода — это жизнь». А иногда и более грустно: «Дорого родное дитя, но вода еще дороже».

По-прежнему в жаркие летние месяцы пересыхают речушки и озера. Изнывают от жажды земля, животные, люди.

Как же им помочь?

Иван Никифорович, как и многие другие гидрогеологи, считает: воду надо искать! Она такое же полезное ископаемое, как золото, как железо, как изумруды!

Много, очень много воды на земле! И все-таки есть места на земном шаре, где она ценнее золота...

ВОЛШЕБНЫЕ ПАЛОЧКИ

Говорят, что существуют люди, которые, держа в руках деревянную палочку, вырезанную из грушевого дерева, могут

определить, где под землей скопилось много воды.

Иван Никифорович, понятно, не верит этим небылицам. Хотя несведущему человеку, глядя на его работу, может показаться, что он тоже вооружен волшебными палочками, но сделаны они не из дерева, а из железа.

Он вставляет их в землю, присоединяет провода и поглядывает на белую дощечку под стеклом. На дощечке — цифры и стрелка. Иван Никифорович неизменно записывает разные показатели стрелки и сравнивает между собой.

Так ходит он все лето, перенося с места на место свои «волшебные палочки».

Легко догадаться, что «волшебные палочки» Ивана Никифоровича не что иное, как электроды. А метод его работы — электроразведка. Электроды питаются током от батареи. А от них ток уходит в землю.

Земная кора не однородна. Различные горные породы по-разному пропускают электричество. Одни хорошо... Другие хуже, сопротивляясь его прохождению. Электроразведка — один из методов геофизики — оказалась пригодной и для поисков воды.

Известно, что, чем больше соли в воде, тем она меньше сопротивляется прохождению электрического тока.

Пресная речная вода пропускает электричество хуже морской, дистиллированная — хуже речной.

Вот и ходит Иван Никифорович по степи, выискивая те места, где по указаниям геологических карт можно ожидать подземную долину. Установив свои электроды, ждет, что ответит ему земля.

Шестьдесят колодцев вырыто на местах, указанных Иваном Никифоровичем. Он теперь переехал работать в другие места. Но жители степных поселков с благодарностью вспоминают скромного человека в парусиновой куртке, который с помощью своих волшебных палочек наполнил их фермы и огороды драгоценной пресной водой.

А те, кто помнит сказку о слезах красавицы Синьхо, говорят, что, побывав под степной землей, эти слезы оставили в ней лишнюю соль. Потому-то вода в колодцах, открытых добрым советским ученым, так удивительно вкусна.

ЗАГАДКА ШЕГУЛЬТАНА

— Ну, кажется, добрались до места...

Перед гидрогеологами лежала лощина, зажатая с двух сторон густым лесом. Ветер начисто вылизал снег и обнажил зеленоватый лед реки.

— Ветер поработал за нас. Снег разгрести не придется,— сказал Стуканов.— Видишь, стоит лиственница? Напротив нее мы должны сделать замер воды,— показал он на противоположный берег.

Сняли лыжи, сбросили тяжелые заплетные мешки, направились к реке. Первым шел Гусев. Не успел он дойти до середины, как лед под ним провалился. То же случилось со Стукановым, поспешившим на помощь к товарищу.

Опомнились на дне. Вопреки ожиданию, здесь было... сухо.

Аркадий нащупал в кармане электрический фонарик, зажег, осмотрелся. Дно усыпано замерзшей рыбой и галькой, сверху — плоская крыша льда.

Куда же делась вода? Ведь весной и летом здесь протекала многоводная река. Ширина Шегульта была до полусотни метров, по ней свободно проходили большие плоты. Неужели вода ушла в маленькие воронки на дне?

Размышления гидрогеологов прервал резкий свист. Друзья вздрогнули, присели.

— Тыфу ты, пропасть! — выругался Стуканов.— Это тетерки. Рыбой, видно, полакомиться захотели...

— Нет, не в рыбе дело,— сказал, присмотревшись к птицам Гусев.— Они ее не берут... Тут другое что-то...

Так и не решив, зачем тетерки залетают под лед, Стуканов и Гусев выбрались из-под льда, пошли вверх по течению искать, куда затерялась река. Через несколько минут увидели большой пролом. Старик в полушубке выволакивал из

него рогожный мешок. Подо льдом двое ребяташек, вооружившись берестяными факелами, собирали рыбу.

— Дедушка, давно река пересохла? — спросил Гусев.

— Она, паря, не пересохла, а от холода под землю ушла. И каждый год она на зиму туда убегает,— ответил старик.

Дед указал место, где исчезает река. Там подо льдом была большая трещина, в которую с шумом устремлялись воды Шегульта.

В ЧЕМ СЕКРЕТ?

На десятки километров вокруг Североуральска залегают известняки. Они пронизаны воронками и пустотами, часто соединенными между собой. В руслах рек через трещины и воронки вода уходит под землю, а там образует другое, подземное русло.

Такое подземное русло имеет и Шегульта.

Весной и летом, когда в горах тает снег и выпадают обильные дожди, Шегульта полноводен, нередко выходит из берегов. Зимой высокая вода замерзает, образуя ледяной покров. А под ним вода быстро отрывается от ледяной корки. Снег не тает, приток воды сокращается, река мелеет, а то и совсем исчезает из-под ледяного купола. Замеры показали, что на одном участке Шегульта, длиной до полутора километров, под землю уходит за один только час до 4 тысяч кубометров воды.

Карстовые известняки, в которых образуются подземные реки и озера,— бич горняков. Из рек Вагран, Калья, Колонга и других в шахты Североуральских бокситовых рудников поступает много воды. На ее откачку ежегодно затрачивается до 8—10 миллионов рублей. Подземная вода мешает горнякам углубиться в горизонты, где лежит руда с богатым содержанием алюминия.

КОГДА ПИЛА ПРИШЛА НА УРАЛ

В Полевском я видел, как сносили старый дом. Стар он был до того, что его задняя стена на четыре-пять бревен вросла в землю. Дом был рубленным, построенным без пилы — одним топором, лет двести тому назад. Я заинтересовался: как так — без пилы?

— А ее тогда на Урале еще не было,— ответили мне.— Обыкновенную пилу наши деды освоили, примерно, столет назад.

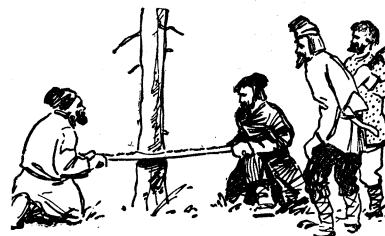
Немного позднее я ездил в Пермь. Здесь на заводе имени Дзержинского встретился со своим старым знакомым Н. В. Ушаковым, начальником сборочного цеха, где создаются мотопилы «Дружба». Это мощные пилы, с бензиновым моторчиком. Н. В. Ушаков рассказал мне историю пилы.

В Пермском областном архиве сохранилось дело главной конторы пермских заводов об опытах над приготовлением куренных дров пилами. Начато оно 29 апреля 1838 года, окончено 12 апреля 1855 года. Первые десять дроворезных пил изготовили пожвинские рабочие в мае 1838 года.

4 апреля 1840 года Юговская заводская контора доносила в главную пермскую контору: «Употребление пилы при приготовлении куренных

дров начато в 1838 году. В 1838 году напилено 10 пилами 25 сажень, а в 1839 году 60 пилами — 450 сажень, в 1840 году — 175 пилами — 2200 сажень.

Успех пиления дров с

ПОКОРЕНИЕ СТИХИИ

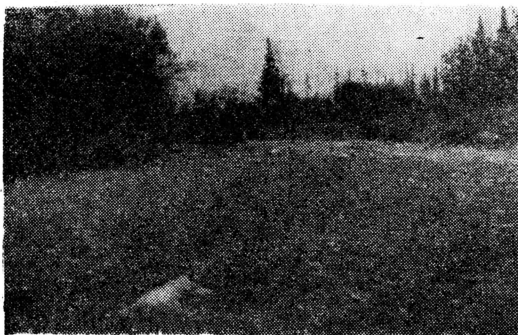
Изучив причины исчезновения рек и связь этого явления с затоплением шахт, гидрогеологи карстовой станции Североуральской бокситовой экспедиции совместно с учеными Уральского филиала Академии наук нашли способ обуздать коварную стихию. По их предложению, подготовлены проекты строительства железобетонных каналов для рек Вагран, Калья, Сарайная и Колонга. Скованные железобетоном, эти реки будут изолированы от карстовых полостей, воронок, и их воды не будут уходить под землю.

Внимательный читатель не забыл, наверное, о тетерках, летавших в ледяном подполье Шегультана. Гидрогеологи не смогли понять, что привело птиц под лед.

Вот как ответили на этот вопрос работники заповедника «Денежкин Камень».

Птицы не жуют пищу. Она, как зерно жерновками, перемалывается в их желудке камешками. Тетерки, видимо, не успели запастись галькой на зиму. Чтобы не погибнуть от несварения желудка, они рвались на дно, усыпанное камешками.

А. Мальцев.

рубкой совершенно одинаков, ибо один человек в 5 рабочих дней нарубают топором одну куренную сажень, и пилой в то же время двое рабочих напиливают две куренных сажени. На большой успех работы при пилении дров настоящие опыты, кажется, не подадут надежд.

Тогда один инженер подсчитал экономию материала и доказал, что при рубке топором одной кубической сажени дров уходит в щепу 2254 кубических вершка, а при пилке пилой не более 35 кубических вершков. Это берегает при еже-

годной заготовке лесного материала для Пермских заводов 707 кубических сажень, значит в четырнадцать лет будет сбережена годовая потребность.

11 августа 1848 года главный начальник горных заводов Уральского хребта предписал горному начальнику Пермских заводов дрова не рубить, а пилить. Он распорядился приготовить на Златоустовской оружейной фабрике 1000 стальных дроворезных пил.

Так пила пришла на Урал.

А. Мотырев

В ЛЕСАХ И НА ГОРАХ

В уральской хвойной тайге, клубящейся, как синее море, до самого горизонта, на горных плато и вершинах Северного Урала, в долинах буйных горных рек и на тихих озерных плесах развертываются события, описанные в «Библиотеке путешествий и приключений».

Такую библиотеку начало выпускать Пермское книжное издательство. С конца прошлого года вышло пять книжек.

Серию открывает книжка «Дикарь», написанная пермским журналистом А. М. Домининым. Его заинтересовала история соболя на Урале и в Сибири. В занимательной форме он рассказывает о том, как черный баргузинский соболь переселился на Урал, как обжился здесь и оставил многочисленное потомство.

Следующая книжка принадлежит перу кинооператора М. А. Заплагина. Ему довелось побывать на одной из гор Северного Урала со странным для нашего уха названием Мань-Пушы-Нёр. На горе находится единственный в нашей стране памятник природы — выветренные останцы причудливой формы. Они напоминают то фигуры с острова Пасхи, то каких-то египетских идолов. Путь к этому удивительному памятнику природы нелегок. Нужно было преодолеть 100—120 километров по совершенно безлюдной местности, по тайге и долинам горных рек. В книжке «На гору каменных идолов» автор увлекательно рассказывает о своем необычном путешествии.

Западный Урал — самый старый горнопромышленный район края. Еще в XIV веке здесь добывали соль, впервые на Урале начали в XVI веке добывать медь. Здесь немало заброшенных старых шахт, выработок. Многие из них при Советской власти возвращены к жизни, начали заново разрабатываться. Важную роль в возрождении старых шахт играют геологи. Приключения студента-геолога Воронцова и его маленького помощника — школьника Пети в заброшенной шахте и составляют содержание третьего выпуска «Библиотеки путешествий и приключений». Написал повесть «Западняя» научный работник Пермского университета геолог Н. И. Чернышев.

Толчок для создания сюжета пятой книжки серии, написанной Ю. Вылежневым, дали материалы, опубликованные в прошлом году в «Уральском

В ЛЕСАХ И НА ГОРАХ

следопыте» Вы, наверное, помните очерк о лосиной ферме Печерско-Ильчского заповедника, об упоминавшейся в нем молоденькой работнице этой фермы — энтузиастке одомашнивания лосей.

В книжке «На лосях» рассказывается о том, как прибыла на работу в заповедник девушка Чусовлянкина, приручившая пару лосей и решившая стать звероводом. Сюжет этого рассказа — выдуманный, так же, как и его герои. Но обстановка, в которой протекает путешествие девушки из родного колхоза под Пермью в Печорско-Ильчский заповедник — вполне реальная. Путешествуя вместе с девушкой и ее друзьями, читатель знакомится с прошлым и настоящим древнего города Чердынь, с историей и природной обстановкой старинной торговой тропы на Якшу, с проектами соединения вод рек Печоры и Камы.

Немного особняком от остальных стоит выпуск 4-й библиотеки. В нем помещена повесть пермского литератора А. П. Ромашова «Лесные всадники». Она рассказывает о событиях тысячелетней давности, когда на берегах Камы обитали предки современных манси и венгров. Писатель отразил в своей повести материалы, добытые пермскими археологами при изучении района затопления Камского моря.

Как видно, Пермское книжное издательство, приступая к изданию «Библиотечки путешествий и приключений», поставило перед собой задачу дать читателю не просто легкое, занимательное чтение. Каждая книжечка новой серии обогащает читателя знанием своего края, причем, делает это в интересной форме. Издательство следует в этом случае совету великого французского писателя Анатоль Франса: «Чтобы переварить знания, надо поглощать их с аппетитом».

О стремлении издательства сблизить новую серию с жизнью говорит и авторский состав библиотеки. Все они — бывалые люди и пишут о том, что знают.

Пермское издательство начало хорошее дело. Пожелаем ему удачи.

Л. Неверов.

М. М. Пузыревский

Жизнь ярка и интересна, когда чем-то загорелся, ищешь, достигаешь поставленной цели. Есть много самых разнообразных и интересных увлечений, захватывающих человека на всю жизнь. Конечно, для этого прежде всего надо быть натурой увлекающейся.

Брянский инженер Матвей Маркович Пузыревский увлекся сбором книг с автографами писателей — наших современников. Матвей Маркович — одержимый книголюб, у него около четырех тысяч различных книг. Но особые полки занимают книги с памятными надписями самих авторов — советских и зарубежных.

Профессор К. В. КЮСТРИН

ОБ

Как-то, перечитывая «Семейную хронику» С. Т. Аксакова, я обратил внимание на то место ее, где в рассказе о семье Багровых упоминается некая Александра Петровна — «дочь известного описателя Оренбургского края тамошнего помещика П. И. Рычкова». Я собирал материалы по истории нефтяной промышленности Урало-Волжского района, и упоминание Аксакова о Рычкове заставило меня задуматься: а нет ли у этого «известного описателя Оренбургского края» сведений о находках нефти в Приуралье в старинные времена?

УНИКАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Еще до Великой Отечественной войны один учитель подарил Матвею Марковичу свою небольшую брошюрку — плод многолетних наблюдений за погодой Кубани — с надписью. После войны писатель Орест Мальцев, познакомившись с Пузыревским и его женой, написал рассказ «Замок Майк». И, конечно, в библиотеке Матвея Марковича появилась вторая книга с дарственной надписью автора — рассказы Ореста Мальцева. А когда прибавилась еще одна — от Бориса Горбатова, Матвея Марковича захватила страсть к книгам с автографами.

Брянские писатели, узнав об увлечении Пузыревского, стали дарить ему свои книги с дружескими пожеланиями. И тогда он решил создать такую библиотеку.

Матвей Маркович узнал адреса и написал некоторым московским и ленинградским писателям. В ответ пришли книги от М. Шолохова, К. Федина, А. Первенцева, Ф. Gladкова, Л. Леонова, О. Форш, А. Твардовского. Откликнулись и многие другие писатели. С. Маршак и М. Исаковский прислали советы, как лучше создавать библиотеку.

Прошло еще немного времени, и Матвей Маркович отправил письма товарищам Го Мо-жо, Мао Дуню, Пальмиро Тольятти, Хан Сер Я, Людмилу Стоянову, Бранко Чопичу.

И вот уже идут бандероли из Китая, Англии, Арабской республики, Румынии, Дании. Тут-то и началось самое интересное. Надо перевести над-

писи на книги, прочесть книги, письма. Матвей Маркович разыскивал людей, знающих языки, подходил молодежь из Китая и других стран, которая учится в брянских институтах. Они помогли ему. Помогло и то, что многие иностранные книги переводятся у нас на русский язык и продаются в магазинах.

Шло время. Появилась полка книг с автографами маршалов С. Буденного, А. Еременко, героя гражданской войны О. Городовикова, партизанских командиров: С. Ковпака, П. Федорова, П. Игнатова. Завелись книги от композиторов Д. Шостаковича, Д. Кабалевского, М. Чулаки, от художников И. Грабаря, Кукрыникова, П. Васильева, А. Герасимова, от артистов А. Яблочниковой, О. Книппер-Чеховой. Есть в этой библиотеке и произведения уральских писателей — В. Артищева, М. Найдича, В. Очеретина, В. Шустова с надписями авторов.

Как самые дорогие реликвии, бережет собиратель книги о Владимире Ильиче Ленине с автографами старых большевиков, близко знавших великого вождя, работавших с ним. Это воспоминания Г. Кржижановского, Е. Стасовой, М. Москалева, Ц. Бобровского, шофера Ильича С. Гиля.

Сейчас у Матвея Марковича уже около тысячи книг с автографами. Пополнению этой уникальной библиотеки, известной многим в нашей стране и за границей, страстный книголюб хочет посвятить всю свою жизнь.

ОДНОМ НЕФТЯНИКЕ БАШКИРИИ

Разыскал написанную Рычковым «Топографию Оренбургской губернии». Оказалось, что это большой, обстоятельный географический труд об Оренбургском крае, об его истории, населении, природных богатствах, экономике, сельском хозяйстве и горном деле. Петр Иванович Рычков (1712—1777) был видным для своего времени ученым, создал немало трудов по истории, экономике и географии Приуралья, участвовал во многих экспедициях. Первым из ученых России его удостоили в 1759 году звания члена-корреспондента Академии наук.

Свой основной труд — «Топографию» он напечатал впервые в 1762 г. в петербургском журнале «Ежемесячные Сочинения и пере-

воды к пользе и увеселению служащие». В 1887 г. его издали в Оренбурге отдельной книгой. Оказалось также, что семьи Рычковых и Аксаковых были в близком родстве: дочь Рычкова Александра Петровна доводилась бабушкой «Багрову-внуку» — Сергею Тимофеевичу Аксакову. Точнее — мачехой его матери. О ней-то и упоминалось в «Семейной хронике».

Говорят старые КНИГИ

В «Топографии» П. И. Рычкова обнаружил следующие строки:
«По определению Государственной Берг-коллегии июня 16 дня

1754 г. на прошение татарского старшины Надыра Уразметова дан ему, Надыру, с сыном его Юсупом указ около Закамской железной линии, на речке Карамале, завод завести, для которого они в близости четыре нефтяных ключа выскали, и ту материю оной коллегии на пробу объявили, которая по учиненному в той коллегии опыту, явилась действительна».

Вот кто, оказывается, был первооткрывателем приволжской нефти!

Вскоре после этого имя первооткрывателя встретилось мне и в книге Петра Палласа «Путешествия по разным провинциям Российского государства», изданной в 1773 году. Уразметов имел два «нефтяных завода»: один на реке

БЕНЗИНОВЫЕ ФОНТАНЫ

Бесконечные дожди превратили Оренбургский тракт в широкую полосу жидкой грязи. Даже наш вседорожный ГАЗ-69 то и дело буксовал в этом окаянном бездорожье: стрелка бензоуказателя неуклонно клонилась к нулю. Неунывающий водитель Рашид Фаррахов присматривал подходящую обочину, чтобы «отдохнуть» там, пока шофер какой-нибудь встречной машины не отольет «взаимы без отдачи» пару ведер горючего.

Прошло полчаса, на горизонте показался самосвал, но увы! Бензобак его был почти пуст.

— Не унывайте, сейчас подзаправимся, — успокоил нас шофер. — Тут с километр, не больше. Дотянете?

Мы недоверчиво оглянулись. Кругом — безлюдные поля, березовые перелески, да одинокая буровая вышка маячит неподалеку. Интересно, кто здесь приготовил для нас бочку бензина?

Свернув с большака, самосвал на-

правился к вышке. Мы — за ним. Сторож встретил шофера, как старого знакомого.

Шофер подвел машину к небольшому резервуару в сотне метров от скважины. Быстро подсоединил резиновый шланг к отводной трубке, повернул вентиль. Из шланга с шумом вырвалась невидимая струя газа, заструилась красноватая жидкость. Резко запахло бензином.

Пока водители заправляли машины около необычной «бензоколонки», мы осмотрели нехитрое «хозяйство» пробуренной скважины. Обыкновенная вышка, каких тысячи на нефтепромыслах. Над устьем — стандартная «елка» фонтанной арматуры с прочно закрученными задвижками. Необычно одно: вся массивная конструкция заросла голубым льдом, обсыпана бахромой снежного инея. Странно смотреть на этот кусочек зимы в теплый сентябрьский день среди ярко-зеленого озимого поля.

Сок, «выше Сергиевска городка», другой на реке Сургут. На поверхности ключа, протекающего недалеко от деревни Семеновки, Паллас видел плавающую черную липкую нефть, которую периодически, по мере ее накопления, вычерпывали местные жители. Петр Паллас сам собрал ее около 6 фунтов, «не считая того, что сколько по липкости ее прилинуло к другим вещам». В стоке одного из озерков около реки Сок Паллас обнаружил остатки деревянного желоба, «по которому может быть проводили воду для собирания нефти», и отметил, что «заводы» Уразметова работали недолго; после смерти своего основателя они прекратили свое существование.

Этот ключ после Петра Палласа посетил академик И. И. Лепехин, который в своих «Дневных записках путешествия по разным

провинциям Российского государства», изданных в 1771 году, писал о том, что он видел лишь пятна нефти на воде, так как перед его приходом нефть была собрана при помощи «берестиной черпалки, лежащей подле ключа и замаранной в свежей горной смоле».

Итак, по старым книгам, в XVIII веке уральцы знали о нефтяных месторождениях этого района и пытались их эксплуатировать.

Сергиевск — сейчас районный центр Куйбышевской области, на правом берегу Сока. В район проведена железная дорога — ответвление от линии Куйбышев—Бугуруслан. «Сергиевские минеральные воды» после Октябрьской революции превратились в благоустроенный серно-грязевой курорт — Серноводск.

Первенец Урало-Волжского нефтяного района — Ишимбай-

ский нефтяной промысел, первая промышленная скважина которого была пробурена в 1934 году, отстоит всего в 300 км от этих мест, вблизи которых Надыр Уразметов пытался в XVIII веке начать свое нефтяное дело.

Надыр Уразметов был первым

И в делах Берг-коллегии (так называлось Управление горных дел), что хранятся в Центральном Государственном архиве древних Актов в Москве, нашлись документы о «нефтяном заводе» Уразметова. Вот что удалось из них узнать.

В 1752 году башкиры (а не татары, как их ошибочно назвал

— Так я ведь говорю вам, что эта скважина особенная, газовая — объясняет сторож. — Инженер объяснил, что газ в глубине жидкий, а наверху кипит и от этого грубы замораживаются...

Несколько часов спустя в городе Ишимбае главный инженер «Ишимбайнефти» Сафар Бахтияров подробно рассказал нам о замечательном открытии башкирских разведчиков: о первых в восточных районах газоконденсатных месторождениях Южного Предуралья.

Летом 1959 года партия Стерлитамакской геолого-поисковой конторы бурила скважину около города башкирских угольщиков Кумертау. Геологи собирались «прощупать» здесь предлагаемое поднятие глубинных пород: в вершинах таких подземных складок может оказаться нефть. На глубине 1700 метров долото врезалось в известняки, пропитанные светлой жидкостью, которая на воздухе быстро испарялась.

Факт был налицо: обнаружено газоконденсатное месторождение. И в новый район двинулись буровики «Ишимбайнефти» с тяжелыми станками, со всеми приспособлениями для проходки газовых горизонтов. За лето они открыли три крупных газоконденсатных месторождения с запасами в сотни миллиардов кубометров. Мощность газоносных горизонтов достигает 500 метров. Вместе с испаряющимся жидким газом из

скважин поступает и жидкость, по составу сходная с обыкновенным бензином.

Разведчики еще оконтуривают открытые месторождения, а среди полей тянутся уже рыжие валы глины, рядом с траншеями трещат электросварочные аппараты. Началось сооружение мощного газопровода протяжением без малого в сто километров — от первых газовых скважин до города Салавата. Там жидкие продукты пойдут на химическую переработку, а основная масса газа будет направлена по существующему газопроводу в Магнитогорск.

Разведчики «выбрасывают» буровые все дальше к югу и к востоку, в предгорья Южного Урала, открывают новые газоносные площади. Все явственнее вырисовываются контуры большого газоносного района, источника первоклассного топлива и химического сырья.

А. Лалетин

Рычков) «деревни Надыровой, Надыровской волости, Казанской дороги, Уфимского уезда, Оренбургской губернии — старшина Надыр Уразметов, его сын Юсуп, Асля и Хозя Мозяковы» нашли нефть «по Соку-реке» и «по реке по-русски называемой Сыргуте, а по татарски Кукорте», а также в лесу Чок-Тимер, из которого «вышел маленький ключ, в нем нефть черная же». В ответ на их просьбу, с приложением к ней пробы найденной нефти «фунтов десять или больше», Берг-коллегия указом от 16 июня 1754 года разрешила им построить «нефтяной завод» и «тое нефть продавать по всей Российской империи, повольною ценою, где пожелают».

В 1756 г. Берг-коллегия командировала на реку Сок «геодезии ученика» Павла Зубринского. Он описал обнаруженное месторождение нефти и нанес его на карту.

Эта первая карта, первого открывателя месторождения Урало-Волжского нефтяного района сохранилась до наших дней.

Дело началось как будто хорошо. Надыр Уразметов «на том месте, где заводу назначено быть, анбар для варения на первый случай построил». Но затем неожиданно заболел, и это задержало строительство завода. Сын Надыра — Юсуп, несмотря на принуждение отца, продолжать строительство завода отказался.

Несмотря на желание Надыра продолжать свое дело, «когда от болезни освободится», Берг-коллегия в 1757 г. запретила ему завершить строительство и исключила Уразметовых из списка «завотчиков». Вскоре Надыр Уразметов умер.

Однако нельзя только этим объяснить недолговечность передового для тех лет промышленно-

го начинания. Феодалный характер хозяйства страны, отсутствие поддержки правительства, недостаточная культурно-промышленная освоенность района, ограниченный спрос на нефть, трудности ее транспортировки были главными причинами неудачи, и не вина Надыра Уразметова, что начатое им дело было не только ликвидировано, но и надолго забыто. Надыр Уразметов сумел правильно оценить богатства недр своего края и сделал все, что было в его силах, для организации их использования.

После 1934 года, когда XVII съезд Коммунистической партии Советского Союза решил создать нефтяную базу на востоке нашей родины, Урало-Волжский район стал новой нефтяной базой Советского Союза.

У ОБЛОМКОВ

АМЕРИКАНСКОГО

Первые дни мая в Свердловской кинехронике — самые шумные. Съезжаются операторы из Перми, Челябинска, Уфы, Ижевска и других уральских городов. У каждого — коробка отснятой пленки и масса новостей. Наша небольшая комната, как пчелиный улей, — гудит от приветствий, шуток, рассказов, впечатлений.

Но все новости отодвинуты на задний план известием об американском самолете. Знаем мы пока немного. Да, все видели во время демонстрации странное облачко на небе, слышали слабый взрыв. Завтра едем снимать.

В разгар наших приготовлений — звонок из Москвы. Центральная студия документальных фильмов готовит выпуск о пресс-конференции министра иностранных дел, и наш материал им просто необходим.

...Утро следующего дня. Автобус с операторами И. Персидским, Е. Соколовым, режиссером Н. Савватеевым, звукооператором М. Барсковой и ассистентами отъезжает от студии. Маршрут определен: сначала в отличившуюся ракетную часть, которая сбила американский самолет, а затем на место его падения...

Мы на месте. Какие же они, эти люди, ракетные снайперы, с честью выполнившие боевое задание?

Нас встречает совсем юный паренек в шинели и пилотке, с застенчивой улыбкой.

— Младший сержант Валерий Шустер.

Ну, конечно, это они — обыкновенные, советские...

Мы знакомимся с командиром подразделения майором Михаилом Вороновым, капитаном Николаем Шулядко, старшим лейтенантом Эдуардом Фельдбломом, сержантом Александром Федоровым...

Все они немного смущены тем интересом, который проявляют к ним многочисленные корреспонденты, операторы, репортеры.

— Служба у нас такая, что всегда начеку надо быть, — говорит майор Воронов. — Как раз 1 Мая нам довелось дежурить. Ребята у меня хорошие, дисциплинированные. Но уж сам не знаю почему, все-таки накануне собрал я их еще раз, и мы договорились твердо: никаких «праздничных встреч» до дежурства.

Уже потом, когда самолет был сбит, а летчик пойман, товарищи мои смеялись: «Что, Михаил Романович, тебе сон какой-то вещей накануне приснился?»

Ну, это, конечно, шутки. Бойцы наши — всегда начеку. Утро было чудесное, ясное, сами помните. Вдруг сигнал: тревога! Через минуту были на местах, а что потом произошло — всем известно.

Евгений Соколов, наш оператор, рассказывает, что одна из буржуазных газет расценивает происшедшее как отличный повод для русских проверить свою новую технику.

— Она и так уже давно проверена, — спокойно замечает старший лейтенант Фельдблом. Кажется, самые обычные, простые слова. Но на нас, людей очень «штатских», они производят огромное впечатление.

Вместе с новыми знакомыми садимся в автобус и едем к месту падения самолета. Останки его уже убраны и поле перепахано. На нем сеют пшеницу. Это кажется символичным: мир побеждает войну!

Кто-то из офицеров ногой откидывает пласт сочной земли — и под ним сверкнул маленький осколок металла. Он переходит из рук в руки... Да, бесславный и жалкий конец.

САМОЛЕТА

Евгений Соколов снимает, снимает... Подъезжают и другие «герои» нашего сюжета — жители совхоза, задержавшие американского летчика. Мы буквально «набрасываемся» на Петра Ефремовича Асабина.

...В тот день Асабины поднялись сравнительно поздно. Хозяйка дома накануне пришла с ночной смены, да и сам Петр Ефремович не спешил — праздник!

Вышел на крыльцо. Рядом увидел приятеля, управляющего отделением совхоза Александра Васильевича Партина.

— С праздником, Александр Васильевич!

Протяжный, гудящий звук прервал их. Глухой удар, похожий на взрыв. В небе расплзлось белое, мохнатое облачко...

— Васильич! Парашютист!

Натянув стропы бело-красного парашюта, к земле стремительно приближался человек.

К поляне уже бежали многие односельчане. Человек в беде!

Толчок, и парашют уже катится по земле. Не раздумывая, Асабин бросился к незнакомцу, начал «глушить» парашют. Бывший фронтовик, он сразу понял: нужна помощь. Быстро отстегнул парашют, снял шлем и небьющуюся каску. Чьи-то руки бережно приняли вещи, кто-то уже расстегивал металлические «молнии» комбинезона.

— Что случилось? Авария? — спросил Асабин.

Летчик молча оглядывал окружающих.

— Не понимает, может, не наш, а? Чех?

— Камрад? Друг?

Парашютист пожал плечами и отвернулся. В это время заведующий складом

Анатолий Черемисин увидел у него пистолет. Молча забрал его.

— Чего так стоять — в сельсовете разберемся, что за человек.

— Пистолет? — Асабин наклонился и вынул из маленьких ножен еще и финку. — Однако, вооружение...

Незнакомца посадили в совхозную машину. Шофер Леонид Чужакин сел за руль, с ним рядом усадили летчика. На заднем сиденье разместились Асабин и другой шофер Владимир Сурин. Парашютист молчал, только знаком попросил: «Пить!»

Остановились у дома Партиных. Асабин крикнул:

— Ну-ка, Володя, дай воды, да не холодной — кипяченой. Вспотел он...

Машина мягко шла по проселочной дороге. Все задумались. Кто же это? Враг?.. Но откуда? Друг?.. Тогда почему он молчит? Разве к нему не отнеслись со всей приветливостью, какой славится наш народ?..

Сурин вынул пачку папирос, поднес летчику.

Тот взял папиросу, слабо усмехнулся. И сразу всем, сидевшим в машине, стало как-то легче. «А, может, и верно, недоразумение какое-то...» Подъехали к конторе. Леонид Чужакин побежал звонить в город. Но в это время к сельсовету уже спешили оперуполномоченные на мотоциклах.

В контору совхоза вместе с задержанным входят только самые основные свидетели.

Начинается обыск. С легким шуршанием открывается одна из многочисленных молний: там, в потайном кармане, — патроны, кольца, часы, деньги и белый платок.

Следователь разворачивает его. На полотнище фраза на нескольких языках, в том числе и на русском: «Я — американский летчик, прошу дать мне кров, пищу; я никому зла не причиню...»

На мгновение в комнате наступила звенящая тишина.

— Вот так гость! — восклицает кто-то. — А мы со всем сердцем...

— Недолго полетал шпион над нашей землей, — заканчивает свой рассказ Асабин. — А если кто еще захочет, так

же будет. Верно, товарищ майор? — обращается Асабин к Воронову.

— Конечно, — твердо говорит майор. Аппараты в автобус. Переезжаем на то место, где приземлился летчик. Асабин знакомит нас с Партиным.

— Вы извините, товарищи, — смущается тот. — Вчера мы сюда навоз привезли, думаем огурцы да капусту посадить...

Вот и все, что напоминает здесь о незадачливом шпионе!..

Поздно вечером самолет ТУ-104 взял курс на Москву. Он увозил рулоны пленки — еще одно вещественное доказательство агрессии американских поджигателей войны. Скоро наши кадры будут смотреть весь мир.

*Е. Сакулина,
редактор киножурнала «Советский
Урал»*

ФОТОКОНКУРС СЛЕДОПЫТА

Редакция объявляет конкурс читателей нашего журнала на самую интересную фотографию.

«Уральский следопыт» ждет фотоснимков обо всем необычном, что встречается в окружающей действительности:

портреты людей с яркими биографиями;
случаи из жизни уральцев, взявших обязательство выполнить семилетку в пять лет;
своеобразные пейзажи Урала;
дикины природы;
легендарные места, связанные с историей давней и недавней;
своеобычные произведения народных умельцев;

чудеса современной техники;
фотографии, оригинальные по замыслу и исполнению;
случаи в походах, в поисках, в дерзаниях;
редкостные фотодокументы;
снимки юмористические;
фотообвинения в безобразном отношении к природе.

Фотоконкурс объявляется с 1 июня по 1 декабря 1960 года.

Самым интересным снимкам будут присуждены премии:

первая — 2500 рублей,
вторая — 1500 рублей,
третья — 1000 рублей.

Снимки присылать в редакцию, отпечатанными на любой бумаге, любого размера, прилагая негатив.

Читатели, приславшие на конкурс 10 снимков и более, будут награждены значком активиста журнала «Уральский следопыт».

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

Перевал

На перевале со дня на день ожидали метель. Случись такое, монтажникам, которые тянули через горы высоковольтную линию электропередачи, пришлось бы отсиживаться в долине до весны. Согласиться на это они не могли.

Верхняя точка перевала была уже достигнута. Оставалось установить еще одну опору. Дальше начинался пологий спуск в долину.

Но последнюю из установленных опор от места следующей отделяло глубокое ущелье, которое в стороне упиралось в отвесную скалу. Прежде вдоль скалы был широкий карниз, на нем свободно могли разминуться две машины, но сейчас часть его неожиданно обвалилась.

Монтажники кинулись измерять то, что осталось. Выходило, что трактор пройти может, но только левая гусеница будет царапать стенку отвесной скалы, а траки правой почти на треть повиснут над ущельем.

Проделать этот цирковой номер, по мнению монтажников, мог только один человек — тракторист их строительного участка Александр Свиридов, парень молодой, но уже весьма опытный и знающий себе цену. Но Свиридова в лагере не было. Неделю назад он отпросился «на пару недель» в город и не появлялся до сих пор.

Сейчас на тракторе работал вчерашний фезеешник Костя Синичкин. У него один вид клыкастого ущелья вызывал сосущий холодок под ложечкой. Думать об установке мачты без трактора и его лебедки не приходилось. Можно было бы дать телеграмму и вызвать из города опытного тракториста. Но радист — одно к одному! — уже второй день копался в своей умолкшей машинке. Ждать тоже было нельзя. Погода портилась на глазах.

Монтажники хмурые стояли возле ущелья. Молчали. Думали. Отчаянно ругались и снова думали. Ничего не получалось.

— Ладно! — отчаянно махнул рукой Костя Синичкин. — Попробую...

— Куда тебе! Загремишь!

В это время к монтажникам подошли начальник участка и какой-то коренастый парень в новенькой телогрейке, в сапогах и без шапки. Ветер кудлатил его черные вьющиеся волосы. Парень сдержанно поздоровался и сразу направился к трактору.

Монтажники сгрудились у самого обрыва и, затаив дыхание, следили, как трактор медленно, словно с завязанными глазами, продвигается вперед.

— Завалится — кабинку не откроешь...

— А ты не каркай!

Вот самое узкое место. Левая гусеница скрежешет по гранитной стенке. Из-под правой сорвался камень и, ударяясь о выступы, полетел вниз. Костя Синичкин увидел, как трактор, медленно кренясь, начал оседать на правый бок. Костя закрыл глаза.

Кто-то дернул его за рукав. Костя обернулся. Перед ним стоял Свиридов.

— Другого вызвали? — прохрипел он. — Вместо меня?..

— Явился... Можешь уходить! Не мешай!..

В хриплом голосе Кости было столько ярости, что Свиридов, почувствовав недоброе, поспешил отойти.

В городе он встречался с давними друзьями. Деньги были, и приятели «разгулялись». Опомнился Свиридов на пятый день.

Пока добирался к перевалу, прошли еще сутки. Оказалось, спешил зря. На его месте, видно, работал уже новый тракторист.

А Костя Синичкин вот-вот побежит к машине, которая ощупью продолжала ползти по карнизу. Костины руки сжались в кулаки, словно в них были рукоятки управления. На лбу выступили крупные капли пота. Метр... еще метр... Трактор пыхнул синим дымком и разом прибавил ход. Опасное место осталось позади. Вслед за Костей все монтажники закричали: «Ура!»

Свиридов пренебрежительно усмехнулся. Он видел, как новый тракторист и начальник участка в толпе ребят прошли вниз, к палаткам. Слышался голос восторженного Кости Синичкина. Выждав минут десять, Свиридов двинулся туда. У него было твердое решение — уволиться и немедленно уехать.

Выслушав Свиридова, начальник участка спросил:

— Комсомолец?

— Нет.

— Путевку от комсомола на стройку получал?

— Получал.

— Уволить не могу. Спрашивай у горкома. Тут как раз секретарь приехал. Он сейчас к ребятам в палатку пошел. Отпустит — пожалуйста.

— Ну, этого-то мы уломаем! — обозлился от неожиданного препятствия Свиридов.

В палатке монтажников ребята сидели вокруг нового тракториста. «Ишь, расхвастался!» — подумал Свиридов, ощупывая палатку недобрым взглядом.

— Эй, братва! — крикнул он как можно независимее. — Сюда комсомольский секретарь горкома не заходил?

Чернявый тракторист быстро встал.

— Это я. Пулат Ходжаев. Будем знакомы. У вас что?

— А-а-а... Э-э-э... — Свиридов начал хлопать себя по карманам, словно в поисках спичек. — Я?... Нет... Меня?... Можно мне, товарищ секретарь, вступить в комсомол?

«Ничейная» земля

Она была знакома нам до последней былинки. Узкая и относительно ровная полоска земли была пропастью, разделявшей два непримиримых лагеря. Перейти ее или просто появиться на ней было неизмеримо опаснее, чем преодолеть те кручи в горах Памира, где старинные надписи на скалах предупреждают: «Путник, знай: на этой дороге ты подобен слезинке на реснице Аллаха».

«Ничейная» земля начиналась у наших окопов пологим песчаным скатом, покрытым жухлой осенней травой. Дальше, за колючей проволокой в два кола, она становилась неширокой долиной какого-то безымянного ручья, а затем, снова взгорбившись картофельными полями по цепи невысоких холмов, обрывалась у переднего края противника.

И днем, и ночью при ослепительном свете вражеских ракет, который заставлял чувствовать себя козявкой под увеличительным стеклом, мы смотрели на полоску «ничейной» земли и мысленно прокладывали свой путь к тем маленьким бурым кочкам, которые означали огневые точки врага.

— Как же, пробежишь по этой ладошке! — молодой солдат в новой шинели, навалившись грудью на бруствер, показал пальцем на долину перед холмами. — Аккурат, прищучит!..

— Так уж и прищучит? — с сомнением отозвался его сосед. — Вон, сержант Стихин с самого начала на передовой, а жив...

— Везет человеку, — не сдавался молодой. — Нет уж, мне...

— Боец Гусаков!!!

Молодой солдат прыгнул с приступки на дно траншеи и обернулся. Перед ним, сурово сдвинув черные брови, стоял сержант Стихин.

— Я вас спрашиваю, боец Гусаков, — голос сержанта был беспощадно холоден, в нем, казалось, даже проскальзывали нотки раздражения. — Вы что тут панику разводите?!

— Так я... я ничего... — Гусаков взмахнул рукой, помогая себе жестом.

— Вы почему руками размахиваете?!— оборвал его сержант.— Никакой дисциплины! Я разрешал вам говорить?

В это время раздалась команда на обед.

— После обеда,— приказал сержант,— возьметесь за уборку блиндажа. Да чтоб все блестело! Как на свадьбу!

На нарах они сидели рядом. Удобно устроившись с котелком на колене, сержант Стихин аппетитно ел кашу. Хмурый Гусаков, давясь, кое-как глотал давно осточертевшую всем пшенку.

— Э-эх!— вздохнул он, пряча ложку за голенище.— Картошечки бы сейчас!.. в мундирах... У меня ведь, понимаешь, завтра день рождения... Девятнадцать стукнет. Мама, бывало, в этот день картофельных шанег напечет, пирогов с грибами... Ребята соберутся...

— Товарищ Гусаков, вы не забыли о своих обязанностях?— прервал воспоминания бойца сержант Стихин.

— Никак нет!— с подчеркнутой готовностью вскочил Гусаков. И подумал невесело: «Что за человек? Душа у него — меньше воробьиной!»

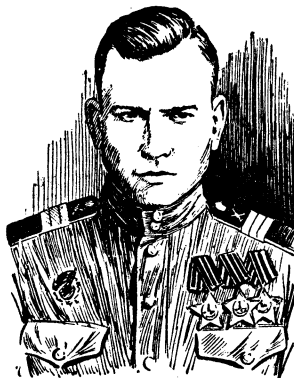
Спать Гусаков, наказанный уборкой блиндажа, улегся далеко за полночь. Вытряхивая в траншее плащпалатки, он видел, как висли в небе вражеские осветительные ракеты. Где-то неподалеку рванула мина, за ней другая. Злобно пролаял пулемет. Искорки трассирующих пуль веером прошли высоко над головой. Было холодно. Начал падать снег.

Он проснулся, когда все еще спали. Только сержант Стихин сидел возле двери и старательно зашивал разодранную полу белого маскхалата. Когда глаза освоились с полутьмой блиндажа, Гусаков увидел возле себя котелок с картошкой. К душе была прикреплена записка: «Дорогому товарищу и бойцу Владимиру Гусакову от 3-й роты. Поздравляем с днем рождения!»

Не уверенный, сон это или явь, он вылез из блиндажа и невольно закрыл глаза. Кругом белым-бело. На «ничейной» земле лежал ровный снег. Только в сторону картофельных полей от нашей траншеи тянулся след, словно проволокли что-то, да чернело несколько минных разрывов.

Сергей Илларионов

УРАЛЬЦЫ КАВАЛЕРЫ СЛАВЫ

Иван Демидов

В Статуте ордена Славы говорится: им награждаются лица рядового и сержантского состава Советской Армии, авиации и лица, имеющие воинское звание младшего лейтенанта, проявившие в боях за Советскую Родину славные подвиги храбрости, мужества и бесстрашия. У ордена три степени. Первая — высшая, награждается только тот, кто награжден орденом предыдущей степени.

Мы с подполковником Никитиным заинтересовались, много ли у нас на Урале полных кавалеров Славы, то есть трижды прославленных? Какие подвиги совершили они в годы войны, как сложились их судьбы?

Начали поиски. Вскоре по документам разыскали на Урале тридцать полных кавалеров Славы. Начинаем о них рассказ.

С Иваном Григорьевичем Демидовым я познакомился в Кургане, в кузнечно-заготовительном цехе завода дорожного машиностроения. На завод он пришел сразу после войны, был сначала простым молотобойцем, а теперь высококвалифицированный специалист, мастер. Портрет его на заводской Доске почета.

Как и все скромные люди, Иван Григорьевич охотно рассказывает об успехах своих товарищей на производстве, о героизме фронтовиков-однополчан, а о себе говорит мало.

Когда и за что Иван Григорьевич Демидов был награжден орденом Славы всех трех степеней?..

1943 год. Под Белгородом жестокие бои. Стремясь прорваться к Москве, враги бросают в бой новые танки «тигры», новые самоходные орудия «пантеры» и «Фердинанды». На броню этих чудовищ фашисты возлагали большие надежды. Новые машины считались вершиной тогдашней германской военной техники.

Не пропустить танки! — вот задача, по-

ставленная командованием перед батареей, в которой служил младший сержант Иван Демидов.

Ожидание! Это нервы, напряженные до предела, это неослабное, до боли в глазах, наблюдение за чахой рощицей, откуда вот-вот должны показаться бронированные машины противника. Но нет их день, нет второй...

Утро третьего дня началось отдаленным гулом. Он быстро приближался, усиливался. Артиллеристы бросились к орудиям. И вот из-за оврага, подминая гусеницами запыленные степные травы, прямо на огневую позицию двинулись вражеские танки. Ползли они нахально, без каких-либо маневров. Вог уже — на расстоянии выстрела.

— Орудия! — Старший сержант Базаров поднял руку.

Наводчик Демидов поймал один из танков в перекрестье.

— Огоны!

Пушка скутывается дымом. Но снаряд, лишь сделав вмятину в броне, срикошетил. А танк все ближе. Уже видно в прицел, как изрыгает огонь его пушка, как вспыхивают язычки пламени на дулах его пулеметов. Демидов опять наводит орудие. Залп! Огненные брызги, сноп огня и танк замер. Из него повалил густой, черный дым.

Выстрел за выстрелом. Теперь орудия бьют наверх. Вражеские танки горят, как свечи. Оставшиеся не выдерживают, поворачивают обратно.

На следующий день орудия вновь на прямой наводке. Позицию батареи атакуют самоходные пушки — «Фердинанды». Но теперь батарейцы встречают их привычно.

— Ну, когти «гигры» о нас зубы сломали, так с «королями Фердинандами» как-нибудь справимся!

На третий день танки и самоходки противника больше не показывались. Против наших артиллеристов фашисты бросили пехоту. Одну за другой семь атак отбили батарейцы. Стволы пушек раскалились. Воины выбились из сил. Расчет второго орудия почти целиком выведен из строя. Остался один человек — Иван Демидов. Он сам подтаскивает снаряды, заряжает орудие, наводит его. Много гитлеровцев уничтожил он метким огнем.

За отвагу, инициативу, мужество в этих боях, Иван Демидов был награжден орденом Славы третьей степени.

1944 год. Пехотная дивизия с боем форсировала Днепр и захватила небольшой плацдарм. На этот клочок земли нужно было срочно сходу переправить и артиллерийскую батарею. Среди артиллеристов — наводчик Иван Демидов. Его орудие переправляется первым.

Ночь.

Плот из бочек, бревен, из всего, что попало под руку медленно движется к заветному берегу. Течение сносит его в сторону. В небе непрерывно вспыхивают ракеты, освещая реку и плот. По этому шаткому сооружению противник открыл лихорадочный огонь. Снаряды рвутся то

спереди то сзади. Столбы воды обрушиваются на плот. Пушка вот-вот сорвется с него и исчезнет в kloкочущей холодной воде Днепра. Невзоятными усилиями солдаты закрепляют пушку. Тяжело ранит одного за другим боевых друзей Демидова. В живых осталось всего три человека, когда плот достиг берега.

Утром начался яростный натиск немецких танков. Враг пытался отбросить наших артиллеристов с плацдарма в Днепр.

Появившись из-за пылающей деревни, вражеские машины атакуют наших прямо в лоб. Орудие Демидова открыло ответный огонь. Танки противника подходят почти вплотную, наваливаются, вот-вот раздавят. Снаряд за снарядом посылает орудие Ивана Демидова в упор наступающему врагу. Осколки сыпались обратно на нашу огневую. Убит заряжающий Малахов. У орудия — старший сержант Базаров и наводчик Иван Демидов. Они вдвоем управлялись за весь расчет. И выстояли. Все контратаки гитлеровцев были безуспешны.

За мужество и решительные действия в этом бою Иван Демидов был награжден орденом Славы второй степени.

Сорок пятый. Апрель. Столица гитлеровской Германии в огне. Яростные и упорные бои за каждый подъезд, этаж, чердак. Батарея Ивана Демидова расчищала путь нашим танкам и пехоте. Вдруг продвижение частей приостановилось: на перекрестке улиц вражеский тяжелый танк, по башню вкопанный в землю, был почти неуязвим и метким огнем не пускал дальше.

Началась артиллерийская дуэль. Все зависело от хладнокровия бойцов. Победит тот, у кого крепче нервы. Кто попадет первым — артиллеристы в танк, или танкисты в орудие!

Иван Демидов прильнул к прицелу. Еще секунда! Но в этот миг осколком вражеского снаряда его ранило в руку. Превозмогая боль, собрав последние силы, Иван Демидов стреляет. И снаряд достигает цели. Войскам открыта дорога к рейхстагу.

За этот подвиг Иван Григорьевич Демидов награжден орденом Славы первой степени.

— Тяжелая была работа, — задумчиво улыбается он, вспоминая. — Что помогало? Ну, дружили крепко. Выдержка у всех была, конечно. А потом — мы знали, что победим. Уверенность была.

Подполковник В. ПОКОЛОВ

НОВОЕ ИМЯ

Они родились и росли по соседству.

Сын Куклы и Колдуна — из верхнего гнезда — был рисованный красавец. Белый с черными пятнами по всему полю, он гордо волочил крылышки по земле, будто ленился закинуть их за спину. Голову голубишка держал высоко и тоже гордо, чтоб все видели: он не чей-нибудь сын, а чистокровный столбовой трясун¹.

Впечатлительные соседские девчонки, только что одолевшие свои первые книжки, называли голубенка Бовой Королевичем.

Зато сосед Королевича, сын безымянных гонных птиц, был совершенный воробьеныш. Представьте себе, Заморыш именно и псходил на эту грязно-серую пичугу. Перышки на нем торчали в разные стороны, головка нетвердо держалась на худой длинной шее, а задумчивые, почти хмурые глаза постоянно смотрели в одну точку, будто Заморыш был слепой от рождения.

Через полмесяца, когда оба голубенка впервые поднялись на круг, разница между ними стала еще приметнее.

Королевич, медлительно взмахивая крыльями, ухитрялся почти не отставать от Куклы и Колдуна, важно летавших над домом. А бедный Заморыш бросался в воздух, как неумелые пловцы шлепаются в воду. Смело, да плохо. Слабые крылышки не позволяли ему держать верный круг, и голубенок тыкался из стороны в сторону, пока, открыв клюв, не сваливался под конец на крышу.

Старики уже положили вторые яйца и вскоре прогнали голубят из гнезд. Королевича это нисколько не смутило. Он сейчас же нашел себе прекрасную полочку — и живо пускал в ход клюв или крылья, если кто-нибудь пытался оспорить у него это место.

А Заморыша молодые голуби оттеснили в самый темный угол, где всегда пахло теплой прелью и сырым песком.

Дядя Саша, впервые увидев серого голубенка, выудил его из загона и посадил себе на ладонь. Старик долго разглядывал птицу, узил глаза, и я думал, что сейчас он скажет о ней беспощадные слова. Но дядя Саша безмолвно пошевелил губами и вернул Заморыша на его место.

Потом он достал с полочки Бову Королевича. Голубенок резко задергал головой, глаза его засверкали огоньком неудовольствия и испуга.

— Ишь ты! — удивился старик. — Такой малый, а поперек живет.

— Ну, как? — спросил я у своего приятеля. — Что скажешь?

— Ни сук, ни крюк, ни каракуля... — проворчал старик, и я не понял, к кому из голубят относилось осуждение.

Зато дед Михаил, завернувший как-то ко мне в гости, немедля и безоговорочно вынес приговор.

Бросив мелкий взгляд на Заморыша, дед Ми-

хаил сморщился, как от зубного нитья, и сказал, округлив пятаками глаза:

— Ну, жабенок! Душа, что в венке.

Бова Королевич, напротив, очень понравился ему.

Шли дни. Королевич все чаще и чаще задерживался на крыше. Красота его, казалось, достигла полного расцвета. Голубенок, верно, догадывался об этом. Он непрерывно тряс головкой на картинно изогнутой павлиньей шее, блестя жемчужными глазами, задира и без того высокий хвост.

Теперь уже Королевич не летал с голубями, а оставался на крыше, будто хотел и этим подчеркнуть свое отличие от других.

Молодые голуби побаивались трясуна. Он быстро гневался и не скутился на удары. И оттого даже взрослые птицы норовили отойти от него подальше, чтоб не попасть под удары длинного злого клюва. Заморыш, наоборот, почти вовсе не был замечен в шумной и пестрой компании голубей.

И все же неказистый птенец обратил на себя мое внимание. Слабый и неустойчивый в воздухе, он, казалось, не хотел ни замечать своей слабости, ни мириться с нею. Всякий раз, когда стая уходила в небо, Заморыш упрямо, почти отчаянно срывался с крыши и, спотыкаясь в воздухе, гнался за голубями. Он прыгал в небо без малейших колебаний, как будто был отличным летуном, а не хилой птицей.

«У него упрямый характер, но к характеру нужных крылья, — думал я со смешанным чувством радости и огорчения. — А крылышки у Заморыша, пожалуй, никуда не годятся».

И вот однажды я очень удивился, вдруг увидев в своей стае чужого и все же чем-то знакомого голубя. Он ходил с табунком на большой высоте, иногда резко скользил вниз и так же круто забирал вверх, догоняя стаю. Славный летун!..

Кто же это?.. Не угадаю...

Голубь опустился на крышу вместе со стаей — и тут же слетел на перила балкона. Я даже присвистнул от удивления: передо мной спокойно сидел Заморыш.

Это была та же малокрасивая птица в грязновато-серой одежке, с голыми красными ногами и узким хвостом. Только в глазах ее можно было угадать теперь ощущение нарождавшейся силы. И еще видел я в них веселый, то ли гордый, то ли озорной блеск — голубь надежно узнал высоту, и она опьянила его хмельной синевою неба. Слабый, но упрямый, Заморыш поверил в свои крылья. Я взял голубя с его полочки. Он сделал несколько угловатых движений, пытаясь вырваться из моей ладони. Я почувствовал крепость этих движений и еще раз удивился: хилая птица сумела с завидной быстротой нажать себе мускулы.

Нет, он, конечно, не стал за этот срок ни силачом, ни красавцем. По-прежнему взгляды всех заходящих голубятников притягивал к себе не

¹ Трясун — павлиний голубь.

скромный Заморыш, а важный и пестрый Бова Королевич. Ну, что ж — пусть трясун почти не летал со стаей, а только красовался на крыше, — все равно в его стройном теле была скрыта большая сила, доставшаяся ему в наследство от родителей.

Однажды, перед тем как выпустить стаю на воздух, я услышал в голубятне резкий стук крыльев. Кто-то дрался.

Я открыл дверь и взглянул на гнезда и полочки.

Вон что! Силач Бова Королевич стоял против Заморыша и, резко выбрасывая крыло, старался ударить по голове серого голубенка. Избалованному и привыкшему к повиновению трясуну показалось мало своей жердочки, и он решил просто так, ради баловства, прогнать Заморыша с его места.

У голубей есть давний-давний, очень прочный закон. Как бы ни была беззащитна птица, никто не имеет права выгнать ее из родного гнезда или занять ее полочку. Даже самый сильный голубь, случайно попав на чужое место, старается поскорее выбраться из занятого другими жилья. Конечно, бывают в таких случаях и драки. Но незваный пришелец — пусть он силач и задира — все равно дерется вполсилы, будто понимает, что правда не на его стороне.

И вот Бова Королевич нарушил этот закон. Ни за что, ни про что он побил Заморыша, да еще клюнул его в голову, чтоб неказистая серая птица знала, с кем имеет дело.

Заморыш явно сдавал. Защищаясь одним

крылом, он все отступал и отступал. Трясун загнал своего противника к самой стене.

И вот тут-то случилось необычное. Уперевшись хвостом в доску и, видно, поняв, что дальше отступать некуда, Заморыш внезапно и резко выбросил крыло, и Бову Королевича, как веником, смело с жердочки. Обозленный трясун тут же взлетел снова, и дробь ударов посыпалась на простую гонную птицу.

Уже вся стая взлетела на крышу, а Заморыш сидел на своей жердочке, мигал затекшим глазом и подергивал концами крыльев. И все же, мне показалось, он был доволен. Потому что впервые узнал свою силу, увидев, как свалилась гордая птица от его удара.

Я думал: важный трясун, получив отпор, перестанет задира владельца чужой полочки. Но ошибся: в тот же вечер драка повторилась. Тогда я решил, что задира-трясун засиделся дома, и ему надо немножко полетать, послужить голубиную службу. Я посадил Бову Королевича в садок, прикрепил этот сетчатый ящик к багажнику велосипеда и отвез голубя на окраину города. Вынув птицу из садка, сильно бросил ее в чистое летнее небо.

В незнакомом месте голуби почти всегда набирают большую высоту, чтоб поосмотреться и выбрать верное направление к дому. Бова Королевич тоже поступил так, но, уйдя под облака и увидев, что внизу все чужое и неизвестное, он внезапно сложил крылья и камнем повалился на ближний дом.

Плюхнувшись на крышу, Королевич от страха и неизвестности открыл клюв и, часто дыша, спрятался за трубу. Я насобирал щепок и стал кидать ими в голубя. Трясун втянул голову в плечи и не двигался с места. Потеряв надежду на возвращение птицы, я поехал домой.

Но, вернувшись к себе, пожалел голубя. «Все-таки не гонная, а декоративная птица,— думал я о молодом трясуне, и тут же возражал себе:— Ну, и что ж что не гонная? Только под синим небом, под легкими облачками, рассекая воздух грудью, добывает голубь силу и веру в себя. А иначе не птица он...»

Вечером, придя с работы, заглянул в голубятню. Пोलочка Бовы Королевича была пуста.

На следующее утро я посадил двух почтарей и Заморыша в садок и погнал велосипед на окраину города, туда, где накануне выпустил молодого трясуна. Я и сам твердо не знал, зачем взял Заморыша. Может, мне хотелось поглядеть, как будет вести себя юный гонец. Не струсит ли, не растеряется, как растерялся его одноклассник трясун?

Бова Королевич по-прежнему сидел возле трубы. Он зло потряхивал головой, и глаза его горели голодным блеском.

Я вынул из садка голубку и осторожно разжал ладонь. Красная почтовая птица свечой взмыла в воздух и пошла было по кругу. Но вдруг, точно опомнившись, она резко отвернула в сторону и быстро скрылась из глаз.

Обычно голуби, заспавшие где-нибудь на чужой крыше, услышав шум крыльев и увидев сбрата, тут же поднимаются в небо. Бова Королевич, этот задавака и лентяй, только теснее прижался к трубе. Тогда, кинув в трясуна щепкой, я выпустил в воздух старого почтаря. Бова Королевич не обратил внимания и на него.

Прежде чем освободить из садка Заморыша, я надолго задумался. «Трясун не полетел за почтарями,— соображал я,— значит, и Заморыш не пособит делу. А риск велик. Молодой голубь тоже может не найти свой дом. Это ведь первый его дальний полет...»

Пока я пытался спугнуть Бову Королевича с крыши и выпускал почтарей, вокруг меня собралась мальчишка. Они давали мне всякие советы, отчаянно жестикулируя и споря друг с другом.

Наконец, один из них сказал:

— Мы, знаем, как сделаем? Мы вот как сделаем. Я залезу на крышу, и спугну этого лодыря. А ты тогда кидай своего из садка. Ладно?..

Я согласился.

Мальчишки живо где-то добыли лестницу и вскоре очутились на крыше. Свистя и размахивая руками, они пошли к трубе, за которой прятался Бова Королевич. Трясун, вместо того чтобы взлететь, стал пятиться от мальчишек.

Но вот отступать трясуно стало некуда. Он несколько раз дернул крыльями, пытаясь удержаться на краю крыши, но не смог сохранить равновесия и, ломая рулевые перья, сорвался вниз. У самой земли он с трудом подгрел воздух под себя и в три взмаха оказался над домом.

Я торопливо подбросил Заморыша. Он резко ушел вверх, набрал высоту и весело захлопал крыльями. Радовался, что, наконец, свободен, что волен лететь, куда захочет, что снова под его грудью тугой, как речная струя, воздух. Обе птицы несколько раз пронесли над домом.

Но такой полет на чужом кругу не устраивал Заморыша. Я видел это. Гонный голубь все отходил и отходил в сторону. Тревожнее, резче становились его движения. Конечно же, он должен был искать свой дом, свой круг. И вот Заморыш выбрал дорогу и пошел по прямой. Бова Короле-

вич бросился было за ним, но вскоре отстал и начал топтаться на месте.

Заморыш, увидев это, замедлил движение, повернул и оказался рядом с Бовой Королевичем. А потом опять направился к дому. Трясун протаскился за ним над двумя кварталами, сбился и стал петлять.

И опять Заморыш вернулся за ленивым и глупым красавцем.

У меня не хватило терпения ждать их, и я сел на велосипед.

В этот воскресный день мне надо было побывать на голубинке. (Так называют у нас голубиные базары). Вернулся домой только к обеду.

Ни Заморыша, ни Бовы Королевича в голубятне не было. И только уже к вечеру я заметил на горизонте точку. Она то превращалась в небольшое пятнышко, то снова становилась похожей на булавочную головку. Иногда мне казалось, что рядом с первой точкой появляется вторая.

Солнце зашло за горизонт, когда Заморыш появился на своем кругу. Он ходил на большой высоте, не снижаясь, будто ждал кого-то и не желал один являться в свой дом. Внезапно гонец полетел в сторону и исчез из глаз. Скорее я услышал свист крыльев и, взглянув на небо, увидел два черных силуэта. И вот оба голубя опустились на крышу. Это были Заморыш и Бова Королевич.

Я был почти уверен: теперь между молодыми голубями наступит мир. Конечно, птицы не люди, но все-таки они как-то понимают, кто им делает добро. А ведь Заморыш оказал большую услугу сверстнику — помог ему найти свое гнездо.

Но родовитый трясун оказался совсем неблагодарной птицей. Он злом заплатил за добро Заморышу.

Утром следующего дня в голубятне опять случилась драка. И снова ее начал Бова Королевич. Он решил окончательно прогнать Заморыша с его жердочки. Драка эта кончилась неожиданно для меня. Сначала гонная птица защищалась, как обычно, отбиваясь клювом и крылом и отступая в угол. Но внезапно на полпути Заморыш остановился. Глаза его заблестели от гнева. Бова Королевич не заметил этого. Он продолжал наступать на Заморыша, веря, что тот должен, как всегда, уступить ему.

И трясун даже не успел загородиться, когда перед его глазами с быстротой ветра дважды просвистело серое крыло. Теряя перья, почти ослепнув от ударов, Бова Королевич повалился на пол.

На следующий день он еще раз решил попытать счастья и снова был сбит на пол. И только тогда трясун решил оставить в покое гонца. Важный красавец смирился со своим поражением.

Незримо бежало время. Наступила осень. Бова Королевич по-прежнему часами просиживал на крыше.

Зато Заморыш пользовался всякой возможностью полетать. Неутолимая жажда полета, такая же сильная, как жажда воды, тянула его в синий океан неба. Там он нередко оказывался выше других птиц, будто звал их последовать своему примеру. И, казалось, что облака, как волны, качают его на своем гребне.

С каждым днем фигура серого голубя становилась округленнее, а мускулы жестче. На земле

он тоже не оставался без нужного дела: подолгу и усердно чистил свои перья. Мне даже казалось, что они уже не серые, а синева-дымчатые.

А Бова Королевич, которому красота досталась от рождения, мало ценил ее. Он не хотел причесываться и купаться, как это делали остальные птицы, и его собольи наряд постепенно ветшал и портился.

Пришло время линьки голубей. Это очень трудная пора для птицы. Почти болезнь. Зато после линьки птица шеголеет в новом наряде, таком чистом и тугом, будто его помыли в крахмале. Иной раз бывают и неожиданности. Совершенно белый голубь после линьки становится пестрым, светло-желтый темнеет, а черный становится серым.

В самом начале линьки я уехал с дядей Сашей и дедом Михаилом на рыбалку. Жили мы в палатке на берегу ключевого горного озера, жгли костры и набирались здоровья. Иногда вспоминали о голубях. Как-то они поживают в это, нелегкое для них, время?

Вернувшись с рыбалки, мы все вместе отправились ко мне.

Первый, кого я увидел в голубятне, был Бова Королевич. Линька почти не изменила его. Он по-прежнему был в белом пере, только черные пятна немного повыщели, стали серыми. Это полбеды. Хуже другое. Ленивый Бова Королевич уже успел запачкать свое новое оперение, и концы длинных, низко опущенных крыльев слиплись от глины.

Переглядев всех голубей, я вспомнил о Заморыше. Где же он? На темной угловой полочке его не было.

Но тут я обратил внимание на гнездо в сторонке, под самым потолком. Раньше оно пустовало. Теперь около него сидела голубка с белым воротничком на шее. С кем же она свила себе дом?

Я осторожно протянул руку и достал из гнезда голубя, сидевшего на яйцах. Выйдя на свет, оглядел голубя и удивился. У меня в лапони была стройная темно-голубая птица. На

круглой красивой голове сверкали смелые красно-желтые глаза.

И вдруг я обрадованно охнул. Заморыш! Это же он, сын безымянных гонимых птиц, смельчак и работяга. Вон как перелинял, вон какой удалец стал!

Моим приятелям, верно, надоело меня ждать. Дядя Саша и дед Михаил, ворча, вышли на балкон.

Увидев у меня Заморыша, дед Михаил прищурил глаза и прищелкнул языком:

— Ты где это, слышь, такую красаву добыл? Я рассмеялся:

— Да ведь это жабенок. Ты что, не узнал его?

Дед Михаил подмигнул дяде Саше и сказал, посасывая трубку:

— Рыбаки да охотники, известно, одну правду говорят. Поговорка о том есть.

— Да нет же! Честное слово, это тот самый гонец, которого ты видел.

— Ну да? — удивился старик. — Он что, еще раз родился или как?

Помяв в раздумье бороду, дед Михаил спросил:

— А тот-то где, трясун?

Я кивнул на полочку.

Оба старика просунули в дверь головы, и я услышал их отрывочный разговор.

— Этот, что ль? — спрашивал дядя Саша.

— Вроде бы.

— Сел волдырем — и ни с места, — проорчал дядя Саша.

И оба старика, махнув рукой, пошли в комнату.

Внезапно дед Михаил остановился и, подержав усы, сказал мне, как всегда, очень решительно:

— Ты ему, Заморышу, имя-то перемени. Нечего зря обижать птицу. Понял?

Рисунки М. Брусиловского

Л. ФЕДОРОВ

О Л Я

И ЛЕТЧИКИ

Из окон метеостанции было видно широкое поле, на котором почти непрерывно гудели моторы. Прилетали и шли в дальние рейсы тяжелые транспортные самолеты, маленькие По-2 развозили по области почту, в жаркие летние дни отправлялись патрулировать леса от пожаров, вылетали с врачами в глухие деревеньки, которые иной раз даже не значились на картах.

Здесь, в этой маленькой комнате, мы проводили целые сутки. Старый Урал, такой родной и близкий, был в то же время для нас страшным врагом, загадочным и коварным. Он поминутно подстерегал летчиков то плотным туманом, то низкими облаками, закрывающими перевалы, то шквалами и грозами. Сколько раз он путал прогнозы, заставляя нас и пилотов переживать много неприятных минут.

И все же мы любили свою работу. Любили за то, что умели распутывать сложные загадки погоды, предвидеть ее капризы и неожиданности. Иногда она бывает подобна хамелеону, все время изменяя свой облик, а то упорно сохраняется целый месяц. Иногда же делается задумчивой и нерешительной, словно колеблется: или ей

заплакать дождем, или, разогнав тучи, улыбнуться теплым и ярким солнцем.

Самой молодой из нас была Оля Мулевич, высокая девушка с копной золотистых волос и глазами, такими голубыми, как небо при самом лучшем прогнозе погоды.

Прогноз погоды, как мы считали, состоял из математики, плюс физики и какой-то доли фантазии. Последняя величина была переменной, зависящей от внутренних свойств синоптика. Само собой разумеется, что чем больше будет в прогнозе фантазии, тем хуже он оправдывается. Вот почему мы старались ее избегать.

Но Оля нашла однажды еще одну составляющую, до сих пор неизвестную нам величину. Вот как это случилось.

В середине января на наших синоптических картах появился циклон. С берегов далекого Средиземного моря хлынул на Урал теплый воздух. Низкие синие тучи заволокли весь горизонт, снег под ногами стал липким, а воздух туманным и влажным.

В один из таких дней к нам на метеостанцию зашел Деменев, командир санитарного звена. Попросив написать ему сводку, он присел на диван и закурил.

Оля, дежурившая на метеостанции, просмотрев все материалы, написала прогноз. Деменев внимательно прочитал его и нахмурился. Потом поднял на Олю холодные глаза и зло сказал:

— С таким прогнозом только дома на печке сидеть. Я имею право летать в любую погоду, за исключением случаев обледенения. А вы именно это и написали.

— Но данные зондирования говорят об обледенении. Я не могу о нем умолчать!

— Оля, поймите, — уже мягче заговорил Деменев. — Я везу хирурга. Там, в деревне, лежит раненая женщина, ей бык разорвал рогом живот. Вы представляете, какая это рана? Если через несколько часов ей не будет сделана операция, она умрет. Я очень прошу, вычеркните «обледенение».

То, что предлагал Деменев, было бы нарушением всех существующих у нас наставлений и руководств. И хотя мы чувствовали, что сухие параграфы инструкций не могут предусмотреть все случаи жизни, мы твердо их выполняли, зная, что любое нарушение может принести нам большие неприятности.

Оля задумалась. Нервно постукивая карандашом по столу, она сердито взглянула на пилота.

— А если вы разобьетесь?

— Не беспокойтесь. Я много раз летал по этому маршруту и знаю на нем буквально каждый кустик. Вот смотрите!

Он вытащил планшет с картой и, водя пальцем по нему, продолжал:

— Здесь, недалеко от нашего аэродрома, холмы. Если они закрыты облаками, я облечу их с севера. Там большие болота, будет трудно, сяду на них: мой самолет на лыжах. Вы согласны с этим? Но я уверен, что облетать холмы не придется. Облака там не могут быть ниже, чем здесь. Я пройду над холмами. Потом начинаются поля, местность абсолютно ровная, у этой деревни имеется наша запасная площадка с цистерной горючего. Затем, в случае низкой облачности, я лечу по долине реки и вновь выхожу на равнину. Здесь также есть посадочная площадка. Видите, ничего страшного нет.

Девушка хорошо понимала, что все это далеко не так просто, как объяснял Деменев. Но, пристально посмотрев на него, сказала:

— Я верю вам! — и вычеркнула опасную фразу.

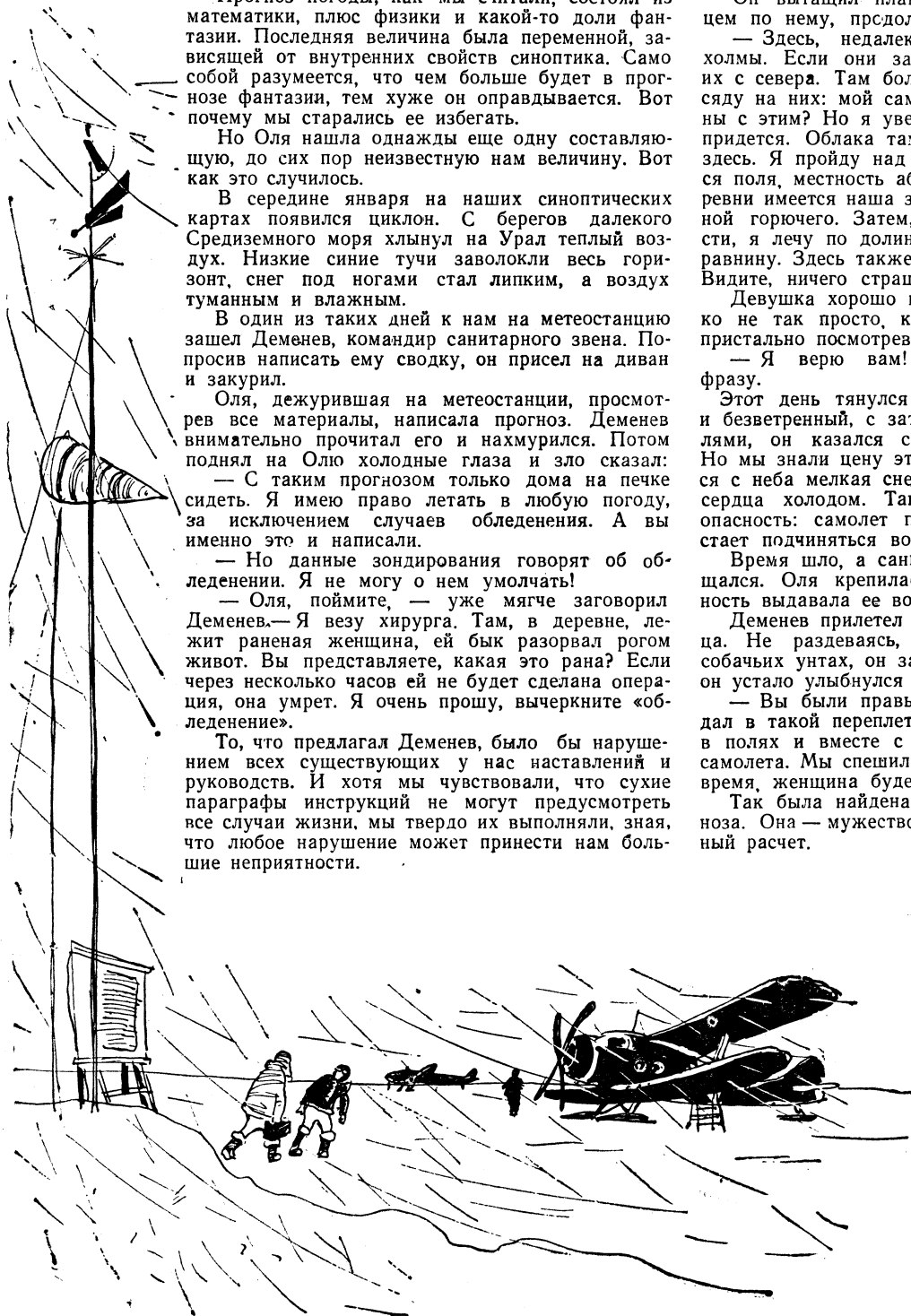
Этот день тянулся утомительно долго. Тихий и безветренный, с затянутыми серой дымкой далями, он казался спокойным и безмятежным. Но мы знали цену этому спокойствию. Сыпавшаяся с неба мелкая снежная крупа обдавала наши сердца холодом. Такая погода таит грозную опасность: самолет покрывается льдом и перестает подчиняться воле пилота.

Время шло, а санитарный самолет не возвращался. Оля крепилась, и только легкая бледность выдавала ее волнение.

Деменев прилетел перед самым заходом солнца. Не раздеваясь, в меховом комбинезоне и собачьих унтах, он зашел к нам. Вернув сводку, он устало улыбнулся и произнес:

— Вы были правы! Я еще никогда не попадал в такой переплет. Мы четыре раза сели в полях и вместе с хирургом скальвовали лед с самолета. Мы спешили, как черти, и прибыли вовремя, женщина будет жить.

Так была найдена новая составляющая прогноза. Она — мужество летчика, опыт его и точный расчет.

АРСЕНЬЕВСКИЙ ЛЕНОК

В глухой лесной деревушке на берегу дикой Уссурийской реки Даубихэ у охотника Алексея Григорьевича Козина расхворалась двадцатилетняя дочка Ганка.

Стоял последний месяц осени, дождливый, ветренный и, как водится, холодный,— так и жди простуды или лихой напасти. Тут еще за избами со стоном выла тайга, нагоняя страх и тоску.

По утрам на крыши изб и сараев тонкой пеленой ложился звездистый иней. Подошла самая охотничья пора, и все деревенские мужики отправились в тайгу на промысел.

Алексей Григорьевич — охотник по деревне самый отменный — нынче застрял дома. Он ожидал приезда земского фельдшера, а тот жил далеко, на краю русской тайги, подле широкой и синей, как небо, реки Усури. Через проезжих почтовиков, не раз выполнявших просьбы таежников, Козин посулил одарить лекаря доброй пушиной, лишь бы приехал и вызволил из беды его Ганку.

Однако шла вторая неделя, а о фельдшере — ни слуху ни духу. На днях плыли с Усури на оморочках лесные люди орочи, мог бы с ними послать известие, а не послал. Видно, уж не придет.

А девочка день ото дня теряла силы и все натуживее кашляла, судорожно хватаясь худыми ручонками за грудь.

— Чем же тебя лечить, доченька? — спрашивал ее отец, смахивая выкатившуюся ненароком слезу.

— Тату, — сказала как-то девочка, подняв на отца воспаленные глаза, — поймай мне ленка. Поем и полегчает, может... Подружки говорили...

Алексей Григорьевич, с малолетства пристрастившись к охоте, на рыбу и не обращал внимания. Да и в деревне почти все мужики были охотниками. Если кое-кто и промыслял рыбкой, то так — баловства ради.

С горечью вспомнил Алексей Григорьевич своего покойного приятеля Дерсу Узала. Был бы жив этот сердечный гольд, обязательно смастерил бы какую-нибудь снасть и добыл ленка. Это он

умел! Да и что он не умел? Недаром сам Владимир Клавдиевич Арсеньев, «начальник над всеми планами тайги» — как звало его местное население, всегда брал Дерсу в свои путешествия проводником. Где-то сейчас сам Арсеньев? Неугомонный человек! Либо в Хабаровске, либо бродит по тайге с товарищами. Беспокойную должность выбрал себе офицер. Сидел бы дома и не мыкался по тайге... А ленок, чего и говорить, рыба вкусная, и верно, хворь кое-когда от нее бежит. Сытый человек завсегда здоровее голодного... Ловят ленка на крючки, насаживают живую рыбку. Сейчас он в протоках хоронится, в лесных речках, в бочагах под крутоярами — чистую воду да камни любит. Поймать его — большое искусство надо иметь.

Нелегкие думы старого таежника прервал какой-то шум у ворот. Выйдя на улицу, Алексей Григорьевич увидел у избы отряд военных с вьючными лошадьми и потускнел еще больше. Недалеко стояла земская изба, так нет, подлец-староста направил постояльцев к нему, хотя и знал же, что в доме больная...

Алексей Григорьевич твердо решил в избу никого не пускать.

Но навстречу ему, приветливо улыбаясь, шел офицер. Что-то знакомое показалось Козину в его обличье. Ну да, конечно, он!

— Владимир Клавдиевич, господин Арсеньев! — искренне обрадовался охотник, забыв о непрощенных гостях. — Только сейчас думал о вас.

— Спасибо за память, — по-доброму отозвался Арсеньев, крепко пожимая таежнику руку. — И я помню вас, Алексей Григорьевич.

Вот, поди ж ты — всего три раза сталкивались на зверовых тропах Сихоте-Алиня, а помни!

— Заходите, заходите... Такому гостю завсегда рады. Только вот у меня... — и, не досказав, Козин печально вздохнул.

— Несчастье?

— Дочка сильно болеет, а фельдшер не едет. Зазывал давно и меха дорогие сулил...

— Идемте, идемте, хоть я и не доктор, но кое-что в этом деле смыслю. Служба всему научит. А солдаты в земской избе останоятся...

Осмотрев больную, Арсеньев сказал:

— По-моему, у нее лихорадка, ну и легкие чуть захвачены. Видимо, где-то бегала раздетая — вот и остудилась. На ваше счастье, от этой болезни у меня есть лекарство. Горькое, но чудодейственное, — и Арсеньев стал развязывать одну из сумок.

Хозяева от радости только кланялись.

За медным самоваром, угощая гостя румяными пшеничными пряженниками, поджаренными на кабаньем сале, зернистым, ароматным липовым медом, Алексей Григорьевич рассказал о ленке — дочкиной мечте.

— Поймаем, — уверенно ответил Арсеньев, — завтра же угощу вашу девочку свежими уссурийскими ленками. И, кстати, давно я не рыбачил, страсть как хочется подержать в руках удилище.

Вечером Ганка робко взглянула на Арсеньева:

— Дяденька, а вы по-правде поймаете ленка-то?

— Обязательно. Будет ленок у тебя, девочка, непременно, — с убеждением сказал Владимир Клавдиевич.

Прошла ночь.

День выдался теплый, ясный, словно по заказу. Правда, утром заря была мутная, бестрепетная и какая-то холодная — в общем, очень нехорошая заря. Козин с Арсеньевым понимали, что погода

не сулит хорошего, и все же решительно зашагали к тайге.

Удачей в тот день, как говорится, бог не обидел — рыбка шла и маленькая, и большая. Но ни одного ленка, как на грех. А ведь именно за

ним и шли. Снова и снова забрасывали рыбаки свои снасти и снова, чертыхаясь, снимали с крючка то ауху — крупного китайского окуня, то змеоголова, то еще кого другого.

А тем временем ветер все злобнее и злобнее шумел в тайге. Над рекой поплыли мрачные тучи. Похолодало. И как-то внезапно, как будто он поджидал где-то здесь, за поворотом речки, налетел штормовой вихрь, взбил воду, разбойно засвистел в прибрежных скалах, завыл многогласно в лесных крепях. Вокруг потемнело, притихло на короткое время, а потом повалил густой снег.

— Плохи наши дела! — крикнул Алексей Григорьевич, торопливо сматывая удочки. — До деревни не так уж далеко, поспешим домой...

Арсеньев с удивлением посмотрел на охотника и отрицательно покачал головой.

— Вы меня извините, но без ленка я не вернусь. Слово дал. А детям никогда нельзя врать. Никогда!

— Да ведь... — попробовал было возразить Козин, но Арсеньев перебил его:

— А погода у нас известная — побесится и перестанет. Зато после ненастья какой клев будет!

...Ночь они провели в заснеженной тайге возле жаркого костра. А утром, под первыми лучами солнца, словно в вешнее время потекли звонкие ручьи. В высоких бурьянах над берегом застрекотали голубые сороки...

Первые же забросы у рыбаков оказались удачными — клев был хороший. Не прошло и часу, как в ведерках из-под живцов затрепетали серебристые ленки.

— Вот теперь можно и до дому! — весело сказал Арсеньев, победно взглянув на спутника.

Прошли годы.

Спустя много лет после этого небольшого события, уже после смерти известного исследователя уссурийских дебрей Владимира Клавдиевича Арсеньева, мне довелось работать на Дальнем Востоке. Я возглавлял самый отдаленный и глухой участок на строительстве железной дороги Владивосток — Сучан. Алексей Григорьевич Козин служил у нас в охотничьей команде — обеспечивал нас мясом.

Как-то в один из свободных дней я отправился с удочкой на реку Сицу. Только подыскал подходящее местечко, расположился, оснастил удочку и закинул ее, как подошел Козин и стал молча наблюдать. Как раз мне посчастливилось вытащить небольшого ленка.

— Лекарственная рыба, — одобрительно отозвался Козин о моей добыче.

— Какая? — переспросил я.

— Врачебная, говорю. Дочку этой рыбкой излечили.

— Кто же ее так лечил? — с удивлением покосился я на Козина.

— Сам Арсеньев Владимир Клавдиевич!

И вот там-то, на берегу бурной Сицы, под кустами ивняка он и рассказал мне историю арсеньевского ленка, поднявшего с постели его Ганку.

— Скрывать не буду, он и лекарства какого-то ей давал. Горькое — девчонка морщилась, но пила. А вот как ленка поела, так сразу другой стала.

Улыбнувшись, я не стал разуверять старого охотника. Добро — оно добром и останется.

Николай Ловцов

Рисунок Е. Гилевой

РОВНЯ ГОРОДУ КУРГАНУ

Эта сосна растет на берегу реки Ик, в урочище «Сад», Илецкого лесничества. В лесах Курганской и юга Тюменской области такая сосна всего одна. Ей 350 лет. В ней 16,8 кубометра древесной массы, высота 34,7 метра, а толщина у основания 158 сантиметров. Сосна и сейчас продолжает прирост в толщину.

Если ее срезать, то по характеру годичных колец древесины ученые безошибочно могли бы установить периодические повышения и понижения грунтовых вод, определить годы губительных засух, сильных морозов, пожаров, массовых распространений вредных насекомых.

Прежде подобные сосны занимали здесь площадь 150 гектаров. Предполагают, что именно эти лесные участки пошли на изготовление «materого кондача», из которого в 1616 году «служивые царевы люди» построили частокол и крепостные башни на берегу реки Тобол. Сторожевой пункт назвали «Царево городище». Он положил начало городу Кургану.

Е. СЕЛЕТКОВ

ПОХОДЫ СЛЕДОПЫТОВ ПОХОДЫ СЛЕДОПЫТОВ ПОХОДЫ СЛЕДОПЫТОВ ПОХОДЫ

СВЕРДЛОВСК.

Следопыты школы № 77 в 1959 году завоевали переходящий приз «Уральского следопыта». Сейчас не один, а десять отрядов борются за то, чтобы приз остался в школе и в этом году. Летом ребята продолжают работу по сбору материалов о пребывании Свердлова на Урале и о людях, которые знали Якова Михайловича. Несколько отрядов отправятся в район Староуткинского завода и район озера Таватуй, где, по заданию Музея Советской Армии, составят карты-схемы боев 29-й дивизии в годы гражданской войны.

СВЕРДЛОВСК.

Туристы школы № 67 проведут велосипедный поход по маршруту Свердловск — Уфалей — Красная гора — Нязепетровск — Свердловск. В районе Красной горы ребята будут искать место, где был расположен стан партизан, которые в 1919 году вели упорные бои с колчаковцами.

ЧЕЛЯБИНСК.

Следопыты школы № 17 проведут два шлюпочных похода, посвященных девяностолетию со дня рождения В. И. Ленина. Одна группа старшеклассников проплывет по рекам: Юрюзани, Белой, Каме, Волге и в городах Уфе и Ульяновске познакомится с ленинскими местами. Вторая группа от села Кауровка по Чусовой достигнет Перми, а потом паромом проедет до Ульяновска, родины Владимира Ильича.

ЧЕЛЯБИНСК.

Интересные задачи у следопытских отрядов школы № 10. Часть ребят будет летом изучать природные условия, историю организации и экономику одного из передовых целинных совхозов области — «Новый Урал» Варненского района, где директором работает бывший выпускник школы Е. Куракин. Остальные проведут несколько звездных походов, в которых опишут памятники В. И. Ленину, установленные в области.

ПОЛОГ ОТ КОМАРОВ

Хорошо летом в лесу. А если бы еще не комары да мошки... Сколько огорчения доставляет нам этот гнус, особенно в тихие пасмурные дни утром и вечером. На ходу еще как-нибудь отмахиваешься, но стоит только остановиться, как полчища кровососов яростно атакуют вас со всех сторон. А дымокур плохо помогает. Хорошо, если есть диметилфталат, — намажешься. А как спать в лесу? Вот тут-то и пригодится «полог» от комаров.

Полог шьется из легкой материи — бязи, ситца или даже марли. Важно, чтобы материал был легкий, воздухопроницаем и хорошо стирался. Форма полога — прямоугольник, длина — ваш рост, ширина 70—80 см, высота не выше 80—90 см.

Днем в пологе можно не только отдохнуть, но и работать — разбирать собранные образцы, делать записи: в нем достаточно светло.

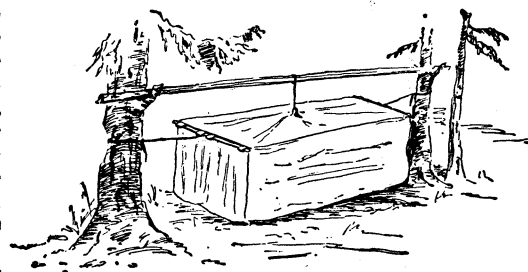
Для установки и укрепления

полога по коротким сторонам его верхнего шва делаются четыре петли, в них продеваются легкие палочки. За палочки привязывается тонкая бечевка или шнур, полог растягивается между двумя деревьями или вбитыми кольями. К самому центру «крыши» полога пришивается еще одна петля для подтягивания потолка вверх (см. рисунок).

Есть несколько вариантов полога. Верх его можно делать из плащ-палатки или другого водонепроницаемого материала, спустив края его на 10—15 см в стороны, тогда полог превращается в палатку. Можно пришить дно — это еще лучше. Оно пришивается с трех сторон, четвертая остается «дверью».

Для более полной изоляции от паразитов, проникающих иногда снизу через траву и подстилку (клещей, да и комаров), полезно бывает смазать нижние края полога диметилфталатом.

Очень большое достоинство по-

лога — его ничтожный вес и размеры в сложенном виде. Кроме того, в нем значительно теплее, чем снаружи, а это в холодные ночи особенно важно. Поэтому лучше шить полог не из тюля, как это практикуется в южных районах страны, а из более плотного материала.

На односпальный полог без дна требуется около 8—9 метров ткани.

Б. КОРЯКОВ.

СЛЕДОПЫТОВ ПОХОДЫ СЛЕДОПЫТОВ ПОХОДЫ СЛЕДОПЫТОВ ПОХОДЫ

СВЕРДЛОВСК.

Спелеологи Дома пионеров Октябрьского района исследуют нижнесергинские пещеры «Провал» и «Дружба». Они пытаются разыскать стоянку первобытного человека, которая должна быть здесь, по предположению археологов.

СВЕРДЛОВСК.

Юные географы общества «Глобус» в июле пойдут в поход по Бардымскому хребту. Там они попытаются найти месторождения яшмы и опишут природные памятники.

СВЕРДЛОВСК.

О подвигах бойцов и командиров Уральского танкового корпуса рассказывает выставка, организованная краеведческим кружком Дома пионеров имени Володи Дубинина. В течение учебного года ребята собирали докумен-

ты, воспоминания, фотографии о героических подвигах уральцев в годы Отечественной войны, а летом они пойдут по деревням и селам области, где встретятся с ветеранами корпуса, адреса которых разыскали.

ЧЕЛЯБИНСК.

Второй туристский слет готовят учащиеся школы № 107. Он будет проводиться в районе Ильменского заповедника. В слете примут участие пятнадцать отрядов. Туристы старших классов этой школы пройдут по маршруту: Малый и Большой Таганай — Круглица — Ицыл — Куштумга — Златоуст — Ильменский заповедник.

ЧЕЛЯБИНСК.

Следопыты школы № 34 исследуют пещеры в районе границы Южного Урала с Башкирской АССР.

УРАЛЕЦ

С автором этих записок читатели могли познакомиться по первому советскому приключенческому фильму «Красные дьяволята», выпущенному в 1923 году Закавказской киностудией. В сцене боя он несется на сером коне впереди банды Махно. Этот конь по сути дела и решил тогда, в какой роли сниматься красному командиру, кубанскому казаку, Сергею Сергеевичу Праге: по режиссерскому замыслу в «махновцы» попадали владельцы серых коней, а в «буденовцы» — белых.

Но Сергей Сергеевич Прага знал гражданскую войну не только по этому фильму. После Октябрьской революции четырнадцатилетним подростком он вступил в ряды Красной Армии и сражался с врагами молодой Советской республики на Северном Кавказе.

После того, когда трудящиеся Армении, Азербайджана и Грузии с помощью частей Красной Армии свергли власть муссавитов, дашнаков — местных буржуазных националистов — и меньшевиков, Прага был переведен в только что организованные войска ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление, созданное «в целях объединения революционных сил Республики по борьбе с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом») и вскоре назначен начальником пограничной заставы на персидской границе. О первых днях советской пограничной службы он и рассказывает в своих воспоминаниях, часть которых мы печатаем. Рисунки к ним сделал художник С. Киприн.

В годы Великой Отечественной войны Сергей Сергеевич Прага был начальником штаба одного из корпусов Советской Армии. За боевые заслуги перед Родиной он награжден многими орденами и медалями СССР. Сейчас Прага — полковник запаса.

НА АРАКСЕ

С. С. ПРАГА

ПЕРСИДСКАЯ ГРАНИЦА

В 1923 году меня назначили начальником заставы на Азербайджано-Персидской границе у берегов Аракса. Эта граница была особенной. За предшествующие годы сложных политических событий в глазах приграничного жителя она потеряла серьезное значение: пограничников и казаков нет — ходи, куда хочешь! Первое время было очень трудно. Редкие сутки проходили без выстрелов и сигналов тревоги.

Через Аракс днем и ночью перебирались жители закордонных сел, чтобы в советской кооперативной лавке приобрести керосин, мыло, соль. Шли гонимые нуждой бедняки, чтобы подзаработать на Кафанских рудниках. Пробирались контрабандисты, бандиты-одиночки и мелкие шайки скотокрадов.

А нам очень мешала малярия. Несмотря на то, что все проходили профилак-

тическую хинизацию, все же в иные дни застава больше походила на больницу, нежели на казарму. Людей не хватало, они от усталости валялись с ног. Все чаще слышалось: «Скоро ли дадут пополнение?»

И вот, наконец, мой помощник Кныш поехал в управление комендатуры и оттуда доложил по телефону: «Принимаю пополнение».

Эта весть взбудоражила бойцов. Одним она сулила скорый отъезд домой, другим — некоторое облегчение службы. Даже больные и назначенные в ночной наряд взялись наводить порядок на заставе, а повар зарезал двух баранов и принялся готовить ужин.

Тридцать пять человек прибыли под вечер. К моему удивлению, радости и одновременно огорчению, — я поймал себя на этом, — среди них был Кузьма Лоба-

нов, теперь повзрослевший пограничник с двумя треугольниками на петлицах. На широкой груди блестели значки «За отличную стрельбу» и комсомольский. Я пожал ему руку:

— Значит, вместе служить?

Он смутился и сдержанно ответил:

— Так точно, вместе!

С Кузьмой Лобановым я познакомился примерно за год до этого в учебном полку пограничников, где я командовал эскадроном. Мне самому довелось поехать на Урал, заниматься отбором парней для службы на границе, и среди них был призван из Ирбита Кузьма Лобанов — медвежьей силы парень, кузнец по профессии. Служба в Красной Армии ему давалась с трудом. Он был вспыльчив и недисциплинирован, любой приказ мог подвергнуть сомнению, вступал в пререкания с командирами. То и дело его наказывали за большие и малые проступки против воинской дисциплины. И вместе с тем уже и тогда он отличался, как все уральцы, природной смекалкой, очень необходимой для службы на границе... «Как его, черта, перевоспитать?» — не раз думал я с досадой. И вот теперь он снова у меня.

Покончив с приемом пополнения, я у себя в комнате готовил отчет. Послышался легкий стук. Не отрываясь от работы, я проговорил:

— Можно!

Дверь протяжно скрипнула, кто-то переступил порог. Подняв голову, я встретился глазами с внимательно смотревшим на меня Кузьмой Лобановым. Он, слегка запинаясь, сказал:

— Я знаю, вы недовольны... Но я...

Чтобы не начинать неприятный для него разговор, я подошел, усадил его на табурет и, умышленно переходя на «ты», как мог ласковее, сказал:

— Ладно, ладно... Расскажи, как жил? Как бабка твоя? Пишет старушка?

В Ирбите у Лобанова осталась одна старая бабушка, отец и мать погибли в гражданскую войну.

Беседа наладилась. Как это я раньше, в учебном полку, не догадался поговорить с ним по душам? Ведь Лобанов скромный парень, за короткую жизнь успел хлебнуть немало горя, как все наше тогдашнее поколение. А мысль у него одна: отслужить честно, получить знания, стать сознательным строителем новой жизни.

Мы подружились.

Назавтра с рассветом я приказал седлать коней. Поехал знакомить новичков с нашим участком границы.

Первые три километра пути позволили приглядеться к бойцам, на рыси и галопе оценить посадку каждого. В горах, по крутой, извилистой выючной дорожке ехали шагом. Чем выше поднимались, тем уже становилась она. Неприветливые бурые скалы, грозя обрушиться, суровыми сводами нависали над нами.

Кое-кто из бойцов с опаской поглядывал вниз. Через два часа утомительного пути мы были у цели и, спешившись, взобрались на площадку «Чертова рога». Отсюда был виден весь многокилометровый участок границы.

На правом фланге высились сплошными отвесными стенами горы-великаны. Они уходили далеко в глубь Персии и к нам в тыл.

Налево, внизу, по желтой степи, в обрамлении зеленого камыша, блестящей лентой струился Аракс. Сверху он казался спокойным. Но глухой рокот, доносившийся из-под скал, давал понять, что это довольно бурная река.

— Это — стык справа, — сказал я, указывая на огромный песчаный остров, поросший низким корявым кустарником. — Начало нашего участка. А там, видите, на горизонте одинокий утес, преграждающий путь реке? Это Ляля Кымбез — развалины древней башни на скале. Там левый стык участка.

Я называл персидские села, разбросанные у подошвы горного хребта. Показал наши села, дороги и тропки, связывающие их. С высоты застава казалась не более ящика. Над ней трепыхался алый квадратик — флаг.

Обратно кони шли ходко. Кузьма Лобанов и я ехали стремя в стремя. Я заметил: Кузьма что-то хочет спросить, но не решается. У заставы я сам не вытерпел и спросил, в чем дело? Он покраснел:

— Коней когда будете распределять?

— Сегодня, а что?

— Хочу просить вороного со звездочкой, на котором Швеиц.

Под бойцом по фамилии Швеиц был лучший конь заставы. Швеиц, словно куль с мукой, болтался в седле и, сдерживая лошадь, беспрестанно причмокивал губами.

— Хорошо, возьмите Ворона, — согласился я.

Лобанов повеселел и уже решительно проговорил:

— Только, чтобы, кроме меня, никто не седлал его. Не дам...

— А если понадобится мне?

Он задумался и ответил:

— Договорились, кроме вас — никому...

Когда пришло пополнение, у нас стало спокойнее. Неделями на участке не было ни одного нарушения границы. Новички даже посмеивались: «Где же постоянные стычки да перестрелки?»

Но однажды ночью по горам прокатилось эхо трех ружейных выстрелов. Крик часового на вышке: «Тревога!» — поднял спящих бойцов.

Пограничникам, сегодня охраняющим рубежи Родины, покажется это диким. Но тогда у бойцов, ушедших в наряд, был единственный вид связи и сигнализации: три выстрела в воздух. Часовой на вышке вел наблюдение за границей. Если до него долетали звуки выстрелов, он примерно определял, откуда подан сигнал. На этот раз часовой из «старичков» доложил: «Выстрелы из ущелья номер два».

Через несколько минут пять человек на конях исчезли в темноте. Через полчаса они привели на заставу четырех контрабандистов. Их задержали Бобров — из «старичков» и Лобанов, впервые вышедший в наряд.

Бобров за полтора года службы на границе ни разу никого не задержал, а тут — сразу два контрабандиста, да еще с изрядным грузом шевюта и шелковых чулок. Взволнованный удачей, он бестолково докладывал, как было дело, и, наконец, запутавшись, кивнул на Кузьму Лобанова.

— Да что там говорить, он задержал. Я вроде и ни при чем. Чертяка, ночью, как днем, видит. Уральцы — они, как кошки...

Все обернулись к стоявшему позади Лобанову. Он смущенно потупился:

— Зря толкует. Вместе задержали. А старшой — он.

После долгих расспросов выяснилось.

Бобров и Лобанов сидели в засаде за валуном у развилки дорог, возле ущелья. В нарушение устава Бобров собрался было закурить, но Лобанов тихо вышиб из его рук спички и шепнул: «Идут, видишь?» — и показал в темноту.

Ветер дул со степи. Бобров не только

ничего не видел, но и не слышал шагов четырех, как уверял Лобанов, тяжело нагруженных людей. Тогда Лобанов сказал: «Приготовься перенимать», — и пополз навстречу контрабандистам. В нескольких шагах от них вскочил и, щелкнув затвором, скомандовал:

— Стой, стрелять буду!

Ошеломленные полуночники в испуге попадали на землю. Сигнал тревоги подал Бобров.

— Ты на самом деле ночью далеко видишь? — поинтересовался я.

Кузьма Лобанов почесал в затылке, пожал плечами:

— Как все...

„ПЕС ИРВИТ“

Через несколько дней уехали демобилизованные бойцы, и опять потекла привычная пограничная служба. Под жгучими лучами солнца быстро выцвели гимнастерки новичков, сами они загорели, перестали внешне отличаться от старослужащих. А для меня начали выявляться индивидуальные качества каждого. Ведь каждый человек своеобразен, самобытен.

В свободное от нарядов время никто не видел Кузьму Лобанова сидящим сложа руки: то подтянет ослабшую подкову чьему-либо коню, то ссучит перетершийся чомбур, то вооружившись топором, сколотит скамью.

Вечерами он брал гармошку и выходил за ворота заставы. Стоило ему растянуть меха — крестьяне собирались в кружок, рассаживались вокруг, причмокивая, дымили чубуками и слушали музыку.

— Дай срок, — говорил он, — выучу здешние песни — хоровод заведем с девчатами.

— Это с какими? — скептически спрашивал толстяк Швец. — С теми, что в чадру кутаются? Жди!

— С ними, — настаивал Кузьма Лобанов. — И до них дойдет советская власть.

— Через твою музыку? — подзуживал его Швец.

— Угу, и через музыку тоже. Музыка, брат ты мой, тоже агитатор...

Как-то ночью под мой полог забрались комары, начали кусать, пропал сон. Закурил я, лежу и слышу: во дворе кто-то ведет монотонный разговор. Эдак на

одной ноте, без точек и запятых, будто над покойником читает: «Алыр — он берет, алар — он возьмет, верир — он дает, верар — отдает».

«Что бы это значило?» — подумал я и на цыпочках вышел на балкон. Внизу, примостившись у фонаря, сидел дежурный по заставе Кузьма Лобанов. Закинув голову, закрыв глаза, он рукой придерживал раскрытую книжку и вполголоса бубнил: «Кырмызы — красный, кара — черный, сангелдын — ты пришел».

Я спустился вниз, взял из его рук книгу. Это был «Краткий разговорник и словарь тюркского языка для желающих без переводчика изъясняться с коренным населением Бакинской и Елизаветпольской губерний. Издан с разрешения господина генерал-губернатора. Составлен коллежским ассесором Тер-Бархударянцем в городе Тифлисе в 1888 году».

— Как сюда ехали, в Баку на толчке за полтинник купил, — объяснил Кузьма. — Надо по-тюркски научиться. Не в лесу, среди людей живем.

И действительно, через месяц он болтал по-тюркски намного лучше меня, второй год живущего среди азербайджанцев. А месяца через два овладел языком настолько, что мы уже обходились без переводчика. Хитрые эти уральцы!

Об одном сокрушался Кузьма — на заставе не было собаки. Пробовали приобрести собак у жителей — не продают. Для них, ведущих полукочевой образ жизни, собака была на вес золота. Иной имеет десяток овец, а собач держит не менее пяти. Да каких! Звери!

Изредка бойцы, окруженные клыкостой стаей, вынуждены бывали прибегать к шашке, а иногда и когнестрельному оружию. С прибытием пополнения случаи стрельбы по собакам участились. Только на нашем участке в течение месяца было застрелено пятнадцать псов. Врагам Советской власти это оказалось на руку. От села к селу поползло: «Русским безразлично, как азербайджанец проживет без собаки. Скоро они начнут стрелять женщин и детей».

И вдруг — как гром над степью, где за год и одна туча не пролетит дождем, где небо редко хмурится облаками, — последовал приказ начальника отряда. В нем перечислялось свыше пятидесяти случаев убийства собак, а пятнадцати, застреленным на нашем участке, посвящался отдельный параграф. Мне был объ-

явлен строгий выговор с предупреждением: в случае поступления жалоб на убийство хотя бы щенка я буду отдан под суд.

Приказ я прочел перед строем.

Но нам дозарезу нужна была на заставе хотя бы одна служебно-розыскная собака. И вот дней через десять и наш Кузьма Лобанов ухитрился где-то купить великолепную полугодовалую овчарку. Он назвал пса Ирбитом.

Все свободное от нарядов время он стал усердно дрессировать собаку и достиг успеха. Месяца через два он продемонстрировал перед нами умение своего любимца. Повинуясь команде, Ирбит давал лапу, ложился, припадая к земле, полз, подавал голос. Он вырос в огромного грозного пса.

Почти ежедневно Лобанов и Швец уводили его куда-то с заставы и часами не возвращались.

— Чем это вы занимаетесь? — спросил я у Швеца.

— Да будто ничем... — мямлил Швец. — Учим. То я как бы нападаю на Кузьму, а Ирбит на меня бросается. А то спрячусь, Ирбит находит, где я, и вроде кусает меня...

Пес Ирбит стал вместе с хозяином ходить в дозор на границу. Когда через полгода по специальному приказу собаку показали в штабе отряда, она прошла все испытания на отлично.

ПОЛУБОТИНКИ И ЖЕНСКИЕ „БОШИ“

Сейчас, через десятки лет, вспоминая былое, можно сказать: мы медленно и болезненно осваивались с границей. Пришли на незнакомые места — о социальных условиях, о нравах, о быте местного населения имели весьма туманное представление, языка не знали. Нам все здесь казалось чужим. К тому же, притаившиеся в своих норах бывшие беки, муллы и торговцы настраивали против нас местное население, распускали самые нелепые слухи о большевиках. Беднота в те годы еще во многом зависела от богачей. А за каждым нашим шагом следили неотступно.

Бывало, выедешь с заставы, и сейчас же с горы какой-нибудь чабан затынет

песню. Поет — на всю округу слышно: «Бал-лам, Ай, бал-лам! Ал-лаам! Песню подхватят на другой горе, смотришь — откликнулся певец из-за Аракса. Потом мы поняли — не песня это, а сообщение: «Два солдата едут по дороге на Сафарлу, сворачивают к броду у Красного камня! Бал-лам! Бал-лам!».

С «певунами» повели борьбу. Собрали в каждом селе сход и объявили: «Петь на горах не разрешается». Толмач из мулл или беков услужливо переводил: «Большевики будут расстреливать каждого, кто осмелится петь». Поправляли переводчика, разъясняли, кое-как дотолковывались.

«Песни» прекратились, но начались «игры» с зеркалами. Только выедет патруль — моментально в горах запрыгают солнечные зайчики. Пока доскачешь, чтобы поймать «шутника», его уже нет, а сведения о патруле и его маршруте известны каждому.

Мы пускались на хитрости. Пограничник, назначенный в «секрет» на правом фланге участка, на виду «опекунов» засветло уходил в горы влево и, петляя по ущельям, делал лишний десяток километров, чтобы добраться к назначенному месту.

Население приграничных сел брало воду из Аракса. Кулаки возили воду в бочках и бурдюках, бедняки обходились тем, что женщины приносили в медных кувшинах. С головы до пят закутанная, в чадре, взвалит она, бедняга, на плечо двухведерный кувшин и идет не один километр к реке.

Скот поили также из Аракса. Сотни буйволов и верблюдов, тысячные отары овец пригонялись к реке. Для водопоя каждому селу были отведены места по берегу и назначено время «от и до». Туда мы выставляли наряды. Но разве за всеми усмотришь!

Бывало, возвратится часовой и с сокрушенным видом докладывает: «Опять буйвол уплыл на ту сторону»... «Опять из-за кордона кто-то кричал»... «Опять девка с персианкой на пальцах переговаривались».

Чувствуя свою беспомощность, не глядя на бойца, скажешь: — Плохо смотрели. Нарушение допустили!

И вот как-то Кузьма Лобанов попросил:

— Вы меня почаще к водопою посылайте.

Он стал чуть не ежедневно ходить к водопою, отведенному селу, где располагалась застава. А потом как-то он был назначен в «секрет» у тропы, идущей от Аракса через большой массив камышевых зарослей к дороге на Сафарлу, и попросил послать с ним Швеца. С первого дня знакомства у энергичного Лобанова с увальнем Швецом завязалась крепкая дружба. Люди, подобные Швецу, бывают во всяком подразделении. Это мешковатый, неповоротливый парень. С виду у него все не ладится. Товарищи подтрунивают над ним, а он и умнее, и сообразительнее многих, но толстяку лень проявить инициативу, вот он и отшучивается, а в конечном счете сделает, что надо, не хуже других. К Лобанову Швец привязался еще в учебном полку, а на заставе стал его тенью и беспрекословно следовал за ним. Бывало, Швец отбудет наряд, а Лобанов собирается в дозор:

— Тимофеич, пошли?! — скажет Кузьма, и Швец сейчас же подтягивает ремень, берется за винтовку.

— Вы куда? Вам отдышаться надо! — удивится мой помощник.

— Ничего, — отвечает Швец. — Для интереса пройдуся. Не убудет.

...На рассвете Швец вернулся на заставу и привел контрабандиста.

— Почему не подняли тревогу? — допытывался дежурный. — Где Лобанов?

— Второго поджидает. Скоро придет, — ответил Швец и начал объяснять, как захватили контрабандиста.

В ту же ночь задержали еще двух. Пока я их опрашивал, пришел и Кузьма Лобанов: лицо в мелких царапинах, ноги по колено в грязи. Он тут же доложил о происшествии.

С третьими петухами луна неясным светом залила троп-

кү, где они сидели со Швецом. Неожиданно в глубине камышевых зарослей слышалось хрюканье кабана. Немного погодя по другую сторону тропки ответно хрюкнула свинья. Зашуршал камыш. Перекликаясь, дикие свиньи шли на «секрет».

Лобанову показались подозрительными шорохи. Острый слух улавливал звуки, идущие не по земле, а по воздуху, словно не кабан сквозь камыши ломится, а человек руками раздвигает их высоко над землей.

Хрюканье прекратилось, когда на тропу осторожно вылезли два контрабандиста с выюками за плечами. Лобанов подпустил их ближе, затем, как будто подкинутый пружиной, вскочил и шепотом произнес:

— Стой! Руки вверх!

— Это я нарочно. В тишине шепот страшнее крика, — пояснил Лобанов.

Один контрабандист, вскрикнув, плюхнулся на землю. А другой прыжком ринулся в камыши и исчез. Лобанов уж и затвором щелкнул, но не выстрелил: контрабандист уйдет и скроется, а, не слыша выстрелов, криков и погони, подумает, что он не замечен, успокоится и попытается закончить рейс.

— Поведешь один. Иди, громко покрикивай, за двоих шуми, я чуть провожу, да останусь, — наказал Лобанов Швецу и, как только тропа свернула в сторону, притаился.

Прождав безрезультатно, он возвратился. Рассветало. След убежавшего контрабандиста виднелся отчетливо: отпечатки ног в полуботинках со стоптанными каблуками. В камышевой чаще Лобанов проплутал более двух часов.

Мы надежно перекрыли все выходы из болота, но ничего не добились.

На следующий день свободный от наряда Лобанов подолгу сидел у ворот заставы. Мимо него к Араксу по воду ходили женщины, закутанные в чадры.

— Приглядывааетесь? — в шутку спросил я. — Высматриваете, которая красивее?

А Лобанов неожиданно ответил совершенно серьезно.

— Так точно, присматриваюсь. Байрама, сноха Сеида, пятый раз идет...

Я усмехнулся:

— Откуда это видно?

— Она, она, — уверил Лобанов. — На ногах «коши» на каблучках. Кроме

нее, ни у кого нет... Пятый раз! Ну, какая баба пять раз по воду пойдет, да еще перед темнотой?

Верхушки персидских гор начали темнеть. На дороге от Аракса показалась женская фигура в чадре. И едва она поравнялась с заставой, Лобанов бросился к ней, схватил поперек талии, втащил во двор и, не давая опомниться, рванул с нее чадру.

Я ожидал женского вопля и криков, но под чадрой оказался усатый, с аккуратно подстриженной бородой сын мельника Байрама Сеида Керим.

— Сейчас и сама Пируз-ханум прибудет, — тяжело дыша, проговорил Лобанов и пошел навстречу женщине, показавшейся на дороге от Аракса.

На отчаянные крики арестованной Пируз-ханум, снохи Байрама Сеида, собралось все село. И у всех на глазах из-под чадры женщины мы извлекли двадцать аршин контрабандной ткани. Тут же мы оцепили дом мельника, сделали обыск. Из кучи зерна, сыпанного в угол, извлекли много контрабанды.

Как же Кузьма Лобанов разгадал маневры семьи мельника?

Сидя у ворот, он думал о контрабандисте, не найденном в камышах. И у Кузьмы возникла мысль: а что бы стал делать он сам, оказавшись на месте нарушителя? Планы, один фантастичнее другого, зарождались в голове, и потом на ум пришло: «Чадра! Любой бандит под чадрой смело пройдет мимо пограничника. Женщина, отправляясь по воду, свободно может передать чадру и юбку контрабандисту».

Логически рассуждая, он дошел до мысли, что, передав чадру и возвращаясь, женщина может унести на себе часть контрабанды. Присмотрев «коши» Сеидовой снохи, Лобанов увидел, что ее стройная фигура на обратном пути становилась грубой, толстой. А когда увидел на женщине полуботинки со стоптанными каблуками, ему стало ясно, что это замаскированный контрабандист, скрывшийся накануне.

ЕЩЕ ОДИН НАРУШИТЕЛЬ

Раз в неделю, в пятницу, мой помощник Кныш или я, в сопровождении красноармейца с выючной лошастью на пово-

ду, выезжали в уездный городок за продуктами, а заодно получали на почте корреспонденцию.

Поездка считалась утомительной. Кныш и я чередовались, а бойцов назначали по их желанию. Чаще всего с нами ездил Кузьма Лобанов. За короткое время он успел завести в уездном городке знакомство с молоденькой русской библиотечаршей, начал много читать и, чтобы обменивать книги, напрашивался в поездку.

В одну из пятниц Кныш и Лобанов отправились на базар. На обратном пути Кныш решил ненадолго заехать на соседнюю заставу:

— Езжай, как ехал, — распорядился он. — Я к Егорову на минутку. На последнем бугре догоню.

На бугре Лобанов стал ждать. И тут в низине выбежал мужчина, без шапки, босой. По колено закатанные шаровары выдавали, что он собрался идти через Аракс. Пригибаясь к земле, он перебежал от куста к кусту в сторону реки.

Кузьма Лобанов на глаз прикинул расстояние до нарушителя и до Аракса, круто вздыбил Ворона и, отрезая путь нарушителю, карьером помчался вниз, к реке.

Неизвестный понял, что его заметили, выпрямился и во всю прыть пустился вперед. Кузьма видел, как он на бегу достал что-то из кармана и засунул в рот.

Неожиданно неглубокая, но широкая канава преградила Кузьме путь. Ворон замешкался, не смог взять ров сходу. Пропала секунда, другая. Неизвестный достиг берега, головой вниз сиганул в волны Аракса и, вынырнув на середине реки, по-собачьи поплыл, борясь с течением.

Кузьма Лобанов вонзил шпоры в бока Ворона, взмахнул плетью и, отдавая повод, с высокого обрыва послал коня вперед, прямо в Аракс. Подчиняясь воле смелого седока, Ворон, вытянувшись в воздухе, прыгнул вниз.

Очутившись в воде, Кузьма соскочил с седла и, вцепившись в гриву, поплыл вместе с конем за нарушителем. Бурное течение несло их вниз, к узкому песчаному острову. Неизвестный первым выкарабкался на него, побежал, но остановился: стремительный и опасный поток отделял остров от персидского берега.

У самого острова Кузьму ударило сильной волной, винтовка выпала, ушла на дно. Ворон, оттолкнувшись длинными ногами, выскочил на остров и вытянул за собой Кузьму прямо к нарушителю.

Безоружный пограничник оказался лицом к лицу с врагом. Это был мужчина лет тридцати, роста выше среднего, черноволосый и смуглый. Судя по широким плечам, он обладал недюжинной силой. В руках у него сверкнул нож с изогнутым лезвием, злые глаза, устремленные на Кузьму, предупреждали: свободу он даром не отдаст.

Медленно переставляя чуть согнутые в коленях ноги, слегка растопырив руки, нарушитель приближался к Кузьме. Сжав кулаки, Кузьма выжидал.

Не дойдя нескольких шагов, мужчина стремительно нагнулся, чтоб схватить горсть песка — запорошить глаза пограничнику. А Кузьма в этот миг прыгнул на него, всем телом придавил к земле и схватил за горло.

Ручищи у Кузьмы сильные. Бандит потерял сознание и через минуту был связан. Кузьма разделся и отыскал винтовку. Вскоре прискакал Кныш.

Нас не на шутку беспокоило: что проглотил нарушитель, спасаясь от Лобанова? Мнения сошлись: проглочено секретное донесение, ради которого он шел через Аракс и рисковал жизнью и, если оно не переварилось в желудке, его надо извлечь.

Толстяк Швец в раздумье предложил:

— Помню, огольцом я проглотил медную пуговицу с отцовской шинели, так меня касторкой поили.

Нарушитель имени своего нам назвать не пожелал, надменно смотрел на окружающих, молчал. Мы его отправили вместе с вышедшим из него металлическим капсюлем в штаб отряда. А через некоторое время «за задержание опасного и важного преступника», как гласил приказ командования, Кузьма Лобанов получил благодарность и именные часы.

Скромно мы чествовали на заставе нашего героя. Сделали ужин получше и потом пели песни. Пели вполголоса, но дружно. Кузьма Лобанов играл на гармошке, а мы сидели вокруг — кто к щеке рука, кто полузажмурил глаза, кто чуть покачиваясь в лад мелодии.

Самой любимой в ту пору была песня кавалеристов «Марш Буденного». Вот уж

браться в паутине кабаньих тропок. Он изучил их и обнаружил не только кабаньи следы. Он разглядел следы ног, обутых в лапти, и утверждал, что они принадлежали высокому человеку, ставящему пятки наружу, и низенькому, слегка припадающему на левую ногу.

— Пробираясь через камыши, — докладывал Кузьма, показывая по чертежу, — они подошли к бухте, по дну реки перетянули контрабанду в медных кувшинах и перенесли к яме на бугорке посреди болотца. В двух местах они затем отдыхали, кувшины на землю ставили. Кувшины тяжелые: вмятины от днищ видны. Оттуда к селу повезли их на ишаке. Крупный ишак. Передние ноги подкованы.

— За канатом будем наблюдать, — решил я. — Осла надо найти.

Три дня Кузьма дежурил у сельского водопоя, изучая скот сафарлинцев. Но осла с приметными копытами не было. Он собрался было на соседний водопой, но обратил внимание на невысокого сутулого, прихрамывающего водовоза. Это был батрак муллы Муслима.

В тот же вечер Кузьма отпросился в село, в гости к своему другу, местному кузнецу Рашиду. Вернулся очень взволнованный: установил, что у Муслим-муллы есть буланый карабахский осел, на нем пять дней назад куда-то уехал родственник муллы. Осел подкован на передние ноги.

— Не напрасно муллу местные жители считают контрабандистом! Разоблачаем Муслима? — загорелся Кузьма.

Мы уже десять дней не спускали глаз с реки возле подводного каната. Я заколебался: может быть, канат уже отслужил контрабандистам, его забросили, и мы зря тратим силы на наблюдение? Не проще ли канат уничтожить, внезапным обыском, пусть безрезультатным, припугнуть муллу, да этим и кончить затею?

Но как раз в эту, одиннадцатую ночь, на той стороне Аракса в персидских горах замелькали огни. Долго и настойчиво кто-то кому-то подавал сигнал. Кузьма Лобанов со Швецом засели у берега, замаскировались.

Перед рассветом из камышевых зарослей до пограничников донеслись шорохи. На тропинку выскочил кабан. Почуввав засаду, он тревожно хрюкнул, взметнулся на задних ногах и опрометью

бросился прочь. А шорохи приближались.

— Рысь? — чуть слышно спросил Швец. Но Кузьма отрицательно покачал головой: рысь уральцы знают. А на берег вылез мужчина в высокой барашковой папахе. Не поднимаясь, он на четвереньках перебежал тропу и спустился к воде. Это был родственник муллы. Сгибаясь в три погибели, за ним следовала вторая фигура — хромой батрак.

Пограничники, затаив дыхание, наблюдали. Лежа на животе, долговязый родственник муллы отвязал конец веревки под водой и быстро начал выбирать ее. Второй помогал. Из-под воды раза два послышался звук удара металлического предмета о камни.

Вскоре почти у берега показались два кувшина из тех, с которыми ходят по воду. Выбранная веревка зашевелилась и стала уползать назад. Контрабандисты, ухватив конец, закрепили под водой. Затем, уничтожая следы, долговязый снял папаху и разгладил ею прибрежный песок.

Оставив кувшины под водой, нарушители как ни в чем не бывало пошли к себе в село.

На следующий день, в час, когда дорога к водопою была загружена более всего, когда жители набирали воду из Аракса, у дома муллы в тени шелковицы сидели пограничники. Батрак муллы на буланом осле, в деревянных седлах-подставках привез с реки медные кувшины до того полные, что вода, хлюпая, выплескивалась на дорогу. А когда Муслим-мулла и его родич начали бережно снимать кувшины с водой, мы вошли к нему во двор. Кузьма Лобанов язвительно крикнул:

— Салам алейкум, мулла!

Побледневший мулла уронил кувшин, пролил всю воду и, заикаясь, ответил:

— Алейкум салам!..

— Мулла Муслим, — сказал я, — вы человек культурный, не будем тянуть комедию, показывайте, что у вас в кувшинах?

Родич муллы поднял кувшин, поставил вверх дном, дно вывинтил и высыпал к своим ногам кучу темно-коричневых, словно глазурью облитых, кирпичиков величиной с папиросную коробку.

Это был опиум.

Во время обыска в конюшне, в углу,

из-под навоза Кузьма извлек новенькую иностранную винтовку.

— Нетроганную кучу навоза всегда можно отличить от той, которую часто ворошат, — объяснил Кузьма.

КОНЕЦ ДУНИАМ-АЛИ

Сноху мельника Байрам-Сеида на показательном процессе осудили на два года условно, а мужчины получили по пять лет заключения каждый с конфискацией принадлежащего им имущества. Местные власти конфискованную мельницу решили передать беднякам. Но кому? Советовались с Кузьмой Лобановым, который лучше всех знал местных жителей. Правда, организовать бедняков и батраков в артель по эксплуатации мельницы оказалось гораздо сложнее, чем думал Кузьма. Долго и настойчиво уговаривали мы названных им людей, убедительно заверяли в том, что никто не пострадает от мести Байрам-Сеида и его родственников, обещали помощь. В конце концов пять человек согласились. На нашем приграничном участке появилось первое объединение бедняков по эксплуатации мельницы и по доставке родниковой воды из горного ущелья.

Увлеченные организацией артели, Кузьма Лобанов и еще несколько пограничников выкраивали время помогать азербайджанским друзьям, часто бывали у них, расширяли круг знакомства среди местного населения.

Арест муллы, суд над Байрам-Сеидом, организация артели значительно повысили авторитет пограничников среди бедняцкого населения. У нас появилось много друзей и надежных помощников.

Однажды на заставу прибежал парнишка — бедняк из соседнего села. Он рассказал, что в окрестностях снова рыскает Дуниам-Али. Затем стало известно, что Дуниам-Али с бандой в двадцать головорезов ночью перешел границу и скрылся в горах. Мне было приказано усилить охрану границы и прочесать окрестности. Жители говорили — и это потом подтвердилось, — что для перехода границы Дуниам-Али воспользовался не бродом на нашем левом равнинном

фланге, а переправой в горах, о существовании которой я и не предполагал. До сих пор правый горный фланг у нас считался спокойным.

Соседняя справа застава, где начальствовал Григорий Георгиевич Ермаков, по карте значилась в десяти километрах от нас. Но горы и капризно причудливое течение Аракса намного удлинняли расстояние и затрудняли связь. В те времена у нас еще не было радиостанций, телефоны только-только появились, не то что сейчас, когда каждый метр границы телефонизирован, радиофицирован, есть и радиолокация и прочие чудеса современной техники.

К правому соседу вели три дороги: по-над берегом Аракса, «тыловая» и «пластунская». «Пластунка» начиналась в первом ущелье, у горы «Зеленая баба», откуда вправо отходила тропа на перевал через Дары-Даг. Первый километр тропы шел по склону одного из отрогов горного кряжа Шайтан-Дара, а затем она заползала в мрачные теснины и узкой лентой вилась по едва приметному карнизу отвесных скал.

Вскинешь голову — над тобой висят ливнями и ветрами отполированные серые базальтовые стены. Глянешь вниз — те же стены, и где-то далеко внизу, из темноты, постоянно царящей на дне ущелья, проглядывают острые зубцы некогда свалившихся в пропасть бесформенных глыб. Шесть километров — пока позади не останутся три ущелья — сидишь в седле, словно на иголках, и слушаешь, как гудят горы. Каждый удар конского копыта будит эхо, и оно мечется в поисках выхода из каменного лабиринта.

Первым было ущелье Святого, глубокая узкая щель в горе, с пещерой в середине. Пещера славилась минеральным источником, и в ней раньше жил дервиш Баба-Гаджи. Минеральной водой он лечил от всех болезней.

Высоко над пещерой, чудом удерживаясь на скалах, росло одинокое дерево. Без листвы. Но на каждой веточке трепыхались кусочки цветной материи, ленты — дары «святому» месту от «исцеленных» дервишем. Бабу-Гаджи мы попросили убратся из пещеры, его «амбулаторию» ликвидировали, но дерево продолжало оставаться разукрашенным.

Чтобы выследить банду Дуниама-Али

в этих горах, в первую разведку я отправил самых опытных пограничников — Лобанова, Швеца и Алексеева. Короткая летняя ночь выдалась на редкость спокойная. Нигде не мелькали сигнальные огни, не перекликались шакалы. Но только начало светать — совсем недалеко раздались торопливые выстрелы.

Я вбежал на вышку, выхватил бинокль у часового. Стрельба продолжалась. От холма у брода, по низине, вихрем мчалась группа всадников, а далеко за ними, стреляя вдогонку, скакала разведка Лобанова.

Прежде чем я скомандовал, мой помощник Кныш и трое бойцов прямо на неоседланных конях выскочили с заставы и понеслись наперерез преследуемым, чтоб не пустить их к реке. Через несколько минут на помощь, во главе десяти человек, поскакал и я.

Бандиты устремились в ущелье Святого.

— Назад — на заставу, — скомандовал я одному бойцу. — По телефону передайте Ермакову: надо немедленно перекрыть «пластунку» с его стороны.

Там, где дорога под прямым углом сворачивала в ущелье Святого, я догнал Кузьму Лобанова. Примостившись за едва приметным выступом, он лежал на тропе. Я подполз к нему, он уступил место у стены:

— В пещеру заскочили... Теперь мы их разом возьмем...

Кныш со всеми поскакал поверху в обход... Лишь бы Дуниам-Али посидел немножко у Святого.

Я в ответ похвалил Кузьму и своего помощника Кныша. Но меня беспокоила мысль: неужели Дуниам-Али не понимает, что залез в ловушку? Не скрывается ли тут какой-то подвох? А может быть, бандиты давно проскочили все ущелье, и Кузьма Лобанов зря лежит — только время теряет, когда надо преследовать банду.

Я прополз немного вперед и выглянул из-за камня. Метрах в десяти за поворотом тропы, положив коня поперек, залег за ним чернобородый бандит. Мы начали с ним перестрелку. А остальная банда у нас на глазах потихоньку потянулась из пещеры дальше по тропе.

Тропа вдоль отвесной скалы была извилиста и вся никак не просматривалась нами. Бандиты на конях проскочили зону нашего огня, да и нас всего

двое, и стрелять еще приходилось по бородатому, который залег заслоном.

Но вот на выходе из ущелья навстречу скакавшим бандитам показался наш пограничник — кто именно, не разберешь: далеко. За изгибом тропы он не видел бандитов, и они не видели его. Кузьма вскочил, замахал руками, пронзительно свистнул и закричал ему:

— Слезай! Брось коня! Слышь! Стой! Стой!.. Ложись!..

Я прикрыл его огнем от бородача.

Боец, возможно, заметил Кузьму, но, не понимая, в чем дело, прищипорил коня и въехал в ущелье Святого. Грянули выстрелы. Конь под ним вскинулся, сорвался с тропы и на передних ногах повис над пропастью. Но боец сумел быстро и ловко через голову погибающего коня перебраться на тропу и залег, целясь.

Отчаянно стреляя на скаку, бандиты ринулись к нему. Мы с Лобановым открыли огонь им вдогонку. Один конь под передним бандитом заржал, вздыбился и, увлекая за собой всадника, рухнул в пропасть, затем — второй...

В это время на том конце ущелья загрели дружные раскаты ружейных выстрелов. Бандиты остановились, попятясь, поняли, что выход из ущелья закрыт, и, спасаясь от пуль пограничников, вернулись в пещеру.

Ловушка захлопнулась. Дуниам-Али с приспешниками сидел в пещере. Но как достать их? Перестреляв своих лошадей, они забаррикадировали трупами вход и при малейшей нашей попытке продвинувшись по тропе открывали меткий огонь.

В первую ночь мы попытались штурмовать пещеру. Пограничники, прижимаясь к скале, гуськом медленно продвигались вперед. Но смельчаков встретили пули. Всю ночь в ущелье грохотали выстрелы, и к рассвету оказалось, что мы нисколько не продвинулись. Были убитые и раненые.

Весь день мы тщательно исследовали ущелье. Из пещеры тропа с обеих сторон отлично простреливалась, а небольшой вход в логово бандитов оказывался неуязвимым. По сведениям, у Дуниам-Али патронов было много, продуктов тоже. Что делать? Хоть дальнобойную артиллерию вызывай.

Решили повторить штурм с восходом луны. Но ночью в горах разразилась гро-

за. Вспышки молний следовали так быстро одна за другой, что казались непрерывными и бесконечными. Потоки холодной воды хлестали по голым скалам, катились вниз, на тропу, а с нее водопадами — в пропасть.

Бойцы, рискуя быть смытыми ливнем с тропы, медленно продвигались к цели. Но бандиты бодрствовали и, не жалея патронов, отстреливались.

В середине третьего дня прибыл начальник отряда. С группой человек в двадцать мы пробрались на дно ущелья. Осмотрели трупы убитых в первый день и сверзившихся с тропы бандитов. Над нами ослепительно блестели горы, омытые ливнем. Издалека вход в пещеру казался аккуратно вырезанным овалом, над ним на причудливо выщербленном гребешке, на фоне белесого неба виднелся силуэтик корявого дерева.

Не отрывая от глаз бинокля, начальник отряда посоветовал на всякий случай заблокировать и выходы из ущелья внизу.

— Свое положение головорезы отлично сознают и будут искать выход, — сказал он. — Под ними, видите, казачьи седла. Значит, подпруги, путлища, поводья, — это очень много крепкого материала. Можно нарезать еще ремни и из конских шкур.

— Вы думаете, что Дуниам-Али попытается на ремнях спуститься из пещеры в ущелье?

— Ничего не думаю, — невозмутимо продолжал начальник отряда. — Но если бы я оказался там в положении Дуниам-Али я рискнул бы. Другого пути нет.

Слушавший все это Кузьма Лобанов подошел ко мне и, показывая на дерево дервиша, вполголоса спросил:

— Как по-вашему, сколько примерно будет от того дерева до входа в пещеру?

Простым военнотопографическим приемом я определил, что метров двенадцать.

— Двенадцать? — переспросил Кузьма.

И затем предложил такое, что могло зародиться только в беспшабашной голове такого уральца, как он. Я оторопел. Но другого выхода не было, да и внутренне я был убежден в том, что, если Кузьма Лобанов задумал, — обязательно сделает.

— Разрешаю. Берите, кого нужно...

Кузьма вскочил на коня и негромко приказал:

— Швец, Алексеев, Глушко, — за мной!

Четыре всадника скрылись за обломками скал.

Стрелки часов двигались очень, очень медленно.

Наконец, на гребне горы, над пещерой, рядом с деревом, что украшено тряпочками, появились четыре конника. Они постояли, скрылись и через несколько томительных минут показались вновь, на этот раз — пешие...

Я вынул маузер, чтобы подавать сигналы, и, затаив дыхание, смотрел, как Лобанов на веревке медленно стал опускаться ногами вниз по отвесной стене. Чем ниже спускался он, тем страшнее становилось за него.

Три бойца, держась за единственное дерево, осторожно, чтоб не сорваться са-

мом со скалы, медленно стравливали веревку.

Я поднес бинокль к глазам. Кузьма Лобанов, изредка отталкиваясь от скалы, висел над бездной. Временами его раскачивало. Тогда он, раскидывая ноги, старался найти точку опоры.

Затем Кузьма подтянулся на руках, опрокинулся, обвил веревку вокруг одной ноги и уже головой вниз, лицом к стене спустился еще ниже, к самой пещере. Я трижды выстрелил в воздух: сигнал — опускаться довольно.

Словно сквозь туман я смотрел на него. Он вынимал из-за пазухи гранаты и одну за другой забрасывал в пещеру.

— Одна... другая... третья...

По ущелью пронеслось: «Вира!» Это крикнул Кузьма, чтобы его подняли. Из пещеры вырвалось облако черного дыма, в котором кружились багровые клубы. Вслед за тем донеслись взрывы.

Бойцы-пограничники, блокировавшие бандитов, с криком «Ура!» побежали по тропе вперед.

Три гранаты сделали свое: Дуниам-Али был убит наповал, несколько его соучастников, раненные, лежали без сознания. Остальные вышли из пещеры с поднятыми руками.

ПОЛЯЯ КАМЫШИНКА

Ты прости меня, дорогой Кузьма Ефремович, что я не умею рассказать о твоей душе, о том, какой ты был мяккий и добрый к товарищам, как ты сильно, на всю жизнь полюбил Тасю — русскую девушку из библиотеки азербайджанского городка и как уважали тебя все бойцы нашей заставы.

Я излагаю только случаи из жизни Кузьмы Лобанова во время его ранней службы на границе. Может быть, кто-нибудь из писателей и заинтересуется этим незаурядным характером боевого уральца из Ирбита — приезжайте к нам на Кавказ, я познакомлю с ним поближе и поглубже.

Недавно мне довелось прочитать один роман. В нем герой, поссорившись с братом из-за того, что ему не понравились туфли братовой жены, на протяжении шестнадцати страниц анализирует свое психологическое состояние и решает:

выселить брата из своей квартиры или уехать самому? А затем автор рассуждает еще несколько страниц о переживаниях брата героя, его жены и всех их троих вместе. Очень интересно!

Мне не определено писательского дара. А то я рассказал бы о Кузьме Лобанове, как он подавлял свой страх в трудные минуты, как страдал от неудач и как почти всегда он чувствовал себя необычайно сильным. Сильнее того героя, что поссорился с братом.

— Я ж не один, — часто говаривал он. — У нас на заставе по-суворовски живут: сам погибай, а товарища выручай. Да и потом мы же все — советские.

Малярня, степное солнце, жгучий ветер и усталость не брали Лобанова и Швеца. Однажды они были в дозоре и возвратились пыльные, потные. Хвост и брюхо пса Ирбита — в камышевом пухе. Швец нес пучок камыша.

Кузьма отчитался, привел в порядок себя, вычистил Ирбита и с винтовочным шомполом в руках вышел во двор.

— Тимофеич! — окликнул он Швеца. — Иди, буду доказывать!

Швец разложил перед ним несколько камышинок. Кузьма срезал у одной комлевой конец, вложил в камышинку шомпол, и он выскочил с противоположного конца. А через остальные камышинки шомпол не проскакивал.

— Каленым прутом выжжена. Верно?

Оказывается, они со Швецом на берегу Аракса, под кустами верблюжьей колючки, заметили камышинку. На нашем берегу вблизи заставы камыш не рос.

— Ветром занесло, — предположил Швец.

Но комлевой конец камышинки был аккуратно зачищен, а под метелочкой виднелась дырочка. Кузьма кивнул на персидский берег: там сплошная стена камыша острым мысом выступала далеко в реку. Ему представилось, как матерый контрабандист, дыша через полую камышину, под водой перебирается через Аракс и, посмеиваясь над пограничниками, уходит в глубь нашей территории.

Я согласился с предположением Кузьмы и разрешил ему со Швецом некоторое время, к рассвету, ездить к кустам, где они нашли камышинку.

Через несколько дней они со своим псом Ирбитом на песчаном берегу Аракса увидели следы двух босых ног. Следы прошли на северо-восток, мимо кустов, и от острого взгляда парней не ускользнули ни надломленная ветка, свисающая в воду, ни полоса на влажном песке, будто утюг протащен от берега.

Пограничники двинулись по следам. Кузьма вслух рассуждал:

— Босой... плыл в одежде... Из воды с трудом выбирался, за ветку держался. Груз в мешке. Сперва по земле волочил, а затем на спине понес: пятки наружу сильнее вдавились.

Швец соглашался: язык следов и ему был понятен без переводчика.

Ирбит обнюхал песок, задрав голову, громко потянул воздух и, тычась мордой в землю, повел вперед. Ворвавшись в заросли осоки, пес грудью раздвигал ее и уверенно тянул поводок.

Ирбит притащил пограничников к чинаре, разбитой молнией, сходу поднялся на задние лапы, грудью навалился на ствол, стараясь дотянуться до дупла. Швец запустил руку в дупло и вытащил мокрые штаны и рубаху.

— Хитрый жук, — заметил Кузьма. — В дупле сухое хранил. Пошли, Ирбит, вперед!

Но куда ведут следы? Обычно контрабандист, перебравшись через границу, стремится уйти в горы, проникнуть в село, оказаться под крышей. А этот? Пошел по сухой речке. Ближайший населенный пункт в двенадцати километрах. Чего доброго, Ирбит потеряет след..

Мелкая галька, устилающая пойму сухой речки, шуршала под ногами коней. Временами, жалея их, парни спешили и с трудом поспедали за Ирбитом.

— Э, вот где он притомился! — воскликнул Кузьма, останавливаясь у камня на лысой макушке холма, откуда открывался вид на уездный городок.

Верно ли ведет Ирбит? Сомнения исчезли. На камне отдыхал тот, по следам которого они идут. Долго сидел... Оурук, пепел, обгорелые спички... Кузьма спешил, осмотрел следы контрабандиста, потрепал Ирбита, похвалил и снова вскочил на коня.

Вскоре показали первые городские домики. Потянулись сады. Дорога уперлась в базарную площадь. Пес свернул

в переулочек и подбежал к калитке дома с верандой, где жил Гилиаз Караманович Кулиев, директор местной школы-семилетки. Пограничники не раз бывали у него, налаживая на заставе занятия по повышению образования. Неужели Ирбит не ошибся?

Однако не за тем, чтобы в нерешительности стоять у цели, дозорные ехали столько километров.

— Держи Ирбита. Может, понадобится, — распорядился Кузьма. — Никого из дома не выпускай.

Он решительно открыл калитку, по лестнице взбежал на веранду и без предупреждения вошел в большую светлую комнату.

— Здравствуйте!

За обеденным столом сидели хозяин с хозяйкой, милицейский работник и незнакомые мужчины: двое в пиджаках, третий в легком шелковом бешмете. Приветливая хозяйка Айнэ-ханум увидела Кузьму и, улыбаясь, протянула нараспев:

— А-а-а! Товарищ Лобанов, хошь гяльды! Снимай ружье, садись к столу.

Хозяин — Гилиаз Караманович — вскочил со стула навстречу Кузьме:

— Товарищи, знакомьтесь, — оживился он. — Это Кузьма Ефремович Лобанов, наш друг. Славный защитник рубежей нашей родной Советской Республики. Верно я говорю, дорогой?.. Прощу к столу...

Хозяйка быстро налила Кузьме чая.

— Чай пить не буду! — угрюмо сказал Кузьма, думая, как объяснить причину своего прихода.

Гилиаз Караманович подмигнул жене, потирая руки:

— Может быть, стопочку? Помните, как на постоялом дворе Пугачев сказал Гриневу: «Ваше благородие, чай не казачье питье!» Помните?..

Айнэ-ханум поняла мужа, раскрыла буфет.

— Нет. Спасибо, — остановил ее Кузьма.

— А что же вы хотите, уважаемый Кузьма Ефремович? — допытывался хозяин.

— Документы! — выпалил Кузьма. Он отстранил Гилиаза Карамановича и взял за плечо мужчину в шелковом бешме-

те. — Предъявите документы!

— Это мой брат, — вмешался милицейский работник, подымаясь, и осторожно похлопал по своей пистолетной кобуре.

Кузьма настаивал:

— Пусть — брат. А документы предъявите. Ну!.. Быстрее!..

Незнакомец в ответ выхватил из своего кармана браунинг. Щелкнул курок. Кузьма отпрянул, увернулся, и пистолетный выстрел потонул в грохоте умышленно опрокинутого Кузьмой стола. Ударом кулака он свалил незнакомца на пол, ногой придавил руку с пистолетом и закричал в окно:

— Швец, пускай Ирбита. Ирбит, ко мне!..

Примчался пес Ирбит и, оскалив клыки, остановился возле хозяина. Кузьма подобрал пистолет незнакомца и взглянул на остальных:

— Выкладывайте оружие!

Милицейский работник было заартачился, но рык Ирбита заставил его подчиниться. Он покорно отстегнул маузер.

— Вот что, «други», — продолжал Кузьма, — садитесь на тахту и сидите смирно. Ирбит — пес серьезный, того и гляди на куски разорвет.

Кузьма обратился за помощью к прокурору.

Прокурор дозвонился до штаба отряда, оттуда мне приказали: срочно выехать. Пограничники и местные власти,

милиция быстро собрались к месту происшествия.

Дом учителя оцепили, тщательно обыскали. И ничего не обнаружили. Стрелявший в Лобанова действительно оказался братом милицейского работника — Мирджафаром Вали-оглы, постоянно проживающим в этом городе, а двое в пиджаках, бакинцы, приехали в гости к Кулиеву.

«Подвел Ирбит, ему не по следу ходить, а овец стеречь, теперь не оберешься насмешек!» — с горечью думал я, наблюдая, как Мирджафар бойко строчит объяснение по поводу своего выстрела: он, конечно, оборонялся и требует наказать Лобанова.

В это время, гремя сапогами, вбежал Швец и доложил:

— Нашли!.. В колодце!..

В руках Мирджафара сломалось перо, и чернильные брызги разлетелись по сторонам. Лицо хозяина побелело. Айнэханум ахнула и упала в обморок. Милицейский работник рванулся с места, но Швец так взглянул на него, что он попытался и плюхнулся на стул.

Мы вышли на веранду. Два бойца, упираясь ногами в сруб, тянули веревку из колодца и вытащили Кузьму Лобанова. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь листву чинары, сверкали на блестящей поверхности восьми жестяных ящиков, сложенных у колодца.

Восемь ящиков кокаина — шестнадцать тысяч баночек!

Гилиаз Караманович во всем признался. Да, несколько лет его дом служил перевалочным пунктом. Мирджафар Вали-оглы постоянно переходил границу по дну Аракса, дыша через камышинку, и приносил по два-три ящика кокаина. Махмедов и Асланянц приезжали за ними. Брат Мирджафара в милицейской форме служил прикрытием в пути от границы до Баку, откуда кокаин распозался по многим маршрутам.

Как же ты добрался до колодца? — спросил я у Кузьмы.

— И добраться нечего было, — ответил он. — Решил напоить коней, подошел к колодцу, а вокруг него, известно, грязь. Гляжу, на срубе отпечатки тупоносых туфель учителя и чужаков того, кто стрелял... Зачем, думаю, оба на сруб становились, если ворот у колодца в исправности?! Ну и спустился. А там — тайничок...

ПО СЛЕДАМ ЛЕГЕНДЫ

Когда меня назначили помощником коменданта, начальником нашей пограничной заставы стал Кузьма Ефремович Лобанов.

К тому времени обстановка на границе значительно изменилась. Камыши, которые служили укрытием для контрабандистов, выжгли. Караванные пути перенесли на тыловые дороги, к новой железнодорожной станции. Строители пропустили через пробитый туннель первый поезд и ушли дальше на запад.

Для застав строились новые добротные здания. В штатах пограничных войск появились инструкторы-собаководы с собаками.

Контрабанду свели почти на нет. Редко кто рисковал заниматься ею. Притихли бандиты-скотокрады, обитающие за кордоном. И только изредка через границу просачивались так называемые нелегалы-щитики. Их задерживали, они уверяли, что ищут убежище по политическим мотивам, но на деле многие оказывались эмиссарами заграничной контрреволюционной эмиграции, мечтающей поднять мусульман на священную войну против безбожных большевиков.

Отслужили все сверстники Кузьмы Лобанова, даже самый старый сверхсрочник Швец готовился демобилизоваться — ехать домой в Белоруссию.

В первый же день моей новой службы на участке произошло крупное событие. Два крестьянина-азербайджанца ехали тыловой дорогой. Их окликнул погонщик осла, жестами попросил спички. Пока он прикуривал, один — в руках у него был прутик — случайно ковырнул мешок на осле. Упершись во что-то твердое, прут у него изогнулся дугой. Кре-

стьяне сообщили об этом нам, и пограничники, догнав погонщика, проверили кладь. В мешках с зерном оказалось шесть боевых ружей — винчестеров и две цинковые коробки с патронами.

Погонщика задержали. Как только его ввели ко мне, я узнал старика Джаваншира, не имеющего определенного местожительства. Местный уроженец, он был полусумасшедшим и бродил из села в село, как «отмеченный печатью аллаха», везде находя кусок хлеба и пристанище.

Многие пограничники знали Джаваншира и жалели. Да и разве можно было без жалости смотреть на неуклюжего, старого, ободранного человека с непомерно большой головой, с воспаленными, слезящимися глазами, с отвислой, постоянно мокрой нижней губой? Скаля редкие широкие зубы, Джаваншир всегда улыбался. Когда его угощали папирозой, он выкуривал ее и затем гасил о свое темя.

Глупо рассчитывать на его показания! Владелец опасного груза знал, кого послать проводником. Не Джаваншир гнал ишака куда-то, а длинноухий вел его по известной ему дороге.

Но Кузьма Лобанов, бывало, разговаривал с ним. Поэтому я вызвал Кузьму.

— Этот ничего не скажет, — отмахнулся он. — От ишака больше добыешься. А ишак опять незнакомый попался... Чей — ума не приложу.

Мы вывели осла на место, где задержали, и оставили на дороге. Закрыв глаза, не чуя понуканья, осел долго не двигался, а затем побрел по обочине и перед закатом солнца в большом селе Каладжик остановился у дома под черепичной кровлей на окраине. С горки мы видели, как возле осла засуетился мужчина. Он взобрался на стог сена и, задрав бороду вверх, заголосил:

— О-ге-гей! О-ге-гей! Нашелся! Пришел!.. Нашелся!..

Дом принадлежал кулаку Абукиру Наджаф-оглы, члену шайки Дуниама-Али. После тюрьмы и амнистирования он больше не был замечен в бандитизме и торговал скотом.

Его односельчане подтвердили: три недели назад Абукир заявил о пропаже осла, который — велик Аллах! — только что вернулся целым и невредимым.

Но дом мы обыскали и под грудой кизяка нашли винчестер, тщательно сма-

занный и укутанный промасленным тряпьем.

— А это что?! — грозно спросил я.

Старик тоном искренне кающегося ответил:

— Схитрил. Приказали сдать оружие — русскую винтовку и наган сдал, а эту оставил.

Кузьма Лобанов погрозил ему кулаком:

— Толкуй! Сколько лет назад разоружились? А? Чего молчишь? — Он протянул винчестер мне. — Посмотрите дату выпуска: в прошлом году сделан.

Абукира арестовали. И, пожалуй, он отделался бы наказанием за незаконное хранение оружия, а поиски владельца винчестеров, которые вез осел, ни к чему не привели бы. Но в те дни в маленьком кишлаке на берегу высокогорного озера Керегель появился бродячий дервиш Адам Ширий-оглы. Местным комсомольцам он показался подозрительным. И при обыске у него нашли четыре разобранных винчестера и патроны к ним.

А на участке Кузьмы Лобанова пеший патруль, возвращаясь из наряда, обратил внимание на крестьянина, занятого поливкой своего поля. В его поведении было что-то подозрительное. Пограничники завели с ним разговор и под его архауком, брошенным на межу, обнаружили тоже винчестер. Тогда крестьянин заступом по голове сбил с ног одного пограничника и бросился бежать к Араксу, к границе. Второй пограничник выстрелил ему вдогонку и убил наповал.

Командант вызвал меня.

— Езжайте к Лобанову. Где-то там просачивается винчестеровский ручеек.

Кузьму я застал невеселым. Он только что возвратился с границы.

— Видишь? — показал он на части винчестера, разложенные на подоконнике. — Подобрали в оросительной канаве, в воде, в бурдюке был упакован... Голова кругом идет!.. Вот она, канава.

Кузьма склонился над картой, показал канаву и, ведя пальцем от правого фланга своего участка к левому, продолжал:

— Здесь по скалам и жук незамеченным не переползет... За излучину спокоен — пост там... Думалось мне, бандиты оружие переправляют по примеру Муслима-муллы, — вчера по реке бродил, дно крючьями проскреб. Разве что в этом месте?.. — Он отчеркнул ногтем надпись Гюльгюль Кымбез и после паузы тихо

спросил: — Стык двух пограничных участков. Как дело доходит до стыка, мы друг на друга надеемся: может быть, соседка доглядит? Проскочим к Гюльгюль?

Гюльгюль Кымбез — одинокая гора на берегу Аракса, увенчанная древними развалинами. Вдоль нее шел глубокий головной канал, построенный много лет назад, оросительной системы. Вода из Аракса в канал шла самотеком через ворота, закрываемые тяжелой дубовой плитой, а дальше, подняв заслонку, можно было спустить воду в арыки, по ним в многочисленные канавы — дальше, на поля.

Управлял этой оросительной системой Кули Аскар-бей — прежний владелец канала, а теперь «распределитель воды», и его работники, человек пять.

Во второй половине дня мы подъехали к головному каналу. У ворот, поднимая их, возилось четверо крестьян. Кули Аскар-бей в высоких болотных сапогах, покрытых грязью, сидел на камне и, покрякивая на подчиненных, сосал трубку.

Не взглянув на нас, он сквозь зубы ответил на приветствие и повернулся спиной.

— Ты что же не ко времени щит поднимаешь? — по-хозяйски спросил Кузьма. — Полив давно кончился.

Старик зло сплюнул и проговорил:

— Был я хозяин — я один знал, кому воду давать, в какое время давать. А теперь всякий голоштанник во всякое время приходит приказать: «Пускай воду». Ха! Что скажу?..

Кули Аскар-бей не то засмеялся, не то закашлялся.

Мы перебрались через канал и поднялись на вершину Гюльгюль Кымбез. Оттуда открывался чудесный вид на обе стороны границы. А с первыми порывами предзакатного северо-западного ветра воздух наполнился тихой, приятно ласкающей слух мелодией: казалось, в зарослях на скалах притаились искусные игроки на свирелях.

«Певучесть» развалин была широко известна. За сотни лет в каменных стенах ветрами повидало своеобразные свистульки, и стоило потоку воздуха направиться под известным углом, Гюльгюль Кымбез запевала. Нежные звуки настраивали на мечтательный лад, и я заговорил о народной легенде вокруг этих развалин.

Кузьма посмотрел на меня, как на ребенка, и попросил рассказать легенду. Он любил народные предания, сам знал множество уральских сказов и увлекался азербайджанскими.

Видя, что он не прочь послушать, я рассказал, как в незапамятные времена в этих краях правил шахиншах Кымбез. Был он, конечно, богат, имел сто одну жену, а детей — нет и нет. И вдруг царство облетела радостная весть: семьдесят четвертая жена Кымбеза родила дочь.

Десять дней длился пир в честь новорожденной. Гости щедро одаривали единственную усладу шахиншаха. И вот один горбатый седобородый старик, которого никто не знал, подарил ей судьбу:

— Прекраснее, добрее и великодушнее всех женщин на свете будет твоя дочь, о шахиншах, — сказал он. — А потом она полюбит сына водоноса, станет его женой, и он, ее счастливый супруг, пронзит тебя мечом и унаследует твой трон.

Грозный шахиншах приказал срубить старику голову. Но старик исчез. Тогда стали рубить головы всем сыновьям водоносов всего царства. Но водонос Далаф с женой и пятилетним сыном успели бежать из царства безжалостного Кымбеза.

По приказу шахиншаха на крутой неприступной горе, что со всех сторон омывается Араксом, воздвигли дворец, окружили его крепостными стенами, вокруг насадили непроходимый лес. Жителям царства объявили: кто осмелится приблизиться на один конный переход к этой горе — смерть!

В том дворце стала жить дочь Кымбеза — Гюльгюль. Ее охраняли сто отборнейших воинов. А чтобы шахиншах знал о их готовности отразить любое нападение на дворец его ненаглядной дочери, воины с утра до вечера должны были играть на свирелях.

Кымбез ежедневно навещал дочь, и сердце его наполнялось радостью: все краше и краше становилась Гюльгюль.

А сын водоноса Далафа — Зульфугар благополучно вырос, стал самым метким стрелком. Когда ему исполнилось двадцать, его назначили старшим над охотниками и поручили надзирать заповедные угодья.

Как-то Зульфугар шел лесом, и его зоркий глаз заметил рыжую лису в капкане. Он вскинул лук, но лиса заговорила человеческим голосом:

— Не убивай меня. Я не лиса, а джин

Гаммада. Освободи меня, и я тебя осчастливорю.

Изумленный Зульфугар раскрыл капкан. Лиса подпрыгнула, ударилась оземь и превратилась в седовласого старца.

— Тебя ждет прекрасная Гюльгюль, — сказал он. — Дочь великого шахиншаха Кымбеза, тебя ждет трон Кымбеза.

Джин подхватил его, вознес в небо, и, как только опустил, Зульфугар оказался в комнате Гюльгюль. Увидев незнакомого юношу, прекрасного, как месяц, она влюбилась в него, а когда Зульфугар сказал: «Будь моей женой», — согласилась.

С помощью старого джина в ту же ночь Зульфугар похитил Гюльгюль. Кони их мчались, а им вдогонку ветер нес звуки свирелей.

— Джин, почему поют свирели? — спросил Зульфугар. — Или стража прснулась и сейчас бросится в погоню?

— Нет! Стража усыплена. А это маленькие джины выполняют мой приказ. Их музыку слушает Кымбез, и сердце у него спокойно...

Придя к своей дочери, шахиншах Кымбез не нашел ее во дворце. Он поднял уснувших воинов и бросился в погоню. Девять дней и девять ночей он гнался за Зульфугаром. Маленькие джины продолжали играть. Звуки свирелей усыпляли воинов, расслабляли, они отстали от Кымбеза. Шахиншах один настиг Зульфугара. И юноша в поединке пронзил Кымбеза мечом. Он сыграл свадьбу и стал править страной. По его повелению разрушили крепость и дворец на горе, омываемой Араксом. Но старый джин забыл сказать маленьким джинам, чтобы они перестали играть на свирелях.

— Та-ак! — глухо промолвил Кузьма, выслушав меня. — Это все — по рассказу Юнуса Юнусова. А подробнее ты не знаешь?

— Зачем тебе подробнее? — удивился я. — И так скоро темнеть будет.

— В каждой сказке есть кусочек правды, — проворчал Кузьма. — Даже когда про волка и медведя или про бабу-ягу... Скажем, Зульфугару, понятно, джин помогал во дворец проникнуть. А Кымбез как ходил к дочери? По мосту? Моста не было. На тулунах здесь не проплывешь — крутель да пороги...

— Да пойми ты, голова! — рассмеялся я. Это ле-ген-да! Небылица. А ты следы ищешь.

Солнце село. Мы заспешили назад.

Скоро ночные наряды высылать. Поехали. Застоявшиеся кони торопились. В наступающих сумерках Кузьма, прощаясь со мной, сказал:

— Все-таки в этой сказке правду поискать надо...

Вскоре нам сообщили из-за кордона, что бывший муссаватистский деятель Межнин-бек приобрел крупную партию оружия и по частям переправляет его своим единомышленникам. Вот, значит, откуда появились винчестеры. Но ведь где-то на нашей стороне у него должен быть тайник, куда он прячет оружие. И его надо было во что бы то ни стало отыскать.

Кузьма Лобанов позвонил мне по телефону:

— У меня просьба, — сказал он. — Хочу побеспокоить Юнуса Юнусова. Уважь, сведи нас...

Договорились. 116-летний Юнус Юнусов — сказитель, известный и за пределами района. Потомство его от трех жен до того размножилось, что сам Юнус, до конца сохранивший свежую память, потерял счет многочисленным праправнукам. Всем, и ему в том числе, казалось, что Азраил — ангел смерти — забыл о Юнусе, потерял страничку из книги живых и мертвых, где записано его имя.

Мы обратились к молодому Вагапу Юнусову, работнику укома комсомола — сыну тридцать пятого правнука Юнуса. Вместе с Вагапом пошли к сказителю. Старика застали во дворе. Поджав ноги, он сидел на кошке в тени чинары и курил кальян. Поглаживая бороду, выкрашенную хной, он поклонился, проговорил: «Хошь гяльды! Здравствуйте!» После того, как, соблюдая ритуал, мы справились о здоровье почтенного и его семейства, Кузьма попросил:

— Уважаемый дедушка Юнус Юнусович! Расскажите нам о Гюльгюль Кымбез.

— Гюльгюль Кымбез? — задумчиво повторил старик. — Неинтересная повесть, но раз господа пограничники хотят — слушайте.

Не скупясь на отступления, не жалея красок и тонкого восточного словесного орнамента, характерного для творений древних азербайджанских поэтов, старик долго рисовал перед нами картину за картиной. Наконец, он закончил словами. «Все это было так, свидетель тому Аллах», — и умолк.

Кузьма спросил:

— Вы, дедушка, не обижайтесь, а скажите, как же Кымбез ходил к дочери? По мосту? Или джин помогал?

— Пхе! — пыхнув дымом, воскликнул старый Юнус. — Разве я не сказал? Джинны не помогали шахам. А из дворца Кымбеза с той стороны Аракса был подземный ход во дворец прекрасной Гюльгюль.

— Постойте, постойте, это доказать надо, — продолжал Кузьма. — Где этот ход? Под водой, что ли?

Мне стало неловко за него: взрослый человек, командир-пограничник — и вдруг

такие вопросы по поводу сказки. «Рассердится Юнус», — подумал я. Но старик, кряхтя, приподнялся, сел на корточки и чубуком кальяна начал вычерчивать на кошме...

— Это вот гора, — говорил он. — Тут был дворец Кымбез. Вот течет Аракс. Вот построенный канал. И где-то здесь ход. Не я его строил, но мои деды говорили. Все это было, свидетелем тому Аллах!..

Кузьма горячо поблагодарил старика.

Возвращаясь домой, мы молчали. Лишь у развилки дорог, где нам следовало расстаться, я не выдержал и усмехнулся:

— Чудак. Дался тебе этот подземный ход, будто сам по нему идти собираешься. Даже, предположим, ход был... даже есть... Легче станет?

Кузьма уклонился от ответа.

— Между прочим, — сказал он, — вчера Гасан приходил. Беседовали. Говорит: последнее время Джаваншир возле «распределителя воды» вертелся... До этого в Кишлах жил, а теперь сюда пришел. Про дервиша тоже говорил, будто при муссавате он у Кули Аскара работал. Неплохо было бы ночной полив запретить. Как думаешь? Чего ради лишним людям бродить по границе?

Я согласился и пообещал доложить коменданту. Но назавтра меня попросили к телефону:

— Это я, Швец! — кричали мне с заставы. — Кузьма Ефремович, то есть, простите, наш начальник товарищ Лобанов просит вас немедленно прибыть к Гюльгюль Кымбезу...

Я поскакал. Швец поджидал меня на подороге.

— Там такое, такое, что и не поймете... — рассказывал он. — Товарищ Лобанов клад ищет. Полгоры срыл, что-то нашел... вас ждет...

Когда я поднялся на Гюльгюль Кымбез, меня встретил ласковым урчанием пес Ирбит. Кузьма с пятью красноармейцами без гимнастеров, потные, покрытые слоем пыли, стояли у края глубокой ямы. На дне валялись кирка, лом, лопаты.

— Юнуса проверяю, — весело смеялся Кузьма. — Вернее — себя. Вот докопались до кирпичного свода. Его ни лом, ни кирка не берут. Может быть, тайник там?

Я спустился в яму, ощупал кирпичи, сложенные руками средневековых мастеров, и задумался. Задумался и Кузьма. Внизу к каналу пришел Кули Аскар с

работниками, вооруженными заступами. Они намеревались пустить воду на поля. Кузьма хитренько сощурился и решительно спустился к ним.

— Поливать вздумали? — безразлично спросил он у «распределителя воды» и неожиданно вплотную подошел к одному крестьянину. — Что в мешке? Показывай!

Крестьянин покорно снял заплечный мешок из козьей шкуры. В нем оказались две вареные курицы, зажаренная ляжка баранины, до десяти хлебцев, сыр, несколько пачек папирос, спички, полбутылки коньяку, флакон керосина.

— Ужинать собираетесь? — посмеиваясь, спросил Кузьма.

— Да, начальник. Работа тяжелая. После нее надо много кушать, — серьезно подтвердил Кули Аскар-бей.

— И коньяк пить будете?

«Распределитель воды» чуть-чуть смутился, но примирительно сказал:

— Ночью грех Аллаху не виден...

Я тоже спустился вниз, Кузьма подошел ко мне и зашептал:

— Разрешить действовать... Чует сердце, не ошибусь... Разрешаешь?

Содержимое мешка, смущение «распределителя воды» заставили подумать, что не зря Кули Аскар притащился к каналу в неурочное время. И не себе он принес ужин. Я кивнул Кузьме: действуй!

— Водолизов в сторону, в кусты, — сразу скомандовал Кузьма своим бойцам. — Охранять, как арестованных. А мы вместо них поработаем, поля польем...

Но поливку он начал с того, что опустили тяжелый дубовый заслон меж Араксом и главным каналом. Затем подняли щиты к арыкам, и вода устремилась на поля. Мы стояли на наружной стене канала. Уровень воды в нем быстро понижался. Неожиданно Кузьма схватил меня повыше локтя и, сжимая мне руку до боли, глухо произнес «Смотри! Смотри!»

Напротив нас, чуть сбоку, на внутренней стене канала, показалась недлинная щель. Вода в канале убывала, щель становилась шире, выше и выше и, наконец, превратилась в проем, чуть меньше человеческого роста. Из него вытекала мутная вода.

— Ход!

Кузьма прыгнул на дно канала. Ноги его почти по колено увязли в тине.

— Погоди, всякое может случиться, пойдем вместе, — сказал я.

Швец с Ирбитом на поводке последовал за нами. Втроем мы остановились перед входом в подземелье. Коридор тянулся вверх, сразу видно, что вода его не заливала, а только прикрывала. Я вынул карманный фонарик и, опережая Кузьму, вошел в коридор. Слабый луч фонарика скользил по влажным кирпичным стенам. Я сделал с десяток шагов и наткнулся на ступени. Поднялся по ним. В лицо ударил сухой, затхлый воздух. Лестница окончилась. На миг показалось, будто в глубине коридора мерцает огонек. Я остановился, выключил фонарик и прислушался.

Кузьма схватил меня за рукав и сердито зашептал:

— Участок-то мой, мне и полагается идти впереди...

Коридор был очень узкий, вдвоем не разминуться. Продолжая вглядываться в темноту, я молча отстранил Кузьму и пошел дальше, снова включив фонарик. Сзади отчетливо слышались тяжелые шаги Швеца и прерывистое дыхание Ирбита.

Когда коридор начал расширяться, из глубины послышался глухой, испуганный возглас: «Кимсан? Кули?» Затем нас ослепила яркая вспышка, прогремел выстрел. Что-то тупое, горячее ударило меня в левое бедро. Я вскрикнул, стараясь удержать равновесие, широко шагнул и упал на сырой кирпичный пол. Что-то тяжелое на миг придавило мне плечи. И не успел я сообразить, что Ирбит пробежал по мне, как услышал команду Кузьмы:

— Ирбит! Взять его!.. Швец, помоги Сергею Сергеевичу!..

Разноцветные круги поплыли перед моими глазами. Из темноты раздался истошный крик: «Омман! Омман!»... Рычание Ирбита... Два глухих выстрела... Потом я уже ничего не слышал...

Лежа в госпитале, я узнал от Кузьмы Ефремовича, что под развалинами Гюльгюль Кымбез, в тайнике, соединенном длинным ходом под Араксом с персидской стороной, обнаружен большой склад оружия. Захвачен и Межнин-бек, скрывавшийся там, чтобы готовить контрреволюционное восстание.

Милый Кузьма! Шайтан уральский! Он и сказку сумел применить к делу, которое поручила ему страна.

* * *

После госпиталя я еще полтора месяца отдыхал на Черноморском побережье, а затем из Москвы поступил приказ: меня назначили начальником отряда совсем на другой границе. Меня заменил Кузьма Лобанов. И на долгие годы я расстался с Кузьмой Ефремовичем, совсем было потерял его из виду. И только недавно совершенно неожиданно мне повезло встретиться с ним.

Я теперь уже полковник запаса. Поехал в пограничный городок Закавказья навестить сына и внука. В вагоне от случайного попутчика вдруг узнаю, что Кузьма Лобанов жив-здоров и работает там же, недалеко от границы, директором совхоза.

Тут же, с дороги, послал телеграмму и, сделав небольшой крюк, заехал к нему. Как же я мог не повидаться со своим старым боевым товарищем!

Насколько радостной и сердечной была наша встреча — говорить не приходится. Я еще раз жалею, что нет дара описать ее. Пять долгих ночей, вплоть до утра, вели мы задушевные беседы, вспоминая славные дни нашей беспокойной службы.

А когда я вернулся домой, твердо решил рассказать нашей молодежи о Кузьме Ефремовиче Лобанове — замечательном пограничнике-следопыте, который тридцать пять лет честно и мужественно охранял рубеж нашей Родины.

Пусть парни, что пойдут служить и, может быть, станут пограничниками, будут такими же смелыми и умелыми, как уралец Лобанов. Пусть они помнят его наказ одному новичку-пограничнику:

— На границе тишина обманчивая, беспокойная. Но ты не трусь, а бесстрашно и зорко смотри вперед. Ты ведь очень сильный человек: у тебя за спиной Советская Родина. Будь начеку!

СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ

ТЕЗКИ НА КАРТЕ

На Урале встречаются города, поселки, реки, урочища с одним и тем же названием.

Если, однако, познакомиться с происхождением их, то окажется, что это не случайно: имена-тезки

связаны с какими-то характерными признаками места, времени, языка жителей.

Вот небольшая «коллекция» таких названий с кратким толкованием их происхождения.

КАРАГАЙ

В 15 километрах от станции Менделеево Свердловской железной дороги расположено большое село Карагай, центр крупнейшего в Пермской области сельскохозяйственного района. Это древнейшее поселение русских на Западном Урале. Оно возникло в 1469 году как вооруженный остро-

жек на месте, носящем название Карагай.

Слово Карагай — тюркское, означает — сосна, лиственница. На севере Челябинской области есть озеро Карагайкуль, а около озера деревня одноименного названия. Карагай — сосна; куль — озеро. Озеро в основном лесу.

Других Карагаев, кажется, нет.

ДВА БИЛИМБАЯ

В пригороде города Первоуральска есть поселок Билимбай, а в Очерском районе Пермской области — деревня Билимбай, которую еще называют и Билимбаихой.

Происхождение первого имени объяснялось в № 8 «Уральского следопыта» за 1958 год. Но есть и другое толкование.

230 лет назад, в 1730 году, граф Строганов получил разрешение строить на речке Теленбаихе (приток Чусовой) чугуноплавильный завод. Выстроенный завод стали называть Билимбаевским, изменив слово «Теленбай» на русский образец.

Объяснить происхождение второго Билимбая оказалось сложнее: ни реки, ни урочища с похожим названием поблизости нет. Здесь было другое.

Окончание коллективной повести
«ГНЕЗДО ВЕТРОВ»
смотрите в седьмом номере
«Уральского следопыта»

В 1759 году Строганов получил разрешение строить второй завод на речке Очер (правый приток Камы) в Пермской области. Выбранное для строительства место было мало заселено, и Строганов стал завозить сюда крепостных людей из разных мест: из Казани, с Поволжья, но главным образом из Билимбаевского завода.

Условия труда крепостных были страшно тяжелыми, и крепостные бежали кто куда — не только в одиночку, но и целыми семьями. Выставленная по всем дорогам и тропам охрана не могла остановить массовых побегов.

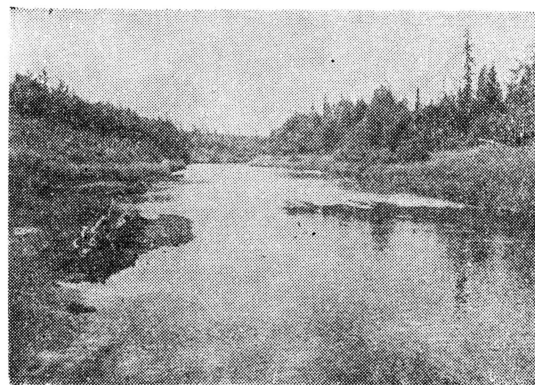
ТРИ ЛЫСЬВЫ

В Пермской области есть три реки с одинаковым названием — Лысьва. Одна из них — левый приток Чусовой, другая — правый приток Камы в Соликамском районе и третья — правый приток Обвы в Верещагинском районе. На Лысьве, притоке Чусовой, — город Лысьва.

Вскоре приказчики Строганова обнаружили далеко от строившегося завода целое селение. Жители называли его Билимбай, или Билимбаиха. Сбежавшие со стройки крепостные занимались здесь охотой, рыбной ловлей и даже раскорчевкой леса под посевы.

Всех работоспособных Строганов распорядился отправить на строительство завода, а нетрудоспособные остались в этой деревне. Так и сохранилось до наших дней на Урале два Билимбая.

На тюркском наречии т е л е н — попрошайка; б а й — богат, т е л е н б а й — богатый попрошайка.

ЧЕТЫРЕ УСОЛКИ

Четыре реки носят имя Усолка: две — притоки Камы (в Соликамском и Березниковском районах), одна — приток реки Яйвы и одна — приток Чусовой.

Названия этих рек, конечно, связаны с солью — на Западном Урале местное население издавна добывало соль. Есть город Усолье, тоже старинный населенный пункт солеварения — ему 354 года. Город Соликамск (первоначально именовался Соль-Камская) основан еще раньше — в 1430 году.

ПЯТЬ СИВ

Есть четыре реки Сивы, и все они протекают по территории Пермской области: правый приток Камы и две речки — Малая и Большая Сивы образовали другую Сиву — приток Обвы. Но есть еще пятая Сива — село, центр одного из районов Пермской области.

Название происходит от коми-пермяцких слов: с и — волос, т и н а; в а — вода, река.

ШЕСТЬ СЮЗЬВ

Рек с именем Сюзьва оказалось еще больше, чем Сив. Одна Сюзьва — приток Камы в Нытвенском районе, другая — приток Камы в Кировской области. Причем эта

речка берет начало двумя Сюзьвами в Юрлинском районе: Белой и Черной Сюзьвой. Недалеко от слияния двух Сюзьв находится деревня Сюзьва. Километрах в 50 от Перми по железной дороге на Москву есть разъезд Сюзьва. По коми-пермяцки: с ю з ь в — филин, в а — река.

СЕМЬ ЧУСОВЫХ

Река Чусовая — один из больших притоков Камы — образуется от слияния двух рек: Западной Чусовой и Полдневой Чусовой. В Чердынском районе есть озеро Чусовское, на берегу которого два села и оба — Чусовские. Есть рабочий поселок Чусовские городки. А город Чусовой всем известен своим крупнейшим на Западном Урале металлургическим заводом.

Кроме названия Чусовая, есть река Полуденный Чус, правый приток Камы в Кировской области. Полуденный Чус образуется из речек Чус и Северный Чус, которые берут начало на территории Коми-Пермяцкого национального округа.

Чусовая — быстрая река (у коми-пермяков слово чус означает бы с т р ы й).

СКОЛЬКО ЖЕ КУНГУРОВ?

А вот Кунгуров на Урале больше десятка.

Наиболее известен среди них, конечно, город Пермской области, основанный еще в 1648 году. О нем уже писалось в «Уральском следопыте» (№ 3, 1959 г.).

В Кунгурском районе есть и речка Кунгур. В Оханском районе — тоже речка и маленькая деревенька с этим же именем. Деревня Кунгур есть в Верещагинском и Гайнском районах. А в Чердынском районе известна небольшая гора с таким названием.

В 85 километрах от города Оханска, по направлению к Казани, стоит деревня Кунгурская.

Есть деревня Кунгурка километрах в 30 на юг от Свердловска. Она стоит на речке Кунгур, притоке Чусовой. В Покровском районе, на реке Исети, также есть деревня Кунгурка. Озеро у села Шелкун, в Сысертском районе, раньше называлось Кунгурским.

Каково же значение этого слова? Об этом до сих пор спорят.

Предполагают, что оно — от тюркских слов: к у н — яма, г у р — грязная. Слово «смуглый» на этом наречии тоже — кунгур.

А. ШАРЦ

"Зелёное железо"

Продолжение

Худ. В. Бубенчиков

—Ребята!

У меня что-то
с ногой!

—Это — растяжение.
Видимо, когда мы прыгали
сюда

—Смотрите,
что я нашёл!

—Надо проверить.
не случайность ли это?

—Как мы будем
отсюда
выбираться?

—Вот это место!

—Я же совсем не могу идти.

— Так уходить нельзя; сено-то надо прибрать!

— Вот вам орудия труда!

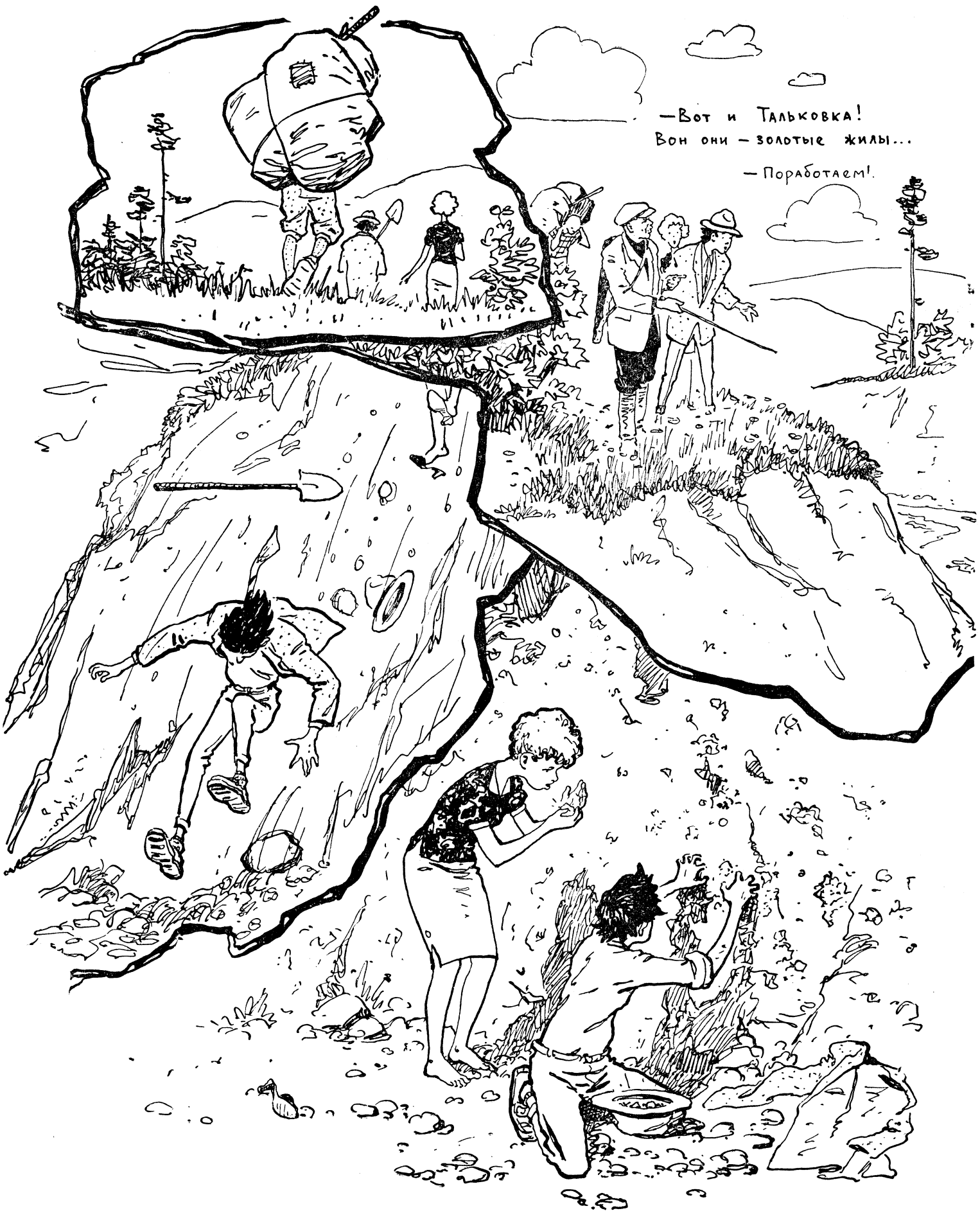
— Пошевеливайтесь!

— В народе есть поговорка: зеленое железо ищет. Это про тех, кто надеется на легкий случай, сам не зная точно: что искать и как искать. А в каждом поисковом деле, перво-наперво, надо мозги свои вооружить и мобилизовать, потом работать, Работать!

— Вот и Тальковка!
Вон они — золотые жилы...

— Поработаем!

— Отдай. Это моё!
— Мы работали!

— Р-разойдись!!
Стрелять буду!!!

— Подавитесь вы
своим богатством, а мне
его не надо! Уйду!

— Тантилей,
верни-сь!

Окончание
следует

А У ВАС КАК ДЕЛАЮТ?

На снимке не идол, и даже не старинная деревянная игрушка. Это скворечник! Сделан он руками какого-то умельца. Долгие годы выводила в нем птенцов не одна семья звонкоголосых птиц, а потом скворечник привлек внимание какого-то собирателя уникальных изделий народного творчества, и птичий домик оказался в Загорском историко-художественном музее-заповеднике, который находится под Москвой.

Подобные скворечники изготавливались в старину из вы-

долбленных колод, ярко раскрашивались. Фигуры с трубами, одна из них изображена на фото, видимо, были в числе излюбленных.

По всей нашей стране, в особенности в умеренной полосе и на юге, скворцы встречаются в большом количестве, и издревле о них заботится народ. В старину считалось большим преступлением перед обществом, если кто-нибудь разорял гнездо или убивал скворца.

А. ГЛАЗКОВ.

УГОЛОК КОЛЛЕКЦИОНЕРА

УРАЛ НА МАРКАХ

(1958—1959 гг.)

«Разве не интересно, например, собрать коллекцию марок, посвященных родному краю? А Уралу, Свердловску и нашим знакомым землякам-уральцам посвящены многие советские марки»...

Эти строки были напечатаны в самом первом номере «Уральского следопыта» (апрель, 1958 год), а рядом на той же странице приводились образцы почтовых марок о нашем крае, о его выдающихся людях.

Прошло всего два года, и мы встречаем новые марки об Урале. Здесь и мировое первенство по конькам среди женщин, проходившее в начале 1959 года в Свердловске, и памятник в Москве нашему земляку, великому русскому композитору Петру Ильичу Чайковскому, и столетие со дня рождения изобретателя радио, уральца Александра Степановича Попова.

В серии «Первенцы советской индустрии» мы видим Челябинский тракторный завод и Уралмаш. И, наконец, на одной из марок серии «Пейзажи нашей Родины» изображена уральская красавица Чусовая.

Исправление. На первой странице вклейки настоящего номера ошибочно указано: «Камень Ермак на реке Чусовой». Следует читать: «Камень Ермак на реке Сылва».

Главный редактор В. Очеретин. Зам. главного редактора Л. Неверов.
Редколлегия: В. Волович, М. Гроссман, С. Захаров (ответственный секретарь журнала), Ю. Курочкин, А. Малахов, К. Рождественская, Г. Томилов, В. Шустов.

Адрес редакции: Свердловск, ул. Малышева, 24; телефон Д1-22-40. Рукописи не возвращаются. Художественный редактор А. Асс. Технический редактор Я. Чернихов. Обложка В. Воловича.

Подписано к печати 6/VI 1960 г. Бумага 84×108¹/₁₆=2 бум. листа — 8,2 печ. листа. Уч.-изд. листа 11,2,

Тираж 60 000 экз. НС 21093. Цена 3 руб. Заказ № 202.

Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, ул. имени Ленина, 49.
Обложка и вкладка отпечатаны на Свердловской фабрике офсетной печати.

на смену!

„Уральский следопыт“ сердечно поздравляет свою старшую сестру — свердловскую областную комсомольскую газету „На смену!“ с 40-летием со дня рождения.

Желаем дорогой соратнице всегда быть по-молодёжному боевой, задорной, увлекательной, творчески выполнять свою роль проводника коммунистических идей в среде нашей замечательной молодёжи.

Наш Урал — своеобразный край удивительных людей, отлично работающих по планам семилетки. Так пусть проторно им будет на твоих страницах!

СЛЕДОПЫТЫ

на с

на смену

40
лет

смену!

40
лет

на

25. Тамбовская 119

Зелено

ОХРАНЯЙ ПРИРОДУ

3 руб.